Александр Усовский

ПРОДАННАЯ ПОЛЬША

Истоки сентябрьской катастрофы

Александр Усовский

ПРОДАННАЯ ПОЛЬША

Истоки сентябрьской катастрофы

Минск
«Современная школа»

УДК 94(438)
ББК 63.3(4Пол)
У76

Усовский, А.

У76 Проданная Польша : истоки сентябрьской катастрофы / Александр Усовский. – Минск : Современная школа, 2010. – 320 с.

ISBN 978-985-513-729-1.

Эта книга – о том, как и почему польская элита предала свой народ в кровавом сентябре 1939 года, о подлинных причинах Второй мировой войны и о той роли, которую сыграла в ней Польша. Эта книга – о доблести простых польских солдат, и она же – о предательстве польских политиков и генералов, обрекших на заклание свой собственный народ.

Но в целом эта книга – о Польше наших дней, в которой, невидимая постороннему взору, все еще продолжается многовековая битва, идущая между Польшей славянской и Польшей европейской – и эта битва еще очень далека от завершения...

УДК 94(438)
ББК 63.3(4Пол)

ISBN 978-985-513-729-1

ПАМЯТИ НОЯБРЬСКИХ МУЧЕНИКОВ

генерала графа ***Станислава Потоцкого***
генерала ***Томаша Яна Семятковского***
генерала ***Станислава Трембицкого***
генерала ***Юзефа Новицкого***
генерала ***Игнацы Блюмера***
генерала ***Мауриция Хауке***
полковника ***Филипа Мецишевского***

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пролог

Краков, сентябрь 1989 года

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом и не прячет под ложем – а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет;
Ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным, и нет ничего сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы

Евангелие от Луки, глава 8, ст. 16–17

Какая в том году в Южной Польше стояла замечательная осень! Почти без дождей и холодных ветров, ласково-теплая, тихая, багряно-золотая. Сказочная осень – в такую осень хорошо, забравшись в отроги Бескид, с рассвета до полудня бродить по склонам поросших буком и орешником холмов, досыта, допьяна надышаться прохладным и хрустально чистым горным воздухом.

А потом на уютной террасе маленькой горной харчевни съесть добротную порцию горячего, огненно-пряного бигоса со свиными ножками, запив ее ледяным «окоцимом». И вечером, нагулявшись до ломоты в коленях, разжечь на открытой всем

ветрам площадке над неглубоким ущельем костерок и, усевшись на необхватные бревна, смотреть на звезды, в неимоверном количестве рассыпанные над головой. Оттуда можно, вглядываясь на север, в прозрачной сгущающейся синеве воздуха различить огни далекого Кракова или Новой Гуты, а может быть, Бохни или Велички, кто знает?

Я люблю Польшу. Я говорю по-польски почти, как житель Подляшья, и знаю Краков не хуже обитателя Звежинца или Казимежа. Я проехал по дорогам Дольнего Шленска больше километров, чем по шоссе и проселкам Тверской области, а в Белостоке или Торуни ориентируюсь уверенней, чем в Смоленске или Брянске. Я отлично понимаю ход мыслей люблинского торговца овощами и знаю, что думает обо мне официантка в придорожном баре в Радоме. Я никогда не чувствовал себя здесь чужим – польская речь никогда не резала мне ухо своими многочисленными шипящими согласными; на второй день пребывания на польской земле я уже не просто говорил – я даже думать начинал по-польски.

Я люблю Польшу – потому что это страна моих двоюродных братьев и сестер, близкая мне по духу и родная по крови.

Сегодня эта страна стала считать меня враждебным чужаком.

Как ТАКОЕ могло случиться?

И разве ТАКОЕ вообще возможно?

Я был осенью восемьдесят девятого года в Польше – я видел все это своими глазами.

Это не произошло вдруг, в одночасье. Той ласковой золотой осенью я видел, как моих польских братьев начинали исподволь учить ненавидеть меня и мою страну.

Я видел, как оскверняли память о наших павших за Польшу бойцах, как истошно требовали сноса памятника маршалу Коневу в Кракове.

Я слышал, как воем выли о трагедии Катыни нанятые плакальщики, ежечасно по всем телеканалам демонстрируя все новые и новые «версии» этого события, бессовестно оболгав меня и мой народ.

Своими глазами я видел, как, вошедшие в раж, еще вчера вполне мирно настроенные люди плевали на военные машины моей страны, и как «ясновельможное паньство» учило пятилетних детей грозить им вослед маленькими кулачонками.

Я был свидетелем того, как старательно доставали из заросших паутиной подполов истлевшие знамена русско-польской вражды.

Мне было больно видеть, как лили фальшивые слезы по святым мученикам Варшавского восстания, обвиняя в их трагической гибели моих тогдашних вождей, маршалов и генералов.

На моих глазах очерняли мою страну, объявляя ее повинной во всех мыслимых грехах и преступлениях – и делали это нагло, уверенно, безнаказанно.

Творили подобное, зная, что моя страна тогда была слаба, как гиены, уверенные в том, что вот-вот появится огромная мертвая туша некогда несокрушимой страны. Моя Родина в то время не могла достойно ответить на эти немыслимые ранее издевательства, на этот антирусский смрад, которым вдруг резко повеяло в Польше.

В то время, как ветераны Советской Армии и Вермахта вместе скорбели над погибшими – кто начал стравливать людей двух соседних стран?

Я видел все это.

И я свидетельствую – все мерзости, что с той осени восемьдесят девятого и по сегодняшний день говорят о моей стране польское телевидение и радио, пишут польские газеты и журналы – есть планомерная и целенаправленная политика

тех сил вне Польши, что уже однажды ввергли эту страну в катастрофу, кровавой осенью тридцать девятого года.

Они всегда готовы сделать это еще раз – потому что для них Польша всегда была, есть и будет мелкой разменной монетой в большом бизнесе под названием «мировая политика». Они уже однажды принудили Польшу стать жертвой вселенского военного пожара – и лишь благодаря моей стране сегодня Польша все еще существует на карте.

Помнят ли об этом поляки? Семнадцать последних лет их старательно учат об этом забыть.

Мы не позволим им этого сделать.

О том, кто, когда и как превратил Польшу в «локомотив» Второй мировой войны, в ее застрельщика и первую жертву, и кто на самом деле спас ее от окончательной гибели – эта книга.

ГЛАВА I
Как закончилась Первая Речь Посполитая

***

Начнем, как водится, от «сотворения мира» – не из занудства или желания поумничать, а потому, что иначе наш рассказ об истории российско-польских отношений и о той роли, которую сыграла Польша в развязывании Второй мировой войны, будет неполным и недостоверным.

Предвижу недоумение читателя – но пусть он мне поверит на слово, без минимально необходимого экскурса в историю наших двоюродных братьев по ту сторону Буга повествование это будет в достаточной степени невразумительным и фрагментарным. А поскольку цель данной книги – беспристрастный анализ «польского вопроса» в контексте причин начала Второй мировой войны, корни которого упрятаны в глубине веков – то автор вынужден напомнить читателю историю Речи Посполитой.

Исходя из здравого смысла, опустим битвы, размолвки и союзы между русскими и поляками, имевшие место во времена легендарные, в годы правления короля Болеслава Храброго, или Мешко I, и вообще опустим «эпоху Пястов». Не станем также расписывать период русско-литовских войн и славное время Грюнвальда, деяния Витовта и Ягайло, как, впрочем, и «польскую интригу» шаек «Лжедмитриев» – оставим это за гранью нашего повествования, ибо тогда сей труд станет объемом с пару томов БСЭ.

Начнем со времен исторически близких и документально достоверных – с того момента, когда благодаря отчаянному положению Великого княжества Литовского его вожди вынуждены были подписать Акт унии с Королевством Польским и инкорпорироваться во вновь созданное государство – Речь Посполитую. То есть – со времени Люблинской унии 1569 года.

Именно с этого исторического момента и стоило бы, пожалуй, отслеживать историю краха Польского государства. Именно тогда, воспользовавшись крушением своего восточного соседа, Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского, последовавшим вслед за поражением в Ливонской войне, ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА – путем присоединения всех украинских земель Великого княжества, лежавших южнее Припяти, к польской Короне – получила экономический базис для своего абсолютно независимого от польского государства существования. Отняв у Великого княжества Литовского Украину – Киевское и Брацлавское воеводства, то бишь нынешние территории Волынской, Ровенской, Житомирской, Хмельницкой, Тернопольской, Ивано-Франковской, Винницкой, Кировоградской, Черкасской, Киевской областей – поляки завладели колоссальными ресурсами, огромной земельной собственностью. Приятным приложением к ней стало многочисленное и трудолюбивое местное население, «украинцы», то бишь жители этой новоприобретенной польской Окраины. Здесь поляки впервые почувствовали себя настоящими, подлинными панами – и именно с этой поры «демократия», в ее шляхетском понимании, стала господствовать в Польше.

Позволю высказать свое мнение – именно эта «шляхетская демократия» и привела Польшу к закономерному финалу, случившемуся с ней через двести лет.

***

Люблинская уния стала следствием военного поражения Великого княжества Литовского в войне против Московии – каковую войну Иван IV отнюдь не планировал перенести на белорусско-литовские земли (как нас уверяют сегодня историки либерального лагеря). За эти военные горести белорусам имело бы смысл винить исключительно свое верховное руководство.

Как знают все школьники, более-менее добросовестно пролиставшие учебники истории, Иван IV Грозный затеял Ливонскую войну ради захвата прибалтийских земель и выхода к морю. И у Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского были все шансы остаться в этой войне нейтральной стороной – глядящей на все ужасы и смертоубийства, происходящие на прибалтийской земле, из безопасного далека.

Но в те годы княжеством правил общий с Польшей монарх – в Вильно он звался Жигимонт, в Кракове – Сигизмунд; и посему нет ничего удивительного в том, что Княжество встряло в русско-ливонский конфликт – как известно, поляки отличаются чрезвычайной боевитостью. Кстати, если бы не напористость польско-литовского монарха – то, вполне возможно, Ливонская война и не случилась бы; во всяком случае, у русского царя не было бы к ней повода.

Король Польши Сигизмунд (Жигимонт) Август

Но литовский Великий князь этот повод Ивану IV дал!

В 1557 г. Жигимонт Август решил сделать наместником своего племянника Криштофа, рижского архиепископа. Желание понятное и объяснимое. Ливония в эти годы – жалкое захолустье Европы, ее лучшие годы – далеко в прошлом. Пять «вроде бы государств» – Ливонский орден, Рижское архиепископство, Дерптское, Эзельское и Курляндское епископства – образуют некую конфедерацию, в которой порядка не больше, чем в публичном доме во время пожара. Богатые портовые города – Рига (куда хотел пристроить племянничка Жигимонт Август), Нарва, Мемель и Ревель – гнули свою политику, склоняясь к шведским единоверцам-протестантам и вообще не желая иметь ничего общего ни с католической Польшей, ни с еще более сомнительной с конфессиональной точки зрения Литвой. Ливонские же рыцари, имеющие замки в Латгалии, склонны были, наоборот, принять главенство какого-нибудь приличного католического монарха, например, Великого князя Литовского и короля Польского. Определенные ливонские круги (из земгальских владетельных баронов, чьи земли были на востоке орденской территории) ничего не имели против суверена в лице Великого князя Московского… Одним словом, Орден пребывал в это время в состоянии агонии и полного политического раздрая.

Жигимонт Август настоял на своем требовании – и даже более того; угрожая войной, он заставил Ливонию попросить мира и заключить союз с Великим княжеством против Московии.

А Ливония, между прочим, – данник Москвы. То есть состоит с ней в отношениях вассалитета. Иными словами, действия Жигимонта Августа – прямой вызов Москве со стороны Риги, перчатка, брошенная ливонскими рыцарями в лицо лично Ивану Грозному.

Русский царь перчатку поднимает – в 1558 г. он начинает войну с Ливонией. 11 мая 1559 г. русские берут Нарву, 19 июня – Тарту,

2 августа остатки орденского ополчения во главе с магистром Фюрстенбергом попадают в плен под Феллином. Ливония дефакто прекращает свое существование.

На ее труп набрасывается целая свора падальщиков!

Ливонский магистр Готкард Кеттлер (ставший таковым ввиду пленения «настоящего» магистра) в отчаянии обратился к Жигимонту Августу как к Великому князю Литовскому (в конце концов есть же союзный договор!), обещая за помощь в борьбе с Москвой передать Княжеству часть Ливонии. 31 августа 1559 г. в Вильно Кеттлер подписал с Жигимонтом Августом договор, по которому магистр передал Орден под опеку Великого князя. К договору присоединился и архиепископ рижский. В июне 1561 г. литвинское войско вошло в Ливонию. Одновременно на Ливонию напала Швеция и захватила Ревель.

Был заключен договор о переходе под власть Жигимонта Августа Риги. На сейме в Вильно литвинские станы согласились с желанием «земли Лифлянтское з иншими паньствы нашими за ровню статися». 28 ноября 1561 г. ливонские послы и Жигимонт Август поклялись в исполнении договора, а 5 марта 1562 г. Орден был распущен. Его война стала войной Княжества...

Так желание Жигимонта Августа разжиться землицей и непыльной должностью для племянничка ввергло Великое княжество в тяжелейшую войну, которая покончила с его существованием как суверенного государства.

***

Русские согласились со сменой противника – уже в апреле 1562 г. московские войска вторглись в пределы Княжества и разорили предместья Витебска, Дубровно, Орши, Копыля и Шклова, осадили Полоцк – твердыню Княжества на северо-востоке.

Царь собрал огромное войско – согласно белорусским хроникам, едва ли не 280 000 воинов и еще 80 000 обозных людей. Правда, как известно, у страха глаза велики, и реально русские полки пришли в Литву числом менее ста тысяч сабель – но все равно воинство было изрядным. «Огненный наряд» его состоял из 200 пушек, четыре из них были настолько огромными, что каждую на позиции устанавливала тысяча человек. Естественно, осады даже пятидесятитысячного войска с двумя сотнями пушек Полоцк не мог выдержать никак, и 31 января 1363 г., после сокрушительного артиллерийского удара, спасаясь от пожаров, полочане сдались на милость московского Великого князя. Милость, правда, была своеобразной – царь раздал полочан в неволю своим боярам, а евреев, отказавшихся принять святое причастие, утопил в Двине. Правда, таковых экстремальных хасидов оказалось немного – Хроника Быховца насчитывает оных около двухсот человек.

Новость о захвате Полоцка Жигимонт Август получил на сейме в Вильно; там было решено созвать «посполитое рушэнне» (всеобщее ополчение шляхты Княжества) и обсуждены предварительные условия унии с Польшей, ибо было ясно, что с грозящим нашествием в одиночку Княжество не справится.

Правда, грядущую Унию заседающие в Вильно вожди видели несколько своеобразной. Литвины хотели равноправия – общий для короны и княжества правитель, выбираемый совместно поляками и литвинами; на общих сеймах решаются дела, которые касаются двух государств; внутренние вопросы рассматриваются на своих сеймах; все прежние структуры

сохраняются. Но полякам такой расклад не понравился – Литва должна была признать себя владением Польши.

Для того чтобы дело в Вильно шло веселее, поляки пошли на подлог: выдали фальшивый рецес (сеймовое постановление), в котором написали, что произошло «объединение двух народов – Польского и Литовского – в один народ, одно тело, и поэтому телу устанавливается одна голова и один правитель, а также одна общая рада».

Литвины же,со своей стороны решили быть хитрее поляков; они, как им казалось, нашли выход из сложившегося положения – на сейме в Бельске литовская Рада одобрила проект своего нового статута, где ликвидировались наследственные права Великого князя на Великое княжество, «в котором они, яко люде вольные, обираючи извечных стародавна из своих продков собе панов и господарей великих вольно князей литовских».

Тем самым литовские магнаты уничтожили наследственные права Жигимонта Августа на Литву, а Унию делали договором временным – на период жизни Жигимонта. Он вынужден был согласиться с этим артикулом 1 июня 1564 г.

Но на самом деле никакого значения хитроумное решение литовских магнатов уже не имело. Потому что поляки делают исключительный по эффективности (и столь же бесчестный) ход – они предлагают сеймикам Восточной Галиции (Западную со Львовом и Перемышлем они захватили еще в 1344 г.), Волыни, Киевского и Брацлавского воеводств (то есть ВСЕМ землям ВКЛ южнее Припяти, на которых проживает две трети всего населения княжества) принять польское подданство, гарантируя тамошней шляхте все вольности и привилегии, которые господствующий слой имеет в Польше. То есть вместо номинального права избирать Великого князя и тяжелой обязанности участвовать в войне, украинской шляхте (в подавляющем большинстве тогда православной) предлагается получить массу льгот и привилегий за пустяк – измену своему суверену.

Ян Матейко. Люблинская уния

ВСЕ сеймики юга княжества принимают решение отойти к Польше!

Самые отчаянные головы среди поляков на этом не останавливаются. Наиболее ярые сторонники инкорпорации предлагают привести Литву к унии оружием, присоединить к Польше Ливонию, отменить литвинские сеймы и уряды, дать Литве вместо герба «Погоня» польского одноглавого орла, а саму ее назвать просто, без изысков – «Новой Польшей».

Правда, на войну с магнатами Великого княжества, продолжающими отстаивать независимость своей страны, Жигимонт Август не решился, но 12 марта выдал универсал о переходе к Польше Волыни и Подолии. Игра была сыграна – без украинских воеводств (без их продовольственных, оружейных и людских ресурсов) война одного Великого княжества с Москвой превращалась в заведомое избиение младенцев, посему литовская делегация, сжав зубы, направилась в Люблин, в свою Каноссу.

27 июня 1569 г. была заключена уния. Ян Ходкевич, выступавший от имени литвинской делегации, горько сказал, обращаясь к своему князю: *«Мы уступаем, но мы уступаем не какому-нибудь декрету, а воле вашей королевской милости как исполнителя законов и общего государя, которому мы все присягали».*

Условия унии означали – одно правительство, один сенат, один сейм, одна печать, одни деньги. Литвины отстояли

только титул Великого князя Литовского (уже без «Русского», ибо «Россия», то есть украинские воеводства, отошла Польше) и отдельные от Польши государственные уряды, свое войско и суд.

1 мая акт Люблинской унии был обнародован. Этот день стал днем рождения нового государства – Речи Посполитой – федеративного союза Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Грозным предупреждением прозвучали слова первого правителя Речи Посполитой Жигимонта Августа при закрытии сейма: «Старайтесь о том, чтобы в государствах не слышалось, как раньше, плача и стонов, ибо когда в них не будет справедливости, они не только долго не продержатся, но Бог отвергнет их».

Жигимонт Август понимал несправедливость унии и начал уже думать, как загладить свою вину перед Литвой – хотел присоединить к ней Мазовию. Но сил у него уже не было. 7 июля 1572 г. смерть забрала последнего польского наследственного монарха. И уже очень скоро, всего через двести лет, Бог, как и предрекал последний Ягеллон, отвернулся от Польши...

***

Закат Первой Речи Посполитой отнюдь не был связан с действиями внешних сил, как об этом любят поговорить польские историки – в крахе Польской державы как раз-таки преуспели силы внутренние.

Главным гробовщиком своей страны стала шляхта Королевства Польского (вкупе с коллегами из Великого княжества Литовского; те тоже приложили руку к крушению общего государства, Речи Посполитой).

Польша, начиная со смерти последнего короля из династии Ягеллонов в 1572 г., установила у себя обычай избирать короля на сейме. А избранный шляхтой король ну при всем своем желании никак не мог сократить доведенные до абсурда

шляхетские вольности, опиравшиеся на колоссальную земельную собственность, им же этой шляхте и переданной в неспокойной Украине! Достаточно вспомнить действовавшее с 1652 по 1764 г. право «либерум вето», когда один упившийся вусмерть или подкупленный делегат мог заблокировать решение всего сейма, выкрикнув пресловутое «Не позволям!». Так была сорвана работа 48 из 55 состоявшихся в указанный период сеймов. Законодательный орган государства зависел от воли единственного депутата, подкупленного, упившегося или просто самодура!

Но «либерум вето» было не единственным правовым нонсенсом Речи Посполитой.

***

Законным юридическим действом были конфедерации – собрания магнатов и шляхты, которые могли объявлять так называемый рокош (мятеж), то есть вполне легально развязывать гражданскую войну. А как же! Шляхта – хозяин Речи Посполитой, ее желания (в том числе желание слегка повоевать между собой) – священны и неприкосновенны! В результате, сколько бы ни хорохорились гордые шляхтичи, крича, что «Польша сильна раздорами!», механизм польской государственности, и без того довольно хлипкий, все эти годы неуклонно и с азартом саморазрушался. Так что обвинять пятна на Солнце в гибели своей страны польская шляхта имела больше основания, чем соседей.

***

Россия не была виновна в крахе анархического и разудалого Польского государства. А вот помочь Первой Речи Посполитой почить в бозе – Россия, безусловно, помогла. Равно как и Австрия, и Пруссия. Был бы только повод, а прибрать к рукам почти бесхозное имущество Польского государства желающие имелись.

А повод… Да вот хотя бы права православных и протестантов, в католической Польше крепко урезанные – чем не повод вмешаться во внутренние дела хоть и скандального, но слабосильного соседа? Благо православные в России и протестанты в Пруссии – что называется, «титульная конфессия», помочь единоверным братьям по другую сторону границы, как говорится, сам Бог велел.

Посему Россия и Пруссия потребовали от польской власти как-то по-хорошему решить вопрос с правами инакомыслящих («диссидентов», по-тогдашнему). Вмешательство во внутренние дела? Безусловно. Защита СВОИХ национальных меньшинств на территории государства, бессовестно их угнетающего? Так точно. Повод для территориальных претензий? Именно так. Причина для взятия под руку православного царя (немецкого кайзера) угнетаемых поляками единоверцев? Бесспорно.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ Речи Посполитой можно рассматривать и как неспровоцированную агрессию двух мощных империй против одной слабой республики, и как избавление единоверцев по ту сторону границы от религиозного и национального гнета – и, что характерно, обе эти точки зрения равно справедливы и равно имеют право на существование. В русских и немецких школах этот раздел ВСЕГДА будет преподаваться иначе, чем в школах польских – и это, дорогой читатель, совершенно нормально. Поэтому оставим вопрос о справедливости этого межгосударственного акта университетским профессорам – для нас важно другое. А именно – по каким причинам этот раздел вообще МОГ СОСТОЯТЬСЯ?

Отчего-то считается, что проблема диссидентов Речи Посполитой (то есть ее русского православного населения, лишенного каких-либо политических прав на основании конфессионального несоответствия католическому нобилитету этого государства) послужила Екатерине II лишь поводом к пресловутым «Разделам Речи Посполитой». Подлинной причиной было ее страстное желание «покончить с Польшей».

Решительно с этим не соглашусь.

Проблема диссидентов возникла не вдруг – корни дискриминации некатоликов в ВКЛ и Речи Посполитой лежат в самом начале истории Княжества. Среди наиболее известных документов, начавших ущемление прав православных – Грамота великого князя Литовского и Русского Ягайло о привилегиях перешедшей в римо-католицизм шляхте 1387 г.; договор между ВКЛ и Польшей 1401 года, в котором закреплялась монополия на политические и экономические права римо-католиков, запрещались браки между католиками и православными; постановления Городельского сейма 1413 г., развивавшего дискриминационные положения вышеуказанных документов. В частности, согласно Городельскому привилею 1413 г., право занимать государственные должности предоставлялось только шляхтичам-католикам.

Новоиспеченный польский король Ягайло (в Кракове ставший Владиславом) при восшествии на польский престол объявил государственной религией Великого княжества Литовского римо-католицизм, лишив Православную церковь покровительства государства. Он же учредил Виленскую католическую епархию, юрисдикция которой распространялась почти на все ВКЛ, наделил костел привилегиями, богатыми жалованиями (в т.ч. и земельными) и открыл путь неограниченному прозелитизму католиков на канонические православные территории. Данный процесс, что и следовало ожидать, интенсифицировался с 1569 г., с момента окончания суверенного существования Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

***

С этого времени положение Православия и православных русских (которые в едином государстве уже были меньшинством) в Речи Посполитой становится критическим.

Если ремесленники в городах объединялись в православные братства, способные хоть как-то защитить интересы Церкви в условиях всевозрастающей дискриминации, то крестьяне стали всецело собственностью магнатов-католиков, переводивших своих крепостных в латинство. Аристократические фамилии Западной Руси стремительно переходили в католичество ради получения привилегии и должностей.

Когда же королем Речи Посполитой стал фанатичный католик Сигизмунд III Ваза, участь Православия в Польше была решена.

На Правобережной Украине и в Литве положение православных было ужасающим. После воссоединения Левобережья с Россией польское политическое руководство стало видеть именно в русском православном населении Литвы главного виновника политических неудач Речи Посполитой. При короле Яне Собесском (1674–1696 гг.) вновь были даны особые привилегии униатам (о которых речь пойдет ниже), а у православных отнята почти вся их собственность. Захваты храмов и монастырей, насильственное обращение в унию, убийства православных мирян и священников вновь стали обычным явлением. Православным было запрещено покидать пределы королевства, а их собратьям из других стран был запрещен выезд в Польшу. Безумная политика фанатиков католицизма привела (в условиях общего кризиса польского государства) к полному отторжению русским православным населением Литвы польского короля как своего суверена и неприятию Речи Посполитой как Отечества. А если добавить сюда тот факт, что уже восточнее Смоленска лежало государство, где русский православный народ был народом государствообразующим, народом главным и основополагающим, где православие было государственной религией – положение русских в Литве казалось им еще горше.

Понятно, что со стороны польских королей конечной целью этого беспрецедентного давления на русское православное

Король Польши Сигизмунд III Ваза

население Литвы являлось полное окатоличивание православных, церковная уния являлась не более чем переходным периодом. Реакцией на данный процесс явился рост числа православных братств и их школ – в Могилеве, Минске, Слуцке, Пинске, Вильно и др. городах.

О накале противостояния красноречиво говорят народные восстания в Минске, Полоцке, Бресте, Витебске, Орше, других городах и деревнях в 1599, 1601, 1618, 1621, 1627, 1633, 1646, 1653 гг. Одним из крупнейших было восстание в г. Витебске в 1623 г., носившее ярко выраженный антипольский, антикатолический и антиуниатский характер. Вызвано оно было крайней жестокостью мер по насаждению унии – в частности, униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем: доходило до того, что могилы православных по приказу Кунцевича раскапывались, а останки бросались собакам. В ходе восстания архиепископ был убит, а восстание жестоко подавлено польским королем по требованию Ватикана. Позднее И. Кунцевич был признан Ватиканом святым мучеником.

Политика откровенного геноцида православного населения не прекратилась и после кровопролитной войны Польши с восставшей под руководством Богдана Хмельницкого Малороссии. В 1664 г. униатский епископ Якуб Суша отправил в Рим жалобу на политику польских властей: по мнению епископа, официальный курс был направлен на окончательное растворение униатов в лоне католицизма. То есть направленность королевской политики вызывала серьезные опасения даже у униатских иерархов.

***

В первой половине XVII в. православные Литвы и западнорусское православное духовенство еще пытались хоть как-то противостоять репрессиям со стороны властей, вдохновляемых Ватиканом. В 1625 г. православные в очередной раз жалуются на насилие со стороны католиков и униатов в Сейм Речи Посполитой. Однако бесплодность различного рода попыток вызвали у многих отчаяние – со второй половины того же века начинается настоящий ИСХОД православных в Московию.

Симеон Полоцкий

Уходят целыми селениями, монастырями. В 1664 г. монахи Кутейнского монастыря во главе с игуменом бегут в Россию, увозя с собой типографию; в том же году уезжает в Москву Симеон Полоцкий. В войнах между Речью Посполитой и Московией западнорусское население активно помогает московитам и украинским казакам. Все эти факты нисколько не озадачили короля и сейм. В 1668 г. Ян Казимир ограничивает права православного митрополита, а Сейм обсуждает решение о насильственной депортации перешедших в православие из католичества и униатства (это уже не этнические; это конфессиональные чистки!).

С началом XVIII в., вошедшего в историю Речи Посполитой как период «золотой вольницы шляхты», тотальное давление на православие усиливается. В 1717 г. в Сейме Речи Посполитой разработан проект ликвидации и православия, и униатства с целью расширения влияния костела. Вскоре образовавшаяся Конфедерация в 1732 г. добивается окончательной ликвидации политических прав западнорусской православной шляхты. С 1766 г. в Сейме вообще запрещено выступать в защиту православия. В то же время (60-е гг. XVIII в.) в Речи Посполитой наблюдается мощное народное движение за выход из унии и переход в православие как естественный ответ русских православных на столь вопиющее давление со стороны польских властей (к этому времени власть становится именно ПОЛЬСКОЙ, и для русского православного населения Литвы она вообще превращается во власть ОККУПАЦИОННУЮ).

***

Но беспредел польской короны на русских землях Литвы не может длиться вечно – рано или поздно это беззаконие должно было быть остановлено. И в первую очередь – Россией, ставшей к этому времени одним из ведущих европейских государств.

Россия начинает действовать – сначала косвенно.

Со смертью Августа III (октябрь 1763 г.) русская императрица и прусский король поддержали общего кандидата в польские короли – Станислава Августа Понятовского, заключили в Петербурге в 1764 г. договор о союзе. В том же году Понятовского избрали королем, несмотря на противодействие Франции, Австрии, Испании и Саксонии. Одним из условий выдвижения Понятовского на престол Речи Посполитой Екатерина II жестко поставила условие прекращения насилия над русским православным населением Литвы со стороны польских властей.

Уступая ультимативным требованиям России, Сейм был вынужден 24 февраля 1768 г. предоставить «диссидентам» равные права с католическим населением Польши. Это сразу же вызвало бурную реакцию шляхты, привыкшей видеть в православных украинцах и белорусах бесправное быдло. С оружием в руках отстаивать священное право издеваться над «схизматиками» шляхта начала тут же, причем весьма активно.

Последний король Польши Станислав Август Понятовский

***

Уже 29 февраля 1768 г. в городе Бар была созвана так называемая «Барская конфедерация», которая объявила короля Станислава Августа Понятовского низложенным. Мятежников активно поддерживали Франция и Австрия. В свою очередь, Понятовский обратился за помощью к России. Посланные Екатериной II войска нанесли ряд чувствительных поражений конфедератам. Заметим – де-юре русские являлись союзниками законной власти, призванными последней для подавления мятежа, а никак не агрессорами (и являться ими не могли по определению).

Тем не менее, подстрекаемый Францией турецкий султан Мустафа III потребовал вывести русские войска из Польши и прекратить поддержку «диссидентов». Хотя какая разница мусульманской Турции, равные права у католиков с православными, или первые нещадно ущемляют вторых – было непонятно. И те, и другие для турок были «райя», «стадо», неверные, одним словом. Но вот, поди ж ты, 6 октября 1768 г. именно на этом основании Турция объявила войну России!

В качестве благодарности турецким союзникам после победы над Россией барские конфедераты обещали Киев, себе же поляки собирались взять Смоленск, Стародуб и Чернигов. Скромно и со вкусом. Странно, что Москву они все же решили оставить русским.

Нужно было незамедлительно погасить костер польской междоусобицы – решительно и энергично. 15 мая 1769 г. в Польшу в качестве наиболее эффективного инструмента для острастки мятежной шляхты был направлен А.В. Суворов. Будущий генералиссимус одержал серию блестящих побед над конфедератами, увенчавшуюся капитуляцией Краковского замка, и привел неугомонных поляков в чувство.

***

Однако положение России оставалось сложным. Боевые действия против Турции, хотя и успешные для русской армии, стоили слишком дорого – попробуй, прокорми и снабди хотя бы минимумом снаряжения войска на краю земли! Не говоря уж о снабжении их боеприпасами – железных дорог тогда не было, все полторы тысячи верст от провиантских магазинов в Брянске до линии фронта у Кишинева припасы везли на волах.

Ситуацию в России усугубляло начавшееся восстание Пугачева. В этих условиях, чтобы нейтрализовать враждебную позицию Австрии, Екатерина II согласилась на предложенный прусским королем Фридрихом II частичный раздел территории Речи Посполитой, который и состоялся 25 июля (5 августа) 1772 г. В результате Россия вернула захваченные в эпоху ордынского ига Литвой и Польшей земли с преобладающим православным населением: правый берег Западной Двины и Восточную Белоруссию (Полоцк, Витебск, Могилев). Австрия присоединила Галицию (хотя была католическим государством и никаких диссидентов в Польше защищать не собиралась), Пруссия урвала кусок собственно польской территории (с преобладающим протестантским населением). В следующем году польский Сейм благоразумно утвердил итоги раздела, причиной которого стала исключительно религиозная нетерпимость польской шляхты.

***

Теперь Россия несколько увереннее начала играть на «польском клавессине». В управлении польским государством русский посол в Варшаве стал гораздо более значимой фигурой, чем продолжавший сидеть на престоле Станислав Август Понятовский. Понятно, что большинство шляхтичей

такое положение никак не устраивало, и они ждали случая, чтобы поднять мятеж с конечной целью… Вот с целью среди польских вельмож как раз были серьезные разногласия. Впрочем, то, что против России надо непременно выступить – в этом сходились все.

В конце 1780-х гг. казалось, что настал благоприятный момент. К этому времени Россия находилась в тяжелейшей ситуации, так как была вынуждена вести боевые действия на два фронта: в 1787 г. началась война с Турцией, в 1788 г. – со Швецией. Шведский флот угрожал Петербургу.

«Грех упускать подобный шанс, история нам этого не простит» – так решили паны из «патриотической партии» в польском сейме. И попытались избавиться от ненавистной русской опеки. По требованию польского правительства с территории Речи Посполитой были выведены предназначавшиеся для снабжения Дунайской армии склады продовольствия и снаряжения. России пришлось отказаться от удобного пути переброски войск на турецкий фронт. Вновь начались гонения на православных: был арестован и брошен в тюрьму епископ Переяславльский, являвшийся русским подданным. Более того, вопреки воле духовенства и верующих Сейм обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой взять под свою руку православную церковь Речи Посполитой, входившую в область церковного управления Синода Русской Православной Церкви. Наконец, 29 марта 1790 г. был подписан явно антироссийский прусско-польский договор о взаимопомощи.

***

22 апреля (3 мая) 1791 г. Сейм принял новую конституцию – как горделиво подчеркивают поляки, первую на европейском континенте; согласно этой Конституции «либерум вето» отменялось, в стране вводилась наследственная монархия – причем после бездетного Понятовского престол

должен был занять курфюрст Саксонский Фридрих Август III. Опоздав лет на триста, поляки решили по-быстрому ввести у себя твердую государственную власть и образцовый порядок, этим сохранив свое государство от поползновений более сильных соседей. Соседи такому пассажу удивились. И несколько озлобились.

Прекращение традиционной анархии и, пусть даже гипотетическое, укрепление польской державы были России, Пруссии и Австрии совершенно ни к чему. Тем более, по словам Екатерины II: *«По непостоянству сего народа, по доказанной его злобе и ненависти к нашему, по изъявлявшейся в нем наклонности к разврату и неистовствам французским, мы в нем никогда не будем иметь ни спокойного, ни безопасного соседа, иначе как приведя его в сущее бессилие и немогущество».*

Однако Россия, чьи руки были связаны войной, была вынуждена до поры до времени терпеть враждебные действия поляков. Так, в инструкции, данной Екатериной II 25 сентября 1790 г. новому посланнику в Польше Я.И. Булгакову, говорилось: *«Имею вам предписать не иное что, как только чтоб вы продолжали тихим, скромным и ласковым обхождением привлекать к себе умов, пока наш мир с турками заключен будет».*

Одновременно российская императрица готовилась к «окончательному решению польского вопроса». Свою позицию она недвусмысленно высказала в записке от 4 декабря 1791 года, адресованной Коллегии Иностранных дел:

> *«Все, что противно нашим трактатам с Польшею, противно нашему интересу... Я не соглашусь ни на что из этого нового порядка вещей, при утверждении которого не только не обратили никакого внимания на Россию, но осыпали ее оскорблениями, задирали ее ежеминутно. Но если другие не хотят знать Россию, то следует ли из этого, что Россия также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господам членам Иностранной коллегии, что мы можем сделать все, что нам угодно в Польше».*

***

Наконец 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) был заключен долгожданный Ясский мир с Турцией. Еще раньше, в 1790 г., закончилась русско-шведская война. Высвобождались значительные силы русской армии – самого надежного внешнеполитического инструмента Российской империи. И, замирившись с серьезными внешними врагами, Россия весной 1792 г. решила разобраться с неугомонной соседской шляхтой.

Надо сказать, поляки в это время все же пытались хоть что-то сделать для спасения Ойчызны. В 1788 г. собрался Сейм, и вместо обычных двух-трех недель проработал 4 (ЧЕТЫРЕ!) года. Он утвердил Конституцию (3 мая 1791 г. – теперь это в Польше Большой Государственный Праздник), ввел много чего полезного и нужного. Вот только полезными и нужными все нововведения Четырехлетнего Сейма были лет сто назад. Слишком долго Польша была оплотом шляхетской анархии, слишком долго упивалась свободой своей аристократии (да что там аристократии – занюханной загоновой шляхты!), слишком долго частные интересы магнатов были «всем», а государственные интересы – «ничем».

Да, Четырехлетний Сейм отменил *liberum veto*, рокош и конфедерации, декларировал создание стотысячной регулярной армии (не определив, впрочем, источники ее финансирования); король присягнул на Конституции, и все поляки с облегчением вздохнули – появился шанс на сохранение единства Короны.

Ага. Держи карман шире.

В местечке Тарговицы под Уманью (нынче Черкасская область Украины) собрались Три Предателя Польского Народа (их так и в польских учебниках именуют, с заглавных букв) – три магната: Ксаверий Браницкий, Стефан Ржевусский и Феликс Щенсный-Потоцкий. Прочитав присланный им с нарочным из

Петербурга текст Акта конфедерации (который, по слухам, редактировала сама Екатерина II), они согласились этот акт подписать и учудить эту самую конфедерацию – целью которой было Конституцию 3 мая превратить в кусочек бумаги и вернуть ситуацию в Польше в status quo – и, забыв о разных конституциях, как о страшном сне, вновь окунуться в «золотой век шляхетской вольности».

Польские учебники утверждают, что в день подписания Акта конфедерации, 14 мая 1792 года, польскую границу перешли «проклятые москали». Они-де и поставили жирную точку в истории Обновленной Польши – проклятые варвары с Востока!

На самом деле русские войска перешли польскую границу через две недели, и не как подавители польской вольности, а как миротворцы – ибо Екатерина II в свое время обязалась хранить мир и покой в Польском государстве. А что касается поражений войск, верных Сейму, то эти поражения являются исключительно заслугой конфедератов. Да к тому же и Станислав Август Понятовский, правда, после мучительных колебаний – поддержал Трех Предателей Польского Народа – очевидно, именно поэтому его прах не удостоен находиться в Катедре на Вавеле.

Граф Ксаверий Браницкий

Россия направила в Польшу свои войска – официально, как союзников законного короля. Уже к середине июня русские контролировали практически всю территорию Речи Посполитой. Что же касается Пруссии, то вместо «взаимопомощи» сомнительным польским инсургентам она предпочла иметь дела с солидным, самостоятельным государством и предложила России новый раздел Польши, который и состоялся 9 апреля 1793 года. На этот раз Россия получила Белоруссию (Минск, Слуцк, Пинск) и Правобережную Украину, а к Пруссии отошли Гданьск, Торунь, Познань и значительная часть Великой Польши.

***

Уязвленное самолюбие шляхтичей не могло смириться с национальным унижением, и 13(24) марта 1794 г. страну охватило восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Реакция понятная и, без всякого ерничанья, вызывающая уважение – пусть безнадежно опоздав, но поляки все же попытались спасти независимость своего государства.

Сперва восставшим сопутствовал успех: 6 (17) апреля они заняли Варшаву, устроив там беспощадную резню русских. Конечно, современная польская история об этом прискорбном

Александр Васильевич Суворов

Тадеуш Костюшко

событии стыдливо умалчивает. Но этот факт подтверждают независимые источники, например, секретарь прусского посольства в Варшаве.

Однако 14 августа 1794 г. в Польшу во второй раз (и опять отнюдь не в качестве туриста) прибыл Суворов, и лавочка закрылась. Поляки начали терпеть одно поражение за другим, под Матеевицами объединенными русско-прусскими войсками Ферзена была разбита польская полевая армия (раненый Костюшко был взят в плен русскими гусарами), и 24 октября (4 ноября) Суворов взял штурмом Прагу – укрепленное предместье Варшавы, после чего конфедераты сложили оружие и капитулировали. За этот успех Александр Васильевич был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен главнокомандующим русскими войсками в Польше.

***

Взятие Праги в позднейших польских околоисторических изысканиях обросло душераздирающими подробностями. Как русские гренадеры насаживали на штыки грудных детей и с дьявольским хохотом вспарывали животы беременным варшавянкам, и прочими жуткими сценами насилий и ужасов.

То, что ничего подобного не было, не нуждается в доказательствах. Военная пропаганда – она и есть военная пропаганда. Но то, что эти жуткие байки дошли до наших дней – говорит о том, что полякам есть за что платить по русским счетам, и россказни о зверствах суворовских солдат есть способ эти счета как-то аннулировать. И особенно прискорбно, что подобные бредни с удовольствием подхватывает иногда и «россиянская демократическая» пресса и псевдоисторическая наука. Не пороли в детстве этих писак, а зря!

В октябре 1795 г. состоялся третий (и последний донаполеоновский) раздел Польши. Россия получила Западную Волынь, Западную Белоруссию (где жили уже главным образом униаты), Виленский край и Курляндию (где тоже православными и не пахло). Исконно польские земли были поделены между Австрией и Пруссией. Станислав Август Понятовский отрекся от престола. Речь Посполитая прекратила свое существование.

Россия по первым трем разделам Польши не получила ни пяди собственно польских территорий.

***

Эпитафией на надгробном камне Первой Речи Посполитой могут стать слова поэта и участника войны 1812 г. Федора Николаевича Глинки (между прочим, по происхождению литовского шляхтича): «Тем ли думать о свободе, которые, раздвинув прежде на столь обширное пространство пределы земли своей, лежащей по несчастию в самой средине Европы, и огорчив через то большую часть держав, вдруг предались праздному бездействию извне и раздорам внутри? Роскошь, пороки и нововведения нахлынули к ним со всех сторон. Древние нравы истлели. Твердость духа развеялась вихрями нового образа жизни. Народ оцепенел. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цветах, пробуждается обыкновенно бурями. Нет! Не это земля свободы!»

ГЛАВА II
Под чужими орлами
(1795–1918)

***

Когда в июне 1812 г. в пределы России вторглась Великая Армия, среди войск стран-сателлитов Бонапарта (Герцогство Варшавское формально было самостоятельным государством под «патронажем» Французской империи) польский контингент оказался самым многочисленным, превосходя своим многолюдством полки и бригады десятка немецких «союзных» княжеств, королевств и прочих курфюршеств.

В поход под командой маршала Понятовского (справедливости ради надо отметить, что польский главком стал маршалом Франции через год после Русской кампании), родственника последнего польского короля, двинулась вся полевая армия герцогства Варшавского. А это, ни много, ни мало, 17 пехотных и 16 кавалерийских полков общей численностью в 60 тыс. солдат и офицеров.

Надо отметить, что в русской армии полков, сформированных в бывшей Польше, было впятеро меньше! Еще около 10 тыс. насчитывали польские формирования, включенные в состав собственно французской армии: 1-й уланский полк Конной гвардии, 8-й уланский полк, а также 4 полка поляков-ветеранов – так называемый «Легион Вислы», входивший в Молодую гвардию Наполеона.

Кроме того, на оккупированных территориях Литвы и Белоруссии, спешно провозглашенных «Великим княжеством Литовским», были сформированы воинские части из местных

поляков и белорусов-католиков общей численностью около 20 тыс. человек, в том числе и 3-й уланский полк Конной гвардии. Создание последнего должно было подчеркнуть доверие, оказываемое Наполеоном местной литовской (то бишь белорусской) шляхте.

Большие надежды Наполеон возлагал на использование польской легкой кавалерии, имевшей богатую историю сражений и побед. Однако польские кавалеристы не отличились особой храбростью и расторопностью. Уже в начале войны в авангардных кавалерийских боях при Мире 9–10 (21–22) июля и Романове 14(26) июля дивизии генералов А. Рожнецкого и Я. Каминского были наголову разбиты казаками Платова, прикрывавшими отступление армии генерала Багратиона.

Особенно бесславно закончился боевой путь сформированного бригадным генералом Ю. Конопкой 3-го гвардейского уланского полка, который был без особых усилий уничтожен 20 октября в Слониме русским рейдовым отрядом генерал-майора Е.И. Чаплица. Литовские гвардейские уланы были даже не перебиты и не взяты в плен, а просто разбежались.

Впрочем, во многих случаях польские войска, вновь, казалось, обретшие Родину, дрались за интересы своего нового хозяина храбро и упорно. Польская пехота активно участвовала в Смоленском сражении, понеся там огромные потери. В Бородинском сражении поляки потеряли до 40 % своего состава. Польские пехотинцы дивизий Я. Домбровского и Ж. Жирара отличились на Березине, прикрывая переправу остатков наполеоновской армии.

В результате отправившиеся покорять Россию польские покорители обильно усеяли своими телами русские просторы. Вот что писал по этому поводу в обращении к жителям Гродно герой Отечественной войны Денис Давыдов, вступивший в этот город 9 декабря 1812 г. и назначенный его комендантом:

«Господа поляки! В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе: из восьмидесяти тысяч ваших войск, дерзнувших вступить в пределы наши, пятьсот только бегут восвояси, прочие – валяются по большой дороге, морозом окостенелые и засыпанные снегом русским...»

Справедливости ради надо отметить, что на самом деле из негостеприимной России тогда смогли удрать не 500, а целых 10 тысяч недобитых польских вояк.

Далее Денис Давыдов сурово предостерегал местное население от возможных антирусских провокаций:

«Я вижу на лицах поляков, здесь столпившихся, и злобу, и коварные замыслы; я вижу наглость в осанке и вызов во взглядах; сабли на бедрах, пистолеты и кинжалы за поясами. Зачем все это, если бы вы хотели чистосердечно обратиться к тем обязанностям, от коих вам никогда не надлежало бы отступать? ...Один выстрел – и горе всему городу! Невинные погибнут с виновными... Все – в прах и в пепел!»

Можно не сомневаться, что прославленный поэт-партизан (бывший, между прочим, отчаянным рубакой и безнадежным разгильдяем) привел бы свою угрозу в действие. Посему поляки сочли за лучшее не дразнить «русского медведя», и никаких эксцессов за время комендантства в Гродно полковника Давыдова так и не случилось.

Денис Давыдов

***

Но поляки и литовцы сражались не только под французскими знаменами – в составе русской армии имелись полки, набранные в Литве и Белоруссии, сражавшиеся весьма успешно. Правда, Гродненский гусарский полк непосредственного участия в боях не принимал – он в составе армии Беннигсена прикрывал Санкт-Петербург, составив часть той кавалерийской завесы, что не позволила французам двинуться севернее Полоцка и Двинска. А вот Татарский уланский полк (сформированный из татар – жителей Литвы) в составе той же армии принимал участие в боях у Полоцка. Другой гусарский полк, Белорусский, состоял в Дунайской армии, которая в тревожную осень 1812 г. сторожила южные рубежи новоприобретенных русских владений в Новороссии – турки вполне могли бы, воспользовавшись нашим тяжелым положением, забыть о Бухарестском мире и вновь попробовать Россию на излом. Но этому полку все же удалось прославить свои знамена в войне с Наполеоном – он принял участие в Заграничном походе русской армии, отличился в битве у Кацбаха – за что награжден знаком на кивера «За отличие 14 августа 1813 г.».

Белорусские полки храбро сражались с врагом под Бородино.

В рядах 1-й Западной армии (Барклая-де-Толли), занимавшей правое крыло и центр русской позиции, удар врага приняли Минский пехотный (2-я бригада 4-й пехотной дивизии принца Евгения Вюртембергского, входившая в состав 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Багговута), 4-й егерский, Брестский пехотный (1-я бригада 17-й пехотной дивизии) полки, Полоцкий и Лепельский пехотные полки, составившие 2-ю бригаду 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса; в составе 5-го пехотного корпуса, 2-й бригады Гвардейской дивизии – лейб-гвардии Литовский полк; в составе 2-го резервного кавалерийского корпуса – Польский уланский полк.

В составе 2-й Западной армии (Багратиона), образовавшей левый фланг позиции, с французами сражались 6-й егерский, Виленский пехотный (2-я бригада 27-й пехотной дивизии 8-го пехотного корпуса) и Литовский уланский (3-я бригада 4-го резервного кавалерийского корпуса) полки.

Кстати, в истории белорусской кавалерии, принявшей участие в составе русской армии в войне с Наполеоном, есть один забавный эпизод.

В 1803 г. сформированный в 1797 г. Татарско-Литовский полк был разделен на конный Татарский и конный Литовский полки. Они принимали активное участие в компании 1806–1807 гг.; тогда же к ним присоединился только что сформированный Польский конный полк (он назывался «Польским», но в его составе были в основном выходцы с нынешней Гродненщины, имеющие католическое вероисповедание). И в марте 1807 г. в этот Польский уланский полк был принят «товарищем» (рядовым из дворян) некий Александр Васильевич Соколов, оказавшийся девицей Надеждой Дуровой! В составе этого полка в эскадроне ротмистра Казимирского знаменитая «кавалерист-девица» приняла участие в боях под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом и за спасение жизни офицера была награждена знаком отличия Военного ордена (солдатским Георгиевским крестом). Шеф этого полка генерал-майор П.Д. Каховский был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

В 1807 г. конные полки Польский, Татарский, Литовский переформированы были в уланские полки тех же наименований. Во время Отечественной войны 1812 г. уланы-добровольцы Польского уланского полка под командой поручика К. Бискупского вступили в партизанский отряд Фигнера.

***

28 января (9 февраля) 1813 г. русские войска без боя вошли в Варшаву. Герцогство Варшавское прекратило свое существование тихо и незаметно – героическая шляхта не стала до последней капли крови защищать дорогие стены, а встретила победоносные русские войска игрой оркестров. Решением Венского конгресса 1815 г. большая часть его территории вошла в состав России как Царство Польское, остальные земли были разделены между Австрией и Пруссией.

И снова Россия простила своих непутевых новых подданных – уж такая у нас тогда была верховная власть. Неукоснительно ставя мнение «просвещенной Европы» на первый план по отношению к интересам России, император Александр сразу же даровал наскоро учрежденному Царству Польскому максимальное количество льгот и привилегий. Фактически это государственное образование, связанное с Россией лишь личной унией, представляло собой почти независимую автономию со всеми присущими самостоятельному государству атрибутами. Оно имело конституцию, разработанную

Император Александр I

польскими сановниками Чарторыйским, Шанявским и Соболевским и принятую 15(27) ноября 1815 г. Заметим, кстати, что в то время в самой России конституции не было! Польша сохраняла выборный сейм, свое правительство, собственную армию, национальную денежную единицу – злотый. Польский язык по-прежнему носил статус государственного.

Важнейшие правительственные должности занимались поляками, большинство из которых начинали свою административную карьеру еще во враждебном России Герцогстве Варшавском. Так, наместником императора был назначен граф Зайончек, сподвижник Костюшко – наполеоновский генерал, один из организаторов польских легионов. Министром финансов стал Матушевич, министром просвещения и вероисповеданий – Потоцкий, военным министром при сохранении полномочий главнокомандующего польской армией за великим князем Константином – генерал Вельегорский. Не был забыт и непременный участник всех войн с Россией в предшествующие два десятилетия Ян Домбровский – вернувшись в Польшу, он в 1815 г. получил звание генерала от кавалерии и стал польским сенатором. Очень может быть, что и маршал Понятовский получил бы какую-нибудь синекуру в «русской» администрации Царства Польского, да не дожил – утонул в реке Эльстер в последний, самый несчастный для французов, день Битвы народов под Лейпцигом, всего лишь за два дня до этого получив маршальский жезл...

***

Казалось, Александр I сделал все возможное, чтобы не травмировать национальное самолюбие местного населения – русское правление было практически сугубо номинальным. Однако не тут-то было. Во-первых, шляхта продолжала вынашивать планы не просто воссоздания польского государства, а непременно восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., то есть присоединения украинских и белорусских земель.

Князь Адам Чарторыйский

Во-вторых, поляков не устраивали слишком широкие, по их мнению, полномочия монарха, тем более что этим монархом был русский царь. Немецких баронов в Прибалтике вполне устраивало быть подданными русского императора, а польскую шляхту – почему-то нет!

Польские офицеры начали подготовку восстания. В этом им существенно помогла бесхребетная политика Константина Павловича. Великий князь не верил поступающей информации о заговоре, освобождал арестованных заговорщиков, а когда началась русско-турецкая война 1828–1829 гг., добился для польской армии права в ней не участвовать. Поляки расценивали все это как слабость русских.

Восстание началось в ночь на 17(29) ноября 1830 г. с нападения на дворец Константина. Вместо того чтобы подавить мятеж в зародыше, Великий князь бежал из Варшавы, уведя с собой русский гарнизон и распустив преданные России польские полки. 13(25) января 1831 г. спешно собранный Сейм объявил о лишении Николая I престола «польского царя». 18(30) января было создано национальное правительство Польши во главе с Адамом Чарторыйским, которое потребовало от России отдать территории Белоруссии, Украины и Литвы. Началось формирование повстанческой армии, достигшей 80 тыс. человек при 158 орудиях.

***

18 ноября 1830 г. Варшава перешла в руки повстанцев. С небольшим русским отрядом наместник ушел из-под Варшавы и покинул Польшу, бросив на произвол судьбы верных России поляков – многих из которых мятежники потом безжалостно казнят. Немногие сейчас в России помнят, кто такие «ноябрьские мученики» – а ведь эти офицеры и генералы своей жизнью заплатили за верность присяге! Увы, нынешняя Россия не помнит тех, кто был верен ей до конца…

Мощные военные крепости Модлин и Замостье были сданы мятежникам без боя. Через несколько дней после бегства наместника Царство Польское оставили все русские войска.

Административный совет Царства Польского был преобразован во Временное правительство. Сейм избрал главнокомандующим польскими войсками генерала Ю. Хлопицкого и провозгласил его «диктатором». Более радикальные участники

Наместник Константин Павлович

восстания во главе с Иоахимом Лелевелем создали Патриотический клуб, который выступал против любых, самых робких, попыток все же решить дело миром и как-то договориться с царскими властями. Правда, генерал Хлопицкий поначалу все же совершил определенные действия по нейтрализации последствий мятежа – он закрыл Патриотический клуб, а затем отправил делегацию для переговоров с Николаем I. Император, надо сказать, также вначале не стремился к кровавому подавлению восстания – его гораздо более изумила польская неблагодарность.

Когда уполномоченный Хлопицкого Вылежинский приехал в Петербург, Николай I заявил: *«Конституция в том виде, какою я нашел ее при вступлении моем на престол, и каковою она была завещана мне моим братом, императором Александром I, эта конституция мною неизменно и строго сохранялась без всяких изменений. Я сам отправился в Варшаву и короновался там королем польским; я сделал для Польши все то, что было в моих силах. Конечно, может быть, в некоторых учреждениях царства польского и были некоторые недостатки, но это не по моей вине, и следовало это понять, войдя в мое положение, и иметь ко мне больше доверия. Я всегда желал добра больше и, несомненно, сделал все для ее блага»*. Император отказался принять «мятежных подданных», и делегация вернулась из Петербурга ни с чем. Это вызвало отставку Хлопицкого. Возобновивший свою деятельность сейм под влиянием восстановленного Патриотического клуба провозгласил низложение (детронизацию) царя в январе 1831 г.

Органом польской исполнительной власти стало «Национальное правительство» («Жонд народовы»). Во главе его стояли князь Адам Чарторыйский (во времена оны – близкий друг Александра I, между прочим! К тому же занимавший в 1804–1806 гг. пост министра иностранных дел России) и другие аристократы. Новое правительство объявило войну

царской России. Заметьте – не Россия начинает эту войну, а польские инсургенты! И знаете, с какими целями? Восстановление власти Речи Посполитой над всеми территориями, некогда в нее входившими! Стремление к достижению прежних границ Царства Польского и к присоединению, прежде всего, Литвы «стало одним из главных факторов ноябрьской революции». Ключевым пунктом этой «польской революции» было не освобождение от власти России – власти более чем условной. Главным для вождей этого мятежа был захват литовских, белорусских и украинских земель. Депутация сейма потребовала, чтобы к Царству Польскому были присоединены белорусско-литовские и украинские земли, а польское государство было восстановлено – ни много, ни мало – в границах 1772 г.! Такой наглости русские давненько уже не видали!

На самом деле восставшие поляки не хотели свободы для себя – они хотели рабства для других!

И поэтому проиграли.

И поэтому НЕ МОГЛИ НЕ ПРОИГРАТЬ!

***

24 января (5 февраля) 1831 г. в Польшу вступила русская армия. Командовавший ею генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский действовал достаточно осторожно, стараясь не «наломать дров» – ведь войну приходилось вести в русских пределах! Так, одержав 13(25) февраля победу в сражении при селе Грохове, он имел возможность взять оставшуюся незащищенной Варшаву, подвергнув город ужасам штурма; однако вместо этого приказал отступить. 14 (26) мая польские войска были наголову разбиты под Остроленкой. Переход русских в решительное наступление мог привести к полному истреблению польской армии. Однако Дибич вновь не воспользовался плодами победы – истребление русских подданных русской армией он не считал доблестью.

Фельдмаршал Дибич

Фельдмаршал Паскевич

Вскоре началась эпидемия холеры, жертвами которой стали как Великий князь Константин, так и русский главнокомандующий. Ликвидацию мятежа пришлось довершать назначенному на место Дибича генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу. Этот уже не миндальничал – надо было быстренько сворачивать шарманку польского мятежа. 26 августа (7 сентября) 1831 года, в девятнадцатую годовщину Бородинского сражения, Варшава была взята штурмом, особенное ожесточение которому придала учиненная поляками 15 (27) августа зверская расправа над русскими пленными. С известием о победе Паскевич отправил в Петербург внука Суворова, как бы напоминая о том, что он повторил достижение великого полководца – взятие Варшавы в 1794 г. Вскоре были разбиты и сдались находившиеся вне столицы остатки польских войск.

Получив за усмирение мятежа титул князя Варшавского, Паскевич был назначен наместником в Польше. На этом посту он пребывал в течение 25 лет, действуя строго, но справедливо, за что заслужил у прогрессивной общественности славу «душителя польской свободы».

***

В отличие от своих не совсем адекватных старших братьев, Николай I был достаточно твердым (даже жестким) правителем. Согласно его манифесту от 14(26) февраля 1832 г. «О новом порядке управления и образования Царства Польского», конституция 1815 г. упразднялась, Польша лишалась собственной армии и Сейма, сохраняя лишь административную автономию. Кроме того, император приказал забрать из семей польских аристократов всех мальчиков в возрасте 7–9 лет для воспитания их в Тульском кадетском корпусе.

В сороковых годах русское правительство упраздняет действовавший до этого на белорусских территориях Статут Великого княжества Литовского, заменив его внутрироссийскими законами.

Урока хватило надолго, и вплоть до окончания царствования Николая I поляки сидели смирно. По-мелкому им удалось напакостить России лишь в Крымскую войну, когда офицеры-поляки с удовольствием сдавались в плен англо-французским интервентам.

В числе защитников легендарной крепости были солдаты, унтер-офицеры и офицеры Брестского, Белостокского, Литовского, Виленского, Могилевского, Витебского, Полоцкого и Минского пехотных полков. Восемь полков (две пехотные дивизии!) отправила Литва (к этому времени уже все более и более становящаяся Белоруссией) сражаться за честь России на бастионы Севастополя! Из их числа за участие в Крымской войне Георгиевскими знаменами награждены 50-й Белостокский, 49-й Брестский, 51-й Литовский, 54-й Минский пехотные полки.

Надо сказать, что и польские полки русской армии сражались под Севастополем геройски – Георгиевские знамена получили 57-й Модлинский, 58-й Пражский, 59-й Люблинский

пехотные полки. Но, увы – польские полки отличились не только доблестью своих солдат и унтер-офицеров. Офицеры этих полков также весьма и весьма «отличились» – но уже в другую сторону; распространенным явлением «Севастопольской страды» стал переход польских офицеров русской службы на сторону неприятеля.

Польские же солдаты в отличие от своих офицеров оказались людьми чести – они отлично понимали, что такое присяга, и случаев перехода польских рядовых к французам и англичанам практически не описано.

***

Однако стоило взошедшему на престол Александру II дать послабление, объявив амнистию участникам восстания 1830–1831 гг. – как в Польше тут же начались волнения, вскоре переросшие в открытый мятеж.

В ночь на 11 (23) января 1863 г. вспыхнуло тщательно подготовленное восстание. Мятежниками было создано временное национальное правительство. В этот раз основную ставку польские инсургенты делали на партизанскую борьбу, понимая, что регулярная армия – это серьезно; воевать в поле с регулярной армией они не планировали.

Вскоре восстание распространилось и на прилегающие украинские и белорусские территории. В советской истории данный факт трактовался как «национально-освободительная борьба» этих народов против царизма – впрочем, советская история любой факт трактовала как классовую борьбу – такая тогда была мода. В действительности и в Белоруссии, и на Украине бунтовала в основном проживавшая там польская (ополяченная) шляхта, крестьянство же поначалу заняло выжидательную позицию, сменившуюся затем полной и безоговорочной поддержкой русских властей.

Император Александр II

***

Летом 1863 г. наместником Царства Польского был назначен Ф.Ф. Берг, получивший в свое распоряжение значительные военные силы и наделенный чрезвычайными полномочиями. Но главную роль в подавлении восстания сыграл все же не он, а Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Он действовал решительно и энергично, за что получил в либеральных кругах кличку «вешатель». Впрочем, это прозвище его отнюдь не смущало, ибо пошло оно от его же фразы, опубликованной в петербургской прессе: *«Я не из тех Муравьевых, которых вешают. Я из тех, которые вешают!»*

Однако на самом деле по приказу Муравьева было казнено лишь 128 человек – в несколько раз меньше, чем было жертв творимого повстанцами террора. Еще 972 бунтовщика были сосланы на каторгу и 1427 – на поселение. Свое «почетное

Михаил Николаевич Муравьев

звание» генерал-губернатор заслужил благодаря тому, что карал в основном – и вполне заслуженно – националистическую интеллигенцию: из 2399 отправленных в Сибирь на эту категорию приходится 1340 человек.

В апреле 1864 г. восстание было в основном подавлено. Этому весьма способствовал принятый 19 февраля (2 марта) 1864 г. указ «Об устройстве крестьян Царства Польского», согласно которому крестьянам передавались земли мятежной шляхты. С этого дня крестьяне с удовольствием помогали русским войскам, и неудивительно – указав место укрытия мятежного помещика, они тут же становились хозяевами его земли!

Самозваное польское правительство было арестовано, а его ведущие деятели вскоре казнены.

***

Надо сказать, что с 1863 г. и до начала Первой мировой войны «угнетенные поляки» пользовались неизменным сочувствием со стороны российского «общественного мнения». Для прекраснодушных русских бородатых либералов ситуация, когда часть обожаемой ими Европы вдруг оказалась в подчинении «русским варварам», вызывала истинные душевные страдания,

подкрепляемые тем, что Запад в этом вопросе демонстрировал постоянную поддержку (главным образом идейную; всерьез помогать полякам никто не хотел) «польской интриге», русские либеральные деятели истово сочувствовали «польским страданиям». Русские «революционные демократы» тут же дружно выразили свое полное сочувствие повстанцам. «Когда в Польше началась революция, – писал П.А. Кропоткин, – все в России думали, что она примет демократический республиканский характер, и что Народный Жонд освободит на широких демократических началах крестьян, сражающихся за независимость родины». Этого, естественно, не произошло, и вскоре «радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические устремления».

Ну, а уж о Европе и говорить не приходится. 25 мая (6 июня) 1867 г. на Всемирной выставке в Париже польский эмигрант Антон Березовский (уж не родственник ли нынешнему беглому олигарху?) совершил покушение на российского императора Александра II – и что же? Почти вся парижская пресса и адвокаты тут же выступили в защиту террориста и убийцы! И им радостно вторили наши доморощенные либералы...

Впрочем, не все тогдашнее русское общество было заражено идеями национального самоуничижения. Так, когда Герцен во время восстания 1863 г. призвал в своей издававшейся в Лондоне газете «Колокол» убивать «гадких русских солдат», то тираж выпускаемого этим духовным предшественником С.А. Ковалева подметного листка сразу упал в несколько раз.

***

Стремясь любой ценой освободиться от ненавистной русской власти, польские националисты были готовы заключить союз с любым врагом России. В феврале 1904 г. Польская социалистическая партия (ППС) выпустила воззвание, в котором желала Японии победы в русско-японской войне. Центральный

Юзеф Пилсудский

революционный комитет ППС в союзе с другими польскими революционными партиями взял курс на организацию в Польше вооруженного восстания. В июле 1904 г. в Японию отправился лидер ППС и будущий руководитель Польши Юзеф Пилсудский. Предложив свои услуги японскому генштабу, он получил 20 тыс. фунтов стерлингов (недорого оценила будущего маршала островная империя!) для проведения разведывательной и диверсионной работы в тылу русской армии.

Реальный шанс на воссоздание польского государства появился в ходе Первой мировой войны. После поражения летом 1915 г., когда отступившая русская армия оставила подавляющую часть польского населения под контролем Германии и Австро-Венгрии, последние 5 ноября 1916 г. провозгласили «самостоятельность» Царства Польского. В качестве органа управления в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет. Ответной контрмерой России стало заявление 12 декабря 1916 г. о стремлении к созданию «свободной Польши из всех ее трех частей».

До Февральской революции оставалось меньше трех месяцев…

ГЛАВА III
Как Феникс из пепла... Или как налетчик из-за угла?

***

Но Вторая Речь Посполитая была воссоздана из небытия после более чем столетнего отсутствия на политических картах мира отнюдь не тщанием Центральных Держав. Сей акт возрождения польского государства произошел исключительно благодаря государствам Антанты.

Юная польская держава, надо сказать, народилась на удивление буйной и агрессивной. Налицо были все родовые признаки Первой Речи Посполитой, со всеми ее шляхетскими «прибамбасами», в числе коих – спесь, гонор, ограниченность, религиозная и национальная нетерпимость.

Только появившись в экстренных выпусках газетных новостей, новорожденное государство тут же затеяло несколько окраинных войн – практически со всеми соседями, до которых смогло дотянуться.

И ведь что самое интересное – подавляющее большинство населения земель, «нарезанных» Антантой новоявленному польскому государству, никакой особой нужды в этом самом государстве как-то не испытывало. Жители Царства Польского потихоньку вводили в свой обиход самовары и бани, «Великая Польша» и обе Силезии интенсивно принимали протестантизм, Галиция все больше и больше становилась австрийской провинцией. Еще два-три поколения – и Польша из этнического превратилась бы в сугубо географическое название.

А посему новая региональная держава должна была быть, для пущей устойчивости, немедля скреплена кровью – так обычно бандиты, чтобы никто из них после преступления не побежал сдаваться властям, заставляют друг друга разок-другой пырнуть ножом жертву – круговая порука надежнее клятв и обещаний.

Так «начальник государства» пан Пилсудский развязал несколько периферийных войн – дабы в них повязать как можно больше поляков. Не верил будущий маршал своим землякам на слово! Оттого – и кровавые конфликты на всех, без исключения, рубежах Польши. Ниже прилагается список этих войн.

***

С государствами, едва появившимися на свет, такая же новоявленная Польша начала сражаться, еще не имея никакого подобия армии – всякими добровольческими частями, отрядами ополченцев – одним словом, милиционными формированиями. Благо с той стороны «войска» были еще хуже.

С Литвой поляки затеяли бойню за Вильно и Виленский край.

Первый раз польские отряды захватили Вильно 1 января 1919 г., но уже через пять дней были выбиты из города советскими и литовскими войсками.

Вторично город и край были захвачены 1-й пехотной дивизией легионеров генерала Рыдз-Смиглы 19 апреля этого же года, и, поскольку на этот раз польские войска все же уже были более-менее похожи на регулярные части, в Вильно они пришли «всерьез и надолго».

Но еще 8 декабря Совет Антанты принял решение о восточной границе Польши (так называемой «линии Керзона»), по которому Вильно и Виленский край отходили к Литве. Вопреки подобному решению, Польша решила самостоятельно

провести делимитацию границы и определить территориальную принадлежность этой территории (населенной, кстати говоря, в основном белорусами католического вероисповедания, но их интересы никто не учитывал).

31 марта 1920 г. Литва и РСФСР вступили в военный союз против Польши.

14 июля этого года в рамках общего наступления красных,советские войска выбили поляков из Вильно. Но 16 августа началось контрнаступление польской армии, и большевики на Польском фронте потерпели полный военный крах. Успев, правда, в соответствии с договором, 26 августа передать город Вильно литовским войскам.

Победоносные польские войска вторглись в Литву уже 22 сентября – поскольку последняя была союзником РСФСР в той злополучной кампании. Лимитрофы сцепились не на жизнь, а насмерть!

Но Антанта категорически возражала против разрастания военного пожара между ею же созданными государствами – и 7 октября в Сувалках был подписан мирный договор между Литвой и Польшей, по которому Вильно оставался за «прибалтийскими радикалами».

Но отдавать Вильно и край во владение этим сомнительным лабусам вождь Польши, будучи сам родом из этих мест, не планировал даже в самых своих страшных снах. Прямая агрессия польских войск теперь, после вмешательства «больших дядей» из Антанты, стала затруднительна по внешнеполитическим соображениям. Но ведь никто не мешает «восставшему народу» захватить власть в родном городе? Ведь о чем мистер Вильсон непрерывно вещал со всех трибун? О том, что каждая нация имеет право на самоопределение!

Очень хорошо! Дело за малым – создать подобную нацию, а там пойдет как по маслу!

Сказано – сделано.

9 октября 1921 г. в пределы Литвы вторгается 1-я «литовско-белорусская» дивизия генерала Желиговского, якобы взбунтовавшаяся против Пилсудского и самостоятельно принявшая решение отвоевать земли «дедич и отчич». Опытный военачальник русской школы (бывший генералом уже в русско-японскую войну!), Желиговский, без труда выбивает слабые литовские отряды из Виленского края и в три дня его оккупирует.

В край, уже занятый поляками (впрочем, теперь они выступают под «литовско-белорусскими» знаменами), прибывают войска Антанты и разъединяют противоборствующие стороны. Что, впрочем, отнюдь не мешает генералу Желиговскому 30 ноября издать декрет о выборах в Виленский сейм и о плебисците среди населения края о территориальной принадлежности «Серединной Литвы» (так он обзывает оккупированную территорию). Все шансы в этом случае были за Польшей – в Виленском крае тогда жили едва пару процентов литовцев, главное его население было действительно белорусско-польским; ну и еврейским, если быть точным.

20 февраля, после уверенной победы Желиговского на плебисците, Виленский сейм принимает постановление о вхождении Серединной Литвы в состав Речи Посполитой. Простенько и со вкусом, вполне демократично и в духе соблюдения прав человека.

24 марта 1922 г. польский Сейм принимает Виленский край в состав Польши (а что делать? Волеизъявление народа, с ним не пошутишь!).

И 15 марта следующего года парижская конференция Антанты признает Вильно и Виленский край собственностью Польши. Состояние войны между Литвой и Польшей продлится аж до 1938 г.!

***

На юго-восточных своих рубежах Польша тоже не сидела без дела. Поскольку поздней осенью 1918 г. германские оккупационные части начали покидать пределы Украины, на западную часть этой территории (Волынь и Галицию) нашлись сразу два новых хозяина.

1 ноября 1918 г. свою власть над Галицией провозгласила автохтонная Украинская Национальная Рада. А через три дня, 4 ноября, во Львове поднимают восстание польские легионеры, тоже предъявившие свои права на «австро-венгерское наследство». За власть над небедным городом Львовом и всей Галицией начинается беспощадная битва. Несмотря на то, что 9 ноября УНР провозглашает независимость западноукраинских земель, поляки – справедливо полагая, что в такой ситуации даже один пехотный батальон убедительнее тысячи деклараций о независимости – вооруженной рукой выбивают «украинскую власть» из Львова. «Правительство» Западно-Украинской Народной республики переезжает (бежит) в Станислав, линия фронта между милицейскими, по сути, формированиями галичан и поляков стабилизируется до мая 1919 г.

Силы украинцев были значительнее – за них подавляющее большинство населения Галиции. Но у поляков – неубиваемый козырь, поддержка Антанты. Причем поддержка крайне убедительная – армия Галлера (в 80 000 штыков регулярных войск, созданная во Франции из тамошних и пленных поляков – граждан Германии, а также из американцев польского происхождения), оснащенная тяжелым вооружением, не знающая нужды в боеприпасах и амуниции. Благодаря подобной помощи, Польша легко разгоняет западноукраинских «самостийников». В результате чего к лету 1919 г. польские части, заняв Галицию и Волынь, входят в боевое соприкосновение с Красной Армией.

Но большой русско-польской войны еще можно было бы избежать. Если бы этого хотела Польша.

***

Польша этого категорически не хотела. Польша хотела урвать у слабой, как она думала, Советской России, кусок пожирней да послаще. Тем паче – в России красные насмерть рубились с белыми и им было не до польских демаршей.

22 декабря 1919 г., 28 января и 2 февраля 1920 г. последовали обращения Советского правительства к польскому сейму с предложением начать мирные переговоры. Нетрудно догадаться, что все они остались без ответа, а 5 марта 1920 г. началось новое польское наступление на Украине. Неожиданно 27 марта польское правительство выразило согласие начать 10 апреля переговоры о мире. Однако это было лишь обманным маневром, целью его было поосновательней подготовиться к предстоящему победоносному маршу на Восток.

Весной 1920 г. Англия, Франция и США поставили Пилсудскому колоссальное количество снаряжения – благо, нужды в нем ни у кого на Западе уже не было. Польская армия получила 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронеавтомобилей, 149 танков Рено ФТ-17 (самых совершенных танков того времени). Поляки предусмотрительно запаслись даже своим «Мазепой» – 22 апреля 1920 г. с ними подписал соглашение о союзе разбитый Красной Армией Симон Петлюра. Таким образом, будущему вторжению польских армий на Украину всегда можно будет придать легитимный характер – дескать, отвоевываем страну у узурпаторов-большевиков для законной власти пана Петлюры.

***

Утром 23 апреля 2-я и 3-я галицийские бригады красных, занимавшие оборону на участке 14-й армии Юго-Западного фронта, подняли мятеж. 25 апреля польские войска перешли в полномасштабное наступление по всему фронту.

Это событие принято считать началом собственно польско-советской войны. 7 мая поляки взяли Киев и овладели плацдармом на восточном берегу Днепра.

Советское правительство принялось в пожарном порядке изыскивать возможности для отражения предательского удара польских войск.

Против польской агрессии было развернуто два фронта – Западный и Юго-Западный.

29 апреля 1920 г. в командование Западным фронтом вступил Тухачевский. Рано утром 14 мая, имея почти двукратный перевес в живой силе: 131 тыс. бойцов против 68 тыс., а также 3036 пулеметов против 1553, 706 орудий против 481, 71 самолет против 20, части фронта перешли в наступление. При этом по приказу Тухачевского командующие армиями должны были использовать в наступлении все дивизии, не выделяя ничего для резерва. Не было должным образом организовано и взаимодействие войск. Так, части 15-й армии одновременно наступали в трех расходящихся направлениях.

Тухачевский

Рыдз-Смиглы

Неудивительно, что уже 30 мая дальнейшее продвижение войск Западного фронта было остановлено. За 17 дней наступления части 15-й армии продвинулись только на 110–130 км. Что касается 16-й армии, то, захватив плацдарм глубиной 60 км на западном берегу Березины, в результате польского контрудара она к 26 мая была отброшена на исходные позиции.

Для развития успеха нужно было ввести в бой свежие силы. Однако благодаря «гениальной» стратегии Тухачевского ни в армиях, ни у командования фронтом резервов не было. 31 мая началось контрнаступление польских войск. К 8 июня части Западного фронта были отброшены на исходные рубежи.

***

Тем временем готовился к наступлению и Юго-Западный фронт. Здесь в руководстве народ подобрался поосновательней, без новомодных закидонов «пролетарской стратегии». 25 мая, совершив тысячекилометровый переход в конном строю с Северного Кавказа в район Канева и Чернигова и разгромив по дороге многие действовавшие в советском тылу бандитские отряды, на помощь фронту прибыла 1-я Конная армия. Прибыли шестнадцать тысяч кавалеристов, шестнадцать тысяч лучших в мире сабель – и с этого момента стратегическая ситуация резко изменилась в пользу РСФСР.

Не менее важным было и подкрепление другого рода: 26 мая членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта был назначен Сталин, начальником же тыла фронта стал сам Дзержинский.

Наступление Юго-Западного фронта началось 26 мая, почти на две недели позже северного соседа. К началу активной фазы войска фронта более чем в полтора раза уступали по численности противнику: 46,4 тыс. против 78 тыс., но при этом уступая в пехоте (22,4 тыс. штыков против 69,1 тыс.), пулеметах (1440 против 1897) и артиллерии (245 орудий против 412). Но зато красные имели решающее превосходство в кавалерии: 24 тыс.

сабель против 8,9 тыс. Этот фактор и сыграл решающую роль на бескрайних степных просторах Украины.

Первый этап боев не принес особых успехов, и 31 мая РВС дал указание командованию 12-й армии прекратить фронтальные атаки Киева. 3 июня Сталин направил телеграмму Буденному и Ворошилову, в которой предписывал отказаться от лобовых атак укрепленных пунктов кавалерийскими частями.

***

На рассвете 5 июня 1-я Конная армия вновь перешла в наступление. После двух часов ожесточенного сражения польский фронт был прорван, и на оперативный простор в тыл польского Южного фронта вошла шестнадцатитысячная кавалерийская лава с более чем пятью сотнями пулеметных тачанок и тремя десятками конных батарей артиллерии. Боевое построение 1-й Конной было многоэшелонным: 4-я кавдивизия шла впереди, 11-я и 14-я двигались за ней во втором эшелоне, 6-я кавдивизия и особая кавбригада составляли третий эшелон. Это обеспечивало наращивание удара в ходе наступления и позволило буденовцам уже 7 июня овладеть Житомиром, уничтожив польский гарнизон и освободив из плена 7 тыс. красноармейцев, которые сразу же встали в строй. К 8 июня сопротивление противника было окончательно сломлено. Польский фронт на Украине оказался расколотым на две части. 12 июня советские войска вступили в Киев.

Стремясь задержать наступление Юго-Западного фронта, поляки перебросили туда две дивизии из Белоруссии. Чтобы избежать удара во фланг, находившиеся перед Западным фронтом польские части начали 18 июня отход без боя.

***

Тем временем советское командование принимало меры по усилению войск Западного фронта, который только в июне

получил 58 тыс. человек пополнения. Когда 4 июля там тоже началось наступление, Тухачевский имел 152 тыс. бойцов против 75,3 тыс. у польского командования, 722 орудия против 464, и к тому же получил редкое для Красной Армии оружие – танки. Прорывая фронт на участке 33-й Кубанской стрелковой дивизии, красные 4 июля впервые использовали три отремонтированные на Путиловском заводе трофейные английские машины. При появлении первого же танка батальон 159-го резервного пехотного полка поляков обратился в бегство.

11 июля войсками Западного фронта был освобожден Минск. 14 июля – Вильно, который по договору с Литвой должен был перейти под ее юрисдикцию. Советское наступление продолжалось.

Надо сказать, что до 25 апреля 1920 г. советское руководство прилагало всяческие усилия для того, чтобы решить конфликт с Пилсудским мирным путем. Однако военные победы Красной Армии июня-июля 1920 г. вскружили головы лидерам большевиков, вызвав у них желание добиться «советизации» Польши. В обстановке всеобщей победной эйфории, которая охватила «кремлевских мечтателей», диссонансом прозвучало мнение Сталина. В отличие от большинства советских вождей, он трезво представлял значение национального фактора и не строил никаких иллюзий насчет «классовой солидарности польских трудящихся». Оценивая в конце мая перспективы польской кампании, Сталин писал в «Правде»:

«... Тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение – «чувство отчизны»,– передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск. Конечно, тыл Польши не однороден ... в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 323–324).

***

Красная Армия успешно продвигалась на запад, и 11 июля министр иностранных дел Англии лорд Керзон (по поручению Верховного совета Антанты) направил Советскому правительству ультиматум с требованием остановить наступление на линии, получившей впоследствии его имя. Эта линия была установлена Антантой в декабре 1919 г. как восточная граница Польши и в основном соответствовала этнографическому принципу проживания польского, украинского и белорусского населения.

У Керзона нашлись союзники и в лагере большевиков – в очередной статье, опубликованной в «Правде» 11 июля, Сталин вновь предостерег против «марша на Варшаву». Ленин, однако, имел иное мнение.

В ночь на 22 июля главком советских войск С.С. Каменев отдал приказ Западному фронту занять Варшаву не позднее 12 августа. Юго-Западному фронту предписывалось взять Львов и освободить Галицию.

Роковая ошибка этого плана состояла в том, что два советских фронта должны были действовать по расходящимся операционным направлениям, что явно противоречило всем законам стратегии. Но для истинных большевиков законов стратегии не существует!

24 июля в Варшаве было создано правительство национальной обороны с участием всех политических сил, за исключением коммунистов. Была развернута мощная патриотическая агитация под лозунгом отпора «русскому империализму». В начале августа в ряды польских вооруженных сил влились 60 тыс. человек. С целью поддержания порядка в армии и борьбы с дезертирством польское руководство 24 июля ввело чрезвычайные и полевые суды, а 14 августа – заградительные отряды с пулеметами для остановки отступающих частей.

25 июля в Варшаву прибыла англо-французская военная миссия. В качестве главного военного советника был назначен французский генерал Вейган, тут же спешно ставший разрабатывать план польского контрудара. Кроме того, Польше была оказана массированная материальная помощь, прежде всего вооружением и боевой техникой. По количеству танков польская армия вышла на 4-е место в мире. Регент Венгрии адмирал Хорти объявил венгерские вооруженные силы резервом польской армии.

***

К началу сражения на Висле у поляков имелось 107,9 тыс. штыков и сабель, 1834 пулемета, 108 тяжелых и 526 легких орудий, свыше 70 танков и более 100 бронеавтомобилей. В ходе боев под Варшавой Антанта спешно направила для польской армии около 600 орудий, которые по прибытии были немедленно введены в бой. Западный фронт насчитывал около 101,3 тыс. штыков и сабель, незначительно уступая противнику в живой силе, но катастрофически отставая от поляков в артиллерии, бронесилах, и особенно – в снабжении боеприпасами.

Пользуясь удобными путями, а также тем, что Антанта предоставила в их распоряжение достаточное количество средств передвижения – грузовиков и подвижного состава железных дорог – на направлении контрудара поляки обеспечили себе подавляющее преимущество: 47 тыс. штыков и сабель (4-я пехотная дивизия генерала Даниеля Конажевского, 16-я пехотная дивизия полковника Александра Ладося, 21-я пехотная дивизия генерала Анджея Галицы – из состава 4-й польской армии и 1-я Легионерская пехотная дивизия («гвардия» Пилсудского) полковника Стефана Домб-Бернацкого, 3-я Легионерская пехотная дивизия генерала Леона Бербецкого, Отдельная 4-я кавалерийская бригада полковника Феликса Яворского – из состава 3-й армии) против 6,1 тыс. штыков советских войск (с обозами и штабами – до 21 тысячи).

Учитывая, что две армии красных за несколько дней до польского контрудара двинулись на северо-запад, к Плоцку, а перед ударным кулаком Пилсудского, группировавшегося в районе Демблина-Пулавы, находились лишь две дивизии Мозырьской группы войск (спасибо «гению» Тухачевского) – дальнейший ход событий можно было предсказать без особого труда.

Катастрофа, которая должна была произойти – произошла.

16 августа началось польское контрнаступление. Его итогом стал полный разгром Западного фронта, потерявшего 66 тыс. пленными и 25 тыс. убитыми и ранеными. Еще 43 тыс. красноармейцев оказались вынужденными отступить в Восточную Пруссию, где были интернированы немецкими властями. Поляки захватили 1023 пулемета и 231 орудие, сотни автомобилей, тысячи обозных повозок и почти все тыловое имущество Западного фронта. К своим удалось прорваться едва двадцати тысячам безоружных, голодных, оборванных красноармейцев из ста пятидесяти тысяч, начавших наступление два месяца назад. Западный фронт перестал существовать.

***

Могла ли Красная Армия добиться в августе 1920 г. полной победы над польской армией и как следствие «советизации» Польши, как об этом мечтали большевистские лидеры? Как показали события, большинство польского населения осталось равнодушным к коммунистическим идеям, предпочтя им идею национального реванша. Даже взятие Варшавы привело бы лишь к вступлению в войну на польской стороне армий Венгрии и Румынии, а в перспективе – и к открытому военному вмешательству Англии и Франции.

Таким образом, уже в военном конфликте с Польшей военная доктрина Советской России, делающая главный упор на классовую сущность современной войны, потерпела катастрофический провал.

Вина Тухачевского не в том, что он не сумел взять Варшаву – в сложившейся ситуации это было, скорее всего, невозможно. И даже не в проигрыше им битвы – весной 1920 г. советские войска тоже потерпели поражение, однако поляки не сумели при этом уничтожить ни одной нашей дивизии. Тухачевский не просто проиграл сражение за Варшаву – он практически потерял все вверенные ему войска! Разгром армий Западного фронта был военной катастрофой, в результате которой оказались перечеркнуты все плоды одержанных летом 1920 г. побед. С Польшей Советской России пришлось заключать позорный мир, отдавая ей огромные территории Украины и Белоруссии.

***

Но Польша сражалась не только на Востоке – с литовцами, украинцами и Советами. Поляки затеяли конфликты и с юго-западным соседом – с Чехословакией, и с полуокружившей территорию новоявленной Польши Германией. А как же! Воевать – так со всеми!

В Тешинской Силезии (как именуют ее чехи) на 150 тыс. чешского населения насчитывалось всего около 70 тыс. поляков. «Наших – устойчивое большинство!» – подумал Пилсудский и немедля затеял с Чехословакией конфликт. Правда, тут ему не обломилось – чешское государство ходило в любимчиках у Антанты, и обижать его большие дяди из Лондона и Парижа Польше не велели. Пилсудскому пришлось (скрепя сердце и, как он надеялся, временно) отказаться от Заользья (как эта область именуется в Польше).

В Верхней Силезии большинство населения составляли немцы. По проведенному среди них плебисциту эта область отходила к Германии. Но Горний Шленск – это мощный промышленный центр с шахтами, рудниками, заводами. Отдать его Германии? Да никогда в жизни!

И поляки Верхней Силезии трижды выходят на баррикады – в результате Антанта, скрепя сердце, передает большую часть этой территории Польше. Германия, конечно, затаила по этому поводу некоторую злобу, но в двадцатом году она была бессильна хоть как-то помешать полякам рвать ее территорию по-живому. «Еще не вечер» – так думали не только поляки относительно Тешина. Так думали и немцы по поводу Верхней Силезии, Западной Пруссии, Гданьска и Померании.

Конфликты по всему периметру польских границ к 1922 г. не погасли – они продолжали тлеть, ожидая своего часа.

***

Надо отметить, что поляки воевали со своими соседями по-взрослому – не щадя пленных и не испытывая приступов гнилого гуманизма к гражданскому населению. Особенно в этом плане они отличились летом и осенью 1920 г. на территории Белоруссии и Украины.

Ворвавшиеся на советскую территорию польские войска повели себя, как банда отмороженных бандитов и убийц – в считанные дни с них слетел весь тонкий налет европейской цивилизованности. У кого он был, конечно.

Как вспоминал ставший в 1930-е годы министром иностранных дел Ю. Бек: *«В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом».*

По свидетельству представителя польской администрации на оккупированных территориях графа М. Коссаковского: *«Бывший начальник штаба генерала Листовского, когда при нем рассказывали, как мозжили головы и выламывали конечности, нехотя отвечал: «пустяки». Я видел такой опыт: кому-то в распоротый живот зашили живого кота и бились об заклад, кто первый подохнет – человек или кот».*

Особенно трагичной была судьба попавших в польский плен. По данным исследователя М.В. Филимошина, всего в 1919–1920 гг. в польском плену оказались 165 550 красноармейцев. Из них 83 500 погибли от голода и зверских пыток в польских концлагерях.

Современные польские историки пытаются существенно занизить это количество. Как правило, не учитывается, что далеко не все из пленных попадали в лагеря. Между тем вот что записал, к примеру, 22 июня 1920 г. в своем дневнике К. Свитальский, занимавший должность заместителя директора гражданской канцелярии Пилсудского: *«Препятствием к деморализации большевистской армии путем дезертирства из нее и перехода на нашу сторону является ожесточенное и беспощадное уничтожение нашими солдатами пленных».*

***

У польских историков после этого хватает совести упрекать Советский Союз в расстрелах польских офицеров в Катыни! Мало того, что этот трагический эпизод до конца неясен (вернее, совершенно ясно, что расстрелы поляков осуществили немцы) – лагеря советских военнопленных в Тухоле или Барановичах видели ужасы покровавей! Когда польские кавалеристы упражнялись в рубке военнопленных, когда расстреливали красноармейцев только для того, чтобы проверить, сколько человек пробьет винтовочная пуля – где были польские защитники прав человека? Или гибель наших пленных – это всего лишь прискорбный военный эпизод? Или кровь наших солдат – дождевая вода? Или красноармейцы – люди второго сорта, и их гибель не является горем для их семей?

Убийство безоружного пленного – это преступление, по всем законам, Божьим и человеческим. Когда польские уланы рубили головы красноармейцев, оказавшихся в их лагерях – о каком будущем для себя они думали? Поляки, расстрелявшие,

зарубившие, замучившие голодом и болезнями десятки тысяч наших пленных в 1920–1921 гг. – какого отношения хотели к себе в 1939-м?

Уверен, что среди девяти тысяч расстрелянных в Катыни и Осташкове польских пленных офицеров были сотни (если не тысячи) участников убийств пленных красноармейцев в Пулавах, Стржалкове, Домбе. Когда солдаты звереют, а офицеры не смеют остановить (или даже одобряют) бойню, в которую превращаются военные действия, как можно спорить, кто зверствовал «за правое» или «за левое» дело?

Завершим нашу главу.

Вторая Речь Посполита к осени 1922 г. обрела четкие контуры государственных границ на европейской политической карте – вместе с этим она определилась с внутриполитическим режимом, с направленностью своей внешней политики и выработала свой собственный политический курс.

Который через семнадцать лет приведет ее к национальной катастрофе.

ГЛАВА IV
«Санационная» Польша

***

Польша, созданная маршалом Пилсудским со товарищи, была совсем не той Польшей, в которую мы с тобой, читатель, сегодня время от времени ездим по коммерческим нуждам, с туристическими целями или просто потому, что в Германию, кроме как транзитом через четвертую (или какая она у них там по порядку) Речь Посполитую, нам не попасть.

ТА Польша еще та была штучка!

Во-первых, у «санационной» Польши, как сказано выше, все окружающие ее страны были врагами – бывшими, настоящими либо будущими. Это не шутка – это печальная и горькая правда. Режим пилсудчиков так повел свою внешнюю политику, что ни одно из государств, имевших несчастье граничить с Польшей, не могло спать спокойно.

Во-вторых, «санационная» Польша развязала настоящую «внутреннюю войну» со своими гражданами только на том основании, что эти граждане были, как сейчас говорят, «нетитульной» национальности.

И, в-третьих, руководство второй Речи Посполитой в своей деятельности руководствовалось не интересами польского народа, а исключительно волей и желаниями Антанты, коей она была обязана самим фактом своего рождения.

***

С Советским Союзом все понятно. Звериная ненависть шляхты к России, перемноженная на такую же ненависть польских мелких буржуев к коммунизму, на выходе дали естественный результат – СССР во все, без исключения, дни существования ТОЙ Польши ее генеральным штабом и значительной частью населения (польского населения – для белорусов и украинцев с Востока ожидалось лишь избавление от польской неволи) воспринимался, как враг номер один.

Хотя эта ненависть, на самом деле, была какой-то странной, даже иррациональной. Ведь не СССР в 1920 г. напал на Польшу, не он оттяпал у нее изрядный кусок территории, не он закабалил часть ее населения, не он получил с разоренной страны контрибуцию в десять миллионов рублей золотом, когда у него голодала треть населения. Тем не менее, Советский Союз рассматривался «белополяками» (как их не без изящества именовал советский агитпроп) исключительно через прорезь прицела.

Понимая, что самостоятельно победить СССР, в случае чего, Польше вряд ли удастся, вожди Речи Посполитой принялись страховать себя заключением договоров о взаимопомощи с потенциальными врагами Советской России.

Еще 3 марта 1921 г. был подписан имевший четкую антисоветскую направленность польско-румынский договор о взаимопомощи. Он предусматривал: взаимную военную поддержку сторон в случае войны одного из участников договора с Советской Россией (ст. 1); координацию их политики во взаимоотношениях с Советской Россией (ст. 2); заключение польско-румынской военной конвенции (ст. 3); обязательство не вести переговоров о сепаратном мире в случае войны с Советской Россией (ст. 4). 26 марта 1926 г. этот договор был продлен на следующие пять лет, затем он аналогичным образом продлевался в 1931 и 1936 гг.

Ничего удивительного в столь долгом сердечном сотрудничестве нет – и Польша, и Румыния были владельцами русской территории (Румыния – Бессарабии, Польша – Западной Украины и Западной Белоруссии), которую в свое время украли у законного хозяина. И теперь совместно это незаконно нажитое имущество пытались сохранить.

***

17 марта 1922 г. был заключен Варшавский договор (первый Варшавский договор; по второму Народная Польша становилась нашим союзником) между Польшей, Финляндией, Эстонией и Латвией, согласно которому участники должны были консультироваться в случае советского «НЕСПРОВОЦИРОВАННОГО НАПАДЕНИЯ». Руководствуясь этим договором, генеральные штабы стран-участниц разработали несколько планов совместных военных операций против СССР. Шайка лимитрофов угрожала (на основании этого договора) Советской России вторжением и войной!

Кроме того, пользуясь покровительством Англии и Франции, Польша время от времени устраивала на своей территории антисоветские акции. Когда 27 мая 1927 г. Англия разорвала дипломатические отношения с СССР, польское руководство одобрило этот шаг, посетовав, что не может последовать английскому примеру, поскольку имеет слишком протяженную границу с Советским Союзом. Однако сразу же после этого последовала серия терактов против советских дипломатов в Варшаве. 7 июня 1927 г. молодой русский эмигрант Борис Коверда застрелил на вокзале советского полпреда Петра Войкова. 2 сентября того же года другой эмигрант, П. Трайкович, покушался на советского дипкурьера Шлессера, но был застрелен напарником последнего И. Гусевым. 4 мая 1928 г. было совершено покушение на советского торгпреда А.С. Лизарева.

Таким образом, являясь непременным участником всевозможных антисоветских коалиций и ведя непосредственные враждебные и провокационные действия против СССР, «санационная» Польша, в свою очередь, рассматривалась в Советском Союзе как вероятный противник номер один.

То есть СССР для Польши был каноническим врагом – равно как и Польша для СССР.

***

Но не только большевистская Россия была противником польской шляхты.

Такими же закадычными врагами Польши оставались и Литва с Чехословакией, буржуазные, в общем-то, «классово близкие», по выражению того же советского агитпропа, государства. Польша (по праву сильного) отняла в свое время у Литвы намерянный последней добрыми дядями из Антанты кусок бывшей русской территории – Вильно и Виленский край. И Польша же продолжала числить Литву своим кровным врагом! В течение всех 20–30-х гг. Польша не оставляла намерений оккупировать и остальную территорию Литвы. Особо вдохновили Варшаву действия Гитлера в Австрии в марте 1938-го. Когда Гитлер 11–12 марта 1938-го осуществлял аншлюс Австрии, Варшава попыталась то же проделать с Литвой (которую именовали не иначе как «польская Австрия»). 15 марта 1938 г. в Варшаве и Вильно прошли антилитовские демонстрации под общим лозунгом «Вперед на Ковно!» (Каунас – тогдашнюю столицу Литвы).

Литве был предъявлен ультиматум, а на литовской границе сосредоточено свыше 100 тыс. польских войск. И только позиция СССР и Франции удержала Польшу от военного вторжения (Варшава ограничилась тем, что заставила Литву восстановить с ней дипломатические отношения, расторгнутые после захвата Вильно и Виленской области).

А в Тешинской Силезии численность польского населения была наполовину ниже численности чехов и словаков – тем не менее поляки все эти годы обиженно дулись на Антанту, почему-то отдавшую этот лакомый кусочек земли с шахтами и заводами Чехословакии, которая и так богатая!

Таким образом, и Литва, и Чехословакия были для «санационной» Польши врагами, хотя и затаившимися, но всё равно – безусловными.

***

У поляков были серьезные противоречия с Германией – пан Пилсудский в свое время получил во владение изрядный кусок немецкой территории с немецким же населением, плюс к этому в управление полякам Лига Наций передала Данциг (бывший немецким городом с десятого века). И Вторая Речь Посполитая была не прочь продолжить расширять польскую территорию за счет Германии и дальше.

Поэтому все время своего недолгого существования Веймарская Германия рассматривала Польшу как серьезного потенциального агрессора – еще бы, рейсхвер насчитывал всего 100 000 штыков и сабель, без танков, без зенитной, тяжелой и противотанковой артиллерии, без военной авиации! Для такой армии Войско Польское – серьезный враг. Ведь у поляков есть и авиация (французские и английские, позже – свои самолеты), и танки (несколько десятков легких танков FT-17 им передали французы), и тяжелая артиллерия! Да и численность польской армии мирного времени – худо-бедно, но почти 300 тыс. штыков и сабель (а всего штатная численность при мобилизации – 700 000 солдат и офицеров первой линии). Армия не шутейная, между прочим.

Генеральные штабы в любой стране в мирное время заняты тем, что составляют планы войны со всеми вероятными противниками – это их работа. Манштейн пишет, что после

Первой мировой войны таким противником для Германии была Польша – немцы боялись, что Польша продолжит захват немецких земель, в частности, Восточной Пруссии, и готовились к оборонительной войне с ней. Например, немцами в свое время был построен Мезеритский укрепленный район на восточном берегу Одера с могучими дотами и подземными артиллерийскими фортами – немцы надеялись с его помощью сдержать польскую агрессию.

Цитирую того же Манштейна: *«Затем колесо судьбы вновь повернулось. На сцене империи появился Адольф Гитлер. Все изменилось. Коренным образом изменились и наши отношения с Польшей. Империя заключила пакт о ненападении и договор о дружбе с нашим восточным соседом».*

Но в 1939 г., когда «вдруг» отношения с Польшей резко испортились, в Генштабе Германии не оказалось плана войны с восточным соседом – то есть плана наступательной войны. Его начали спешно разрабатывать перед самым ее началом. Манштейн это поясняет: *«Во всяком случае ОКХ до весны 1939 г. никогда не имело в своем портфеле плана стратегического развертывания наступления на Польшу».* То есть планы Германии на предстоящую войну с Польшей были сугубо оборонительными. Немцы все семнадцать лет соседства с новорожденным польским государством ждали от него вторжения – и к нему готовились.

***

Подведем итог внешнеполитическим усилиям «санационного» руководства Польши. Они неутешительны: враги расположились на всех, без исключения, внешних границах Польского государства. Причем врагами они стали сугубо благодаря, главным образом, мудрости пана Пилсудского и его подпанков.

Куда ни кинь – всюду клин. Это – мудрая внешняя политика? Или тупой шляхетский гонор?

Но проблем на всех, без исключения, границах новорожденной Второй Речи Посполитой было мало! Кроме врага внешнего, ее властители старательно создавали себе врага внутреннего. Что им с блеском и удалось.

По версии официальной польской историографии, воссозданная в 1918 г. независимая Польша была демократией чистейшей воды. Ну, может быть, с некоторыми национальными особенностями. Однако реальность существенно отличается от этой картины.

Вообще-то внешне Польша очень походила на демократическое государство. Проводились парламентские выборы, существовала легальная оппозиция. Но эта схожесть была чистой декорацией, существующей лишь до той поры, пока она устраивает «хозяина». Например, 12 мая 1926 г. удалившийся от дел бывший «начальник польского государства» Юзеф Пилсудский устроил военный переворот. Просто потому, что ему показалось, что Польша движется куда-то не туда. В ходе трехдневных боев на улицах Варшавы, обошедшихся в 1300 убитых, сопротивление правительственных войск было сломлено. 14 мая президент Станислав Войцеховский и премьер-министр Винсент Витош подали в отставку.

Что характерно – пан Пилсудский не стремился занять официальный высший пост в Польском государстве. Ему достаточно было быть просто «хозяином Польши». Скромно и со вкусом.

Например, когда 31 мая 1926 г. Сейм избрал Пилсудского президентом Польши, тот демонстративно отказался. С октября 1926 по июнь 1928 г. и с августа по декабрь 1930 г. первый польский маршал занимал должность премьер-министра, в остальное же время довольствовался постами военного министра и генерального инспектора вооруженных сил. Тем не менее вплоть до своей смерти, последовавшей 25 мая 1935 г., Пилсудский являлся полновластным правителем страны,

периодически убедительно демонстрируя, «кто в доме хозяин». Например, 30 августа 1930 г. он распустил Сейм, после чего 70 оппозиционных депутатов были арестованы и приговорены к тюремному заключению.

После смерти Пилсудского должность генерального инспектора польских вооруженных сил в придачу с титулом «верховного вождя» польского государства унаследовал его сподвижник Эдвард Рыдз-Смиглы. И успешно продолжил линию своего «великого» учителя.

***

Основным лозунгом правления Пилсудского была «санация» (т.е. оздоровление), подразумевавшая борьбу с коррупцией, наведение порядка в экономике и прочие подобные меры, поэтому его режим часто называют «санационным».

Составной частью этой политики была «пацификация» (т.е. умиротворение) – усмирение национальных окраин в первую очередь украинских и белорусских земель. Надо сказать, что если в последнем поляки весьма преуспели, закрывая украинские и белорусские школы и уничтожая православные церкви, то вот поднять экономику им оказалось не по зубам. Вплоть до своего бесславного конца в сентябре 1939 г. «независимая» Польша так и не смогла достичь уровня промышленного производства, существовавшего на входивших в нее территориях в 1913 г.

Национальное и религиозное угнетение этнических меньшинств в Польше носило целенаправленный, одобренный государством характер. Украинцы и белорусы вполне официально считались гражданами второго сорта, коим был почти закрыт доступ на государственные посты, в офицерский корпус, в высшие учебные заведения. Украинские и белорусские школы и культурные организации преследовались. К середине 30-х гг. 43 % белорусов были безграмотными, а студентов-белорусов во всей Польше не насчитывалось и двухсот человек.

К 1939 г. все школы были окончательно преобразованы в польские, а две трети православных храмов превращены в костелы. «Крэсы всходне», как величали белорусские земли поляки, были всего лишь аграрно-сырьевым придатком их страны, а также служили источником пушечного мяса.

***

Столь откровенное пренебрежение нацменьшинствами вызвало немедленную реакцию, особенно на Волыни и в Восточной Галиции. ОУН начала охоту за высшими деятелями польской администрации, застрелив, например, в 1934 г. польского министра внутренних дел Перацкого. Ну а поскольку всякое действие рождает противодействие, поляки для особо рьяных украинских (да и белорусских, а частью даже для еврейских) националистов открыли концентрационный лагерь в Березе-Картузской, доселе безвестном еврейском местечке между Брестом и Дрогичином.

Концлагерь в Березе был местом внесудебной расправы с недовольными – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заключенного можно было безнаказанно убить, а уж об изощренности издевательств охраны над пленниками в Западной Белоруссии ходили мрачные легенды. Чего стоили «заплывы» в гигантской яме с нечистотами или марш на коленях по «Красной площади» из битого кирпича! Поляки-охранники рьяно исполняли свои функции, главной из которых было – сломить волю заключенного, превратить его в животное, а если не удастся – то уничтожить его физически.

В общем и целом, с «врагом внутренним» на восточных окраинах государства у поляков все было в порядке – означенный враг был создан польской администрацией из национальных меньшинств, коим эта самая администрация вполне официально придала статус граждан второго сорта. Этот внутренний враг был активен, жизнеспособен, деятелен – одним словом, польской

«дефензиве» было чем занять себя в эти годы. Единственно непонятно, зачем Польским государством проводилась подобная внутренняя политика, имевшая явной целью внутренний раскол государства и его критическое ослабление в случае вражеской агрессии – но этот вопрос до сих пор остается без ответа...

***

Ладно бы поляки душили только украинцев и белорусов – за тех заступиться было особо некому. СССР, в границах которого находились Белорусская и Украинская советские республики, в то время на националистические закидоны польского правительства как-то особо не смотрел, он все больше о пролетарском интернационализме распрягался, больше о мировой революции заботился. «Единокровными братьями» украинцы и белорусы советским гражданам той же национальности станут попозже, к концу тридцатых, когда миф «мировой революции» начнет уступать в Советской России место ее истинным национальным интересам.

Но поляки не только своих восточных подданных заставляли учить польский язык и ходить в униатские костелы – они к тому же проводили целенаправленную «полонизацию» немецкого населения Западной Пруссии и Верхней Силезии! Поляки навязывали немцам польские фамилии, регистрировали детей только с польскими именами – но это еще пустяки! Они удумали такое, что от изумления всякий мыслящий человек только руки бы развел!

Верхняя Силезия с центром в Катовицах – гигантский промышленный район. Между прочим – единственный промышленный район Польши. Шахты, рудники, металлургические заводы – в общем, тяжелая промышленность. В те времена прилагательные «тяжелая» и «военная» были равнозначными.

Что делают поляки? В области, еще раз напомню, с преобладающим немецким населением, 90 % экономики которой – это предприятия тяжелой (сиречь – военной) промышленности? Правильно. Они запрещают работать на военных предприятиях лицам непольской национальности.

Гениальный ход! Если бы я захотел раздуть в своей стране пожар мощного межнационального конфликта – я бы запретил армянам шить обувь, азербайджанцам – торговать фруктами, латышам – ловить салаку, украинцам – выращивать подсолнечник, помидоры и сахарную свеклу. И незамедлительно получил бы желаемый результат!

Поляки пошли именно по этому пути. Им нестерпимо хотелось побыстрее получить взрыв межнациональной вражды в стратегическом районе своей страны. До скрежета зубовного!

Этот взрыв довольно долго гасил германский имперский банк. Вы будете смеяться – но всем уволенным с шахт, заводов и рудников этническим немцам (польским гражданам!) немецкая государственная казна выплачивала пособие по безработице – в польской валюте, но столько же, сколько платила своим собственным безработным (когда они еще в Германии были). Понятно, Рейху была небезразлична судьба своих соотечественников под пятой польской оккупации, и власти Германии, как могли, поддерживали своих соплеменников. Хотя это им стоило очень немаленьких денег.

То есть позиция национал-социалистической Германии понятна – она должна поддерживать немцев, где бы те ни жили.

Но абсолютно непонятна позиция польского руководства. Мало того, что они выбрасывают за ворота заводов немцев (кстати, высокопрофессиональных специалистов) – они еще и позволяют еврейским торговым фирмам (80 % торговли в Польше держали евреи) осуществлять бойкот немецких товаров!

Право слово, это – уже за гранью каких бы то ни было разумных объяснений.

***

Впрочем, довольно долго отношения Польши с Германией были относительно дружественными. Иногда – очень относительно; но все же до смерти Пилсудского они имели какие-то разумные основы.

После прихода к власти в Германии Гитлера сначала имело место обострение польско-германских отношений, в частности из-за демонстраций нацистов в Данциге и усиления их антипольской кампании в вопросах «коридора» и Силезии, а также из-за подписания «Пакта четырех», который предусматривал, между прочим, возможность пересмотра границ в Европе. Польша реагировала на это ужесточением своей позиции попытками сближения с Чехословакией и даже с Советским Союзом, а также вызывающими военными демонстрациями, которые побудили Гитлера несколько изменить свою позицию – все ж Войско Польское на тот момент было ВТРОЕ больше рейсхвера. Поэтому новый рейхсканцлер хотел выиграть время для осуществления своих обширных планов вооружения. Этой цели должна была, прежде всего, служить некоторая разрядка отношений с Польшей. После длительных переговоров обе стороны подписали 26 января 1934 г. декларацию, в которой взяли на себя обязательство при возникновении спорных вопросов ни в коем случае не прибегать к оружию. Кроме того, было определено, что заключенное соглашение в полном соответствии с принципами Парижского пакта Бриана-Келлога 1928 г. не должно ни в одном пункте препятствовать выполнению договоров, заключенных раньше с другими государствами.

Договор с Германией дал Польше определенные преимущества. Германское правительство прекратило антипольскую пропаганду в печати, заявило о своем желании улучшить взаимоотношения с Польшей и даже дало понять, что германо-польское соглашение имеет более глубокие корни, чем это

вытекает из опубликованной декларации. Экономические отношения оживились, и Польша, переставшая быть предметом прямых нападок, временно получила большую свободу действий на международной арене.

Пилсудский, заключивший пакты о ненападении с обоими великими соседями, отдавал себе отчет в том, что такое положение вещей было временным. *«Мы сидим на двух стульях, – сказал он одному из генералов, – но это не может продолжаться долго. Нам только нужно знать, с какого мы упадем сначала».* Он указывал своим сотрудникам на то, что они обязательно должны учитывать те изменения, которые происходили в Германии и СССР. Тем не менее в Варшаве считали, что глубокие идеологические расхождения, существовавшие между «третьим рейхом» и Советским Союзом, делали невозможным сотрудничество между этими державами и что это обстоятельство позволит Польше проводить в течение определенного времени политику равновесия между этими двумя великими соседями.

Но как сам Пилсудский, так и его преемник, генерал Эдвард Рыдз-Смиглы, избегали тесного одностороннего сближения с одним из этих двух государств. Так, например, Польша не поддержала возникавшую в 1934 и 1935 гг. идею так называемого Восточного пакта, но одновременно отклоняла попытки вовлечь себя в русло антисоветской политики, например, отказалась вступить в «Антикоминтерновский пакт». В этот отрезок времени произошло определенное ослабление польско-французского союза, хотя он и впредь оставался основой польской военной и внешней политики. Польша с недовольством и беспокойством восприняла франко-чехословацко-советский договор, подписанный в мае 1935 г. По мнению руководящих кругов в Варшаве, он ограничивал возможности продолжения политики равновесия и лавирования между двумя великими соседними государствами. Тем не менее когда в марте 1936 г. Гитлер нарушил Локарнский договор,

и немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область, министр иностранных дел Бек и представитель польского военного атташе в Париже Густав Ловчовский заявили о готовности Польши выполнить свой союзнический долг, если Франция решит активно реагировать на действия Гитлера. Как известно, в то время Франция вела себя совершенно пассивно. Выход вермахта на прежние западные границы Германии значительно ухудшил стратегическое положение как Польши, так и Чехословакии.

В середине 30-х гг. поляки начали менять свои внешнеполитические планы – ибо ситуация на внешних границах ухудшилась. Аншлюс Австрии, а позже чехословацкий кризис вызвали в Варшаве желание поучаствовать в новом переделе Европы – но при этом варшавские политики даже не предполагали, что сами могут стать объектом этого передела!

Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г., означавшее согласие западных держав на ликвидацию Версальской системы, вызвало в Варшаве неприкрытый восторг, несмотря на то, что сама Польша появилась на политических картах благодаря Версалю. Какая разница! Ведь есть шанс урвать чужое! И варшавские вожди приняли решение вынудить Чехословакию передать Польше ту территорию, на которую она претендовала и которая, по их мнению, все двадцать межво-

Станковый пулемет Браунинга

енных лет была «спорной». По этому поводу 1 октября 1938 г. Польша направила Чехословакии ультиматум, который был принят пражским правительством. В течение первой декады октября 1938 г. «спорная» область была захвачена войсками «Отдельной оперативной группы Силезия», которая к 21 сентября была сосредоточена на польско-чехословацкой границе.

***

В современной Польше очень не любят вспоминать о подобных «канувших в Лету» исторических «мелочах». Зато там очень популярны рассказы о «дьявольских планах русских коммунистов», а вся предвоенная история сводится к тому, что фашисты и большевики на протяжении всего третьего десятилетия двадцатого века только и мечтали о том, как побыстрее захватить «несчастную» Польшу. О том, как эта самая «несчастная» Польша сама себя со всем тщанием загоняла во внешне- и внутреннеполитический тупик – сегодня ни слова.

При этом «забывается» или полностью отрицается, что и до, и после появления самого крупного нацистского «царя зверей» – Германии – Польша была небольшим фашистским «шакалом» или (по определению У.Черчилля) «гиеной», всегда готовой урвать кусок чужой территории. И доказательств тому множество.

Замминистра иностранных дел Польши Я. Шембек еще 27 февраля 1936 г. писал в своем дневнике: *«Мы должны поддерживать направление германской экспансии в юго-восточном направлении, тем более что представляется почти бесспорным, что она не пойдет на север, а примет направление Дуная; Лукасевич считает, что если Германия «наложит руку» на Чехословакию, то это будет выгодно для Польши».*

Руководитель польской внешней политики Ю. Бек инструктировал польского посла в Германии Липского перед встречей последнего с Гитлером в Берхтесгадене 20 сентября 1938 г. (на

которой Гитлер пообещал Польше и Венгрии поддержку их «территориальных требований» к Чехословакии): *«Чехословацкую республику считаем искусственным образованием... противоречащим действительным потребностям и... правам народов Центральной Европы. В течение прошедшего лета польское правительство четырежды отвергло предложение присоединиться к международным действиям в защиту Чехословакии».*

Как уже было сказано выше, сразу же после заключения мюнхенского сговора, в полночь с 30 сентября на 1 октября, польское правительство предъявило Чехословакии ультиматум о немедленной передаче Польше Тешинской области, а ее оккупация польскими войсками началась на следующий день.

В области на тот момент проживали 156 тыс. чехов и всего 77 тыс. поляков. Причем эти поляки, в отличие от украинцев и белорусов в Польше, не испытывали в Чехословакии никакого культурного или экономического гнета и не собирались присоединяться к Польше. Но что самое примечательное – Польша напала на Чехословакию безо всякого разрешения Англии и Франции – абсолютно самостоятельно!

Кто-то скажет: подумаешь, Польша приобрела всего 0,2 % дополнительной территории! Стоит ли об этом сегодня говорить?

Стоит. Потому что вместе с промышленным районом Тешинской Силезии Польша приобрела почти 50 % дополнительных мощностей в горнометаллургической промышленности! Благодаря захваченным предприятиям Тешина выплавка чугуна и стали, добыча угля в Польше выросла сразу на 35 %. Как вам такие цифры?

***

Но что там Чехословакия с ее жалкой Тешинской областью – Польша, мня себя «великой державой», мечтала об африканских колониях! «Жизненного пространства» ей не хватало! С начала 1937 г. поляки стали муссировать тему

своей неудовлетворенности состоянием дел в решении колониальных вопросов. 18 апреля 1938 г. Польша широко праздновала День колоний, а само действо сопровождалось шовинистическими демонстрациями с требованием предоставить великой польской нации заморские колонии! В костелах отправляли торжественные службы по этому поводу.

В кинотеатрах крутили фильмы на колониальную тему… Полякам захотелось вкусить сладости владений заморскими территориями – да так, что даже за полгода до разгрома, когда над Польшей уже завис германский меч, Варшава требовала колоний. Так, 10 февраля 1939 г., когда в Гдыне на воду спускали новую подводную лодку «Орел», генерал Соснковский в спиче подчеркивал, как важен для страны флот в плане будущей обороны колониальных владений. А 11 марта 1939 г. в Польше опубликована целая программа по колониальному вопросу! В ней было прямо заявлено, что Польша-де, как и прочие великие европейские державы, должна иметь доступ к колониям…

***

Нет, право слово, но вы меня извините – дальше писать становится просто невозможно.

Польское руководство все более и более отрешается от действительности, все глубже и глубже погружается в несбыточные планы построения Империи… Польские руководители мнят себя вождями великого государства с мощной экономикой и непобедимой армией, с могучим военно-морским флотом и переполненными арсеналами, в котором царит национальный мир и конфессиональное благополучие. Польское руководство с каждым днем все гуще и гуще кладет розовую краску на очки, через которые смотрит на свою страну.

Если бы я был Верховным Режиссером, запланировавшим всемирную драму Второй мировой войны, какую страну я избрал бы на роль застрельщика этого эпического кошмара?

Я постарался бы найти государство, до самых корней пораженное метастазами застарелых межэтнических и межконфессиональных проблем.

Я нашел бы государство, раздираемое социальными противоречиями, с пропастью, разделяющей еврейский город и автохтонную деревню.

Я нашел бы государство с самоуверенным и недалеким военным руководством, альфой и омегой военного опыта которого были бы карательные походы против бунтующих селян.

Я нашел бы страну бедную, промышленно неразвитую, зато до самых глубин зараженную представлениями о своем мнимом величии.

Я нашел бы Польшу.

ГЛАВА V
Войско Польское накануне войны

***

Я избрал бы Польшу – потому что лишь она одна идеально подойдет на роль застрельщика Большой войны. И вот почему.

Польская армия мирного времени – это сорок полков кавалерии (3 полка шволежеров, 27 полков улан, 10 полков конных стрелков), 90 полков пехоты, 3 отдельных стрелковых батальона и 2 батальона морской пехоты, 39 полков легкой артиллерии, 10 полков артиллерии тяжелой, 1 полк сверхтяжелой артиллерии, 59 отдельных артдивизионов – всего 260 тыс. человек.

Мобилизационные же ресурсы Польши по состоянию на 1939 г. составляли никак не менее трех миллионов человек (численность населения – около тридцати пяти миллионов, безболезненно для промышленности и сельского хозяйства можно призвать, как известно, до 10 % от общей численнос-ти жителей страны). То есть солдат (начнись настоящая, а не «картонная», война, неважно с кем, с Германией или СССР) хватило бы с избытком – по крайней мере, на первые несколько месяцев войны. Но вот хватило бы на этих солдат винтовок, пушек, патронов и круп с тушенкой – зная мощности польской промышленности и возможности ее сельского хозяйства?

Не хватило бы. Запасы, например, ручных пулеметов были созданы для 24 резервных пехотных полков, 10 резервных стрелковых батальонов и 10 резервных пулеметных батальонов, а мобилизационный запас винтовок (включая все,

что есть в арсеналах, нетабельных калибров) едва превышал миллион штук. И это было все!

То есть единовременно призвать в ряды Вооруженных Сил три миллиона человек Польша не могла – этих людей не во что было бы одеть, нечем вооружить и нечем кормить. При нападении врага одновременно выставить на линию огня всех мобилизованных солдат Войско Польское не смогло бы ни при каких условиях – это означало бы мгновенный крах польской экономики; да и смысла в подобной мобилизации не было никакого – в войсках и на складах имелось винтовок wz. 29 (польских) – 256 400 шт., винтовок Маузера wz. 1898 (польских) – 393 200 шт., винтовок Лебеля wz. 1886 (под маузеровский патрон) – 145 222 шт., винтовок Мосина, также переделанных под калибр 7,92 мм. – 11 240 шт. Был, правда, еще некоторый запас всякого хлама из поставок 1919–1920 гг., типа винтовок Веттерли или Бердана (а также трехлинеек калибра 7,62 мм и винтовок Лебеля под оригинальный 8-мм патрон) – 242 000 шт. – но ввиду их ветхости и отсутствия боеприпасов эти «винтовки» можно всерьез не воспринимать. Таким образом, стрелкового оружия у Польши имелось максимум на 1 048 000 человек, из которых четверть пойдет в бой фактически безоружными (ибо запасов 7,62-мм, 7,65-мм, 7,7-мм и 8-мм патронов было ничтожно мало).

Польская кавалерия 1939 года

100-мм легкая гаубица

Современных станковых пулеметов (7,92-мм образца 1930 г. системы Браунинга) Войско Польское имело 7 861 шт., плюс к этому имелось 1 853 станковых 7,92-мм пулеметов Максима. Современных ручных пулеметов того же Браунинга образца 1928 г. в польской армии насчитывалось 19 971 шт. (прошу сравнить с армией Чехословакии – станковых пулеметов ZB-53 – 12 000, ручных ZB-26 – 52 000). Правда, у поляков на вооружении имеются различные девайсы времен Первой мировой – ручные пулеметы Шоша wz.1915 г. (5 870 шт.), ручные пулеметы Максима wz.08/15 (5 700 шт.), ручные пулеметы Бергмана wz.1915 (715 шт.), станковые пулеметы Максима под патрон 7,62-мм (1 650 штук) – но, учитывая, что эти машинки славно потрудились во время польско-советской войны 1920 г., считать их боевым оружием можно очень условно.

То же самое относительно обмундирования – жажда поляков одевать своих жолнежей франтовато и не без некоторого изыска понятна и где-то объяснима. Но вот только стоимость экипировки одного бойца Войска Польского ВДВОЕ превосходила стоимость обмундирования и обувки солдата литовского или чешского; не говоря уж о том, что Советы на те же деньги одевали ТРОИХ своих бойцов. Шерстяные, с иголочки,

мундиры, щегольские конфедератки и кожаные сапоги Войска Польского были визитной карточкой Второй Речи Посполитой. Одна беда: запасов этой парадной формы едва-едва хватало на триста пятьдесят тысяч призывников. Остальных бойцов, случись война, пришлось бы гнать на фронт в лаптях и онучах; одеть, а главное, обуть их было решительно не во что.

Таким образом, очевидно следующее: численность армии мирного времени в Польше в пять предвоенных лет составляла приблизительно 260 тыс. человек, и максимум, что можно было бы добавить к этому количеству, не снижая качества вооружения и оснащения войс, – это еще от 400 до 500 тыс. штыков. После призыва этих контингентов следующие призывники могли получить в качестве оружия только винтовки разных экзотических калибров (около четырехсот тысяч единиц), а затем призывные контингенты получат на вооружение косы и топоры. В качестве же обмундирования интенданты смогут предложить призывникам лишь набедренные повязки; ничего иного Вторая Речь Посполитая предложить своим жолнежам уже второй волны призыва не смогла бы.

Мобилизационные возможности военной промышленности Польши были крайне незначительны. В соответствии с докладом штабных офицеров на совещании польского руководства 13 июля 1939 г., военные потребности (в предвидении грядущей войны) могли быть покрыты следующим образом: в припасах для личного огнестрельного оружия – на 50 %, в пулеметах – на 45 %, артиллерии – на 70 %, в боеприпасах для артиллерии – на 40 %, в боеприпасах для зенитных орудий – на 30 %.

То есть противник смог бы по частям разбивать одну польскую армию за другой, и эти армии с каждым разом были бы все хуже и хуже вооружены и оснащены.

Это ли не означает – военный крах Польши был априори неизбежен в случае противостояния с врагом с Запада ли, с Востока ли?

***

Никак нет.

Это означает, что Польша ввиду ограниченности своих военных ресурсов с неизбежностью примет за *modus operandi* своих армий план наступательной войны, по которому право первого выстрела будет запланировано польским Генеральным штабом за Войском Польским.

Начав войну первой, Польша сможет вооружать все новые и новые призывные контингенты своих войск либо трофейным оружием, взятым на поле боя, либо тем оружием, что осталось от павших польских солдат армий первой линии – и таким образом сможет компенсировать нехватку снаряжения на всех мобилизованных солдат. А поскольку все соседи Польши были вооружены известными польским военным системами (немцы, чехи и литовцы – винтовками Маузера, такими же, как на вооружении у поляков, русские – винтовками Мосина, аналогичными тем, что хранились на складах Войска Польского) – проблем с освоением трофейного оружия не было бы никаких.

Во взаимоотношениях со всеми, без исключения, соседями Польша планирует рано или поздно начать войну – причем войну наступательную. Ибо только наступательная война соответствует шляхетскому духу (и только наступательная война позволяет ввести в дело весь польский призывной контингент).

И именно поэтому Польша, по замыслу Верховного Режиссера, поднимет занавес Второй мировой войны.

***

Теперь – о составе Войска Польского, созданного маршалом Пилсудским.

Вооруженные силы Польши (при успешно проведенной мобилизации) – тридцать девять пехотных дивизий и одиннадцать кавалерийских бригад (Мазовецкая, Новогрудская, Волынская, Кресовая, Подольская, Великопольская, Краковская, Поморская, Виленская, Сувалкская, Подлясская), две мотобронебригады (Десятая кавалерийская и Варшавская), три горнострелковые бригады, полсотни бригад, полков и батальонов национальной обороны. А также военно-воздушные силы, военно-морской флот и Пинская военная речная флотилия. Всего один миллион пятьдесят тысяч штыков и сабель (четверть из которых будут иметь на вооружении хлам вместо винтовок) – каковое количество оных, кстати, и было выставлено Рыдз-Смиглым на линию огня в сентябре 1939 г., так что говорить о том, что вермахт застал Войско Польское в штатах мирного времени – глупость.

Что сразу бросается в глаза при детальном рассмотрении структуры Войска Польского?

Правильно. Обилие кавалерии. Тринадцать соединений из пятидесяти двух – это кавалерийские и моторизованные бригады; содержащиеся, в отличие от пехотных дивизий, почти по полным штатам ДАЖЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ. О чем это говорит?

Одиннадцать кавалерийских бригад, всего сорок полков (в каждой бригаде – по три-четыре кавалерийских полка, по конно-артиллерийскому дивизиону, бронетанковому, самокатному и саперному батальону, зенитной батарее; по сути, это не бригады, это вполне полноценные дивизии) – это, на самом деле, очень много. Это слишком много для обороны государства. И даже более того – одиннадцать кавалерийских бригад для обороны собственной территории Польше просто не нужны.

Потому что кавалерия – это очень дорого; каждый улан, каждый конный стрелок, каждый шволежер имеет лошадь,

которая стоит немаленьких денег, которую нужно кормить-поить-ухаживать – пехотинцу же такая роскошь не нужна. Пехотинец ходит пешком. Посему гораздо дешевле для государства иметь вместо одиннадцати кавалерийских бригад с их шестьюдесятью тысячами кавалерийских и вдвое большим количеством обозных коней одиннадцать обычных пехотных дивизий. Содержать одиннадцать кавалерийских бригад – это непосильная ноша для бюджета тогдашней Польши. Содержать их можно лишь в одном единственном случае – если Польша планирует агрессивную войну, для которой нужно иметь соответствующие инструменты в виде подвижных высокоманевренных соединений. В нашем случае – в виде кавалерийских бригад. Во всех остальных случаях вместо одиннадцати кавалерийских бригад лучше иметь пехотные дивизии – это, как минимум, втрое дешевле!

Что характерно – чешская армия была намного мощнее польской. После проведенной в конце сентября 1938 г. мобилизации Чехословакия поставила под ружье 1250 000 человек, 36 000 грузовиков, 78 900 лошадей и 32 000 повозок – что делало ее достаточно маневренной для своего театра. Чехословацкие вооруженные силы организационно состояли из 34 пехотных дивизий, объединенных в четырнадцать армейских корпусов, составляющих четыре армии; кроме того, Чехословакия выставляла на линию огня 4 мобильные дивизии (по танковой и кавалерийской бригаде в каждой), всего 469 танков (из которых 279 – новейших по тому времени ЛТ-35) и около 200 бронеавтомобилей. Также в составе вооруженных сил имелось 138 батальонов крепостных гарнизонов, не входивших в состав дивизий. Авиация чешских вооруженных сил состояла из 7 авиационных эскадр, насчитывавших 55 эскадрилий (13 бомбардировочных, 21 истребительную и 21 разведывательную эскадрильи), с 1514 самолетами.

То есть мы видим, что армия Чехословакии, хотя и превосходила польскую по многим видам вооружения (я уж не

говорю о качестве этого вооружения!), – была «заточена» на оборону. У нее крайне мало ударных высокоманевренных соединений; ее подвижные силы – четыре мобильные дивизии – хотя и оснащены отличными танками (LT-35 на тот момент был самым мощным танком в Центральной Европе, у немцев в октябре 1938 г. основной машиной был Pzw-II с 20-мм пушкой, которая была значительно слабее 37-мм орудия «чеха») – составляют всего десять процентов от общего количества войск.

Польская кавалерия же составляет почти ЧЕТВЕРТЬ ВСЕХ ПОЛЬСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ!

***

В это же время у Германии – всего одна кавалерийская дивизия, у Румынии – шесть (в каждой – по два кавалерийских полка, дивизиону конной артиллерии и всего по 4 легких танка R-1). У Франции – пять легких кавалерийских дивизий (в их составе – кавалерийская бригада из двух полков, полк легких танков, механизированный драгунский полк – мотопехота, артиллерийский полк из двух дивизионов – 75-мм пушек и 105-мм гаубиц), у Югославии – три. Лишь у СССР кавалерии в 1939 г. больше, чем у Польши – двадцать восемь кавалерийских (по четыре тысячи солдат и офицеров в каждой) и четыре горнокавалерийские (по три тысячи сабель) дивизии – ну так и территория СССР, которую нужно этими дивизиями защищать, раз в пятьдесят больше, чем у Польши.

***

Кто-то, может быть, скажет – «фи, какой анахронизм, конница! В двадцатом веке кавалерия – род оружия каких-нибудь баргутов, афганцев, белуджей и прочих дальних отсталых народов. В Европе конница устарела еще в четырнадцатом веке». Это – святая правда. Конница уже в войнах восемнадцатого века

выполняла вспомогательные функции (обеспечение флангов, прикрытие линий снабжения, разведка, связь), а к концу первой трети века двадцатого вообще, по ходу, утратила даже намек на какое бы то ни было боевое значение. Но о какой коннице идет речь?

У большинства читателей при словах «польская кавалерийская бригада» в мозгу тут же услужливо выскакивает картинка – кавалерийская лава галопом несется на врага: пики, сабли, конфедератки, бело-красный стяг, скачущий рядом с лихим полковником трубач хриплыми звуками горна зовет улан в атаку. Одним словом – картинка того, чего, на самом деле, не было к 1939 г. в принципе.

Штатный состав польской кавалерийской бригады позволял ей вести общевойсковой бой с любым противником, но в пешем строю. Согласно «Общей инструкции для боя» (Ogolnej instrukcji walki), изданной еще в 1930 г., кавалерия должна была двигаться в конном строю, а сражаться – в пешем. То есть лошадь служила польскому улану лишь как способ достичь поля боя, но никак не средством атаки. На практике, однако, допускались исключения (например, при неожиданном нападении на противника с целью застигнуть его врасплох или при прорыве из окружения).

Поморская кавалерийская бригада (командир до 25 августа 1939 г. – генерал бригады С. Гжмот-Скотницкий, затем полковник А. Закжевский) состояла из:

– 16-го полка великопольских улан;

– 18-го полка поморских улан;

– 2-го полка рокитнянских шволежеров;

– 8-го полка конных стрелков;

– 11-го конно-артиллерийского дивизиона (16 75-мм полевых пушек);

– 81-го бронебатальона (8 бронеавтомобилей «Урсус» и 13 танкеток TKS);

– 91-й батареи ПВО;

– самокатного эскадрона (оснащенного немецкими армейскими велосипедами);

– пионерного (саперного) эскадрона;

– эскадрона связи.

Бригаде были приданы 1-й и 2-й стрелковые батальоны.

Итого – около пяти тысяч офицеров, подофицеров и рядовых при шестнадцати полевых орудиях, восьми легких бронеавтомобилях и тринадцати танкетках, шестнадцати противотанковых пушках и сорока восьми противотанковых ружьях, пятидесяти станковых и восьмидесяти ручных пулеметах, шести зенитных орудиях. То есть численный состав польской кавалерийской бригады и ее вооружение были значительно выше, чем численность и вооружение советской кавалерийской дивизии (около трех тысяч человек)!

Польская кавалерийская бригада по своему боевому составу весьма схожа с французской легкой кавалерийской дивизией, только у поляков поменьше танков и артиллерии. А по количеству сабель поляки даже превосходят французов!

***

Да и бронетехники в составе польской кавалерии изрядно, по сравнению, например, с кавалерией румынской.

В составе Десятой кавалерийской бригады (которая, на самом деле, была не совсем кавалерийской, скорее – бронекавалерийской, если ее можно так назвать), кроме 10-го конно-стрелкового и 24-го уланского полков, в строю имелось: рота танков «Виккерс Е» (16 машин), рота разведывательных танков (13 танкеток TKS) и два разведывательных батальона, приданных обоим

Польские 7TP на марше

кавалерийским полкам (по 16 танкеток ТК-3 и по 8 бронеавтомобилей «Урсус»). По этим же штатам в первые дни войны должна была быть сформирована и Варшавская кавалерийская бригада – но быстрый разгром Польши не позволил довести до конца этот процесс.

Каждая из одиннадцати польских кавалерийских бригад имела в своем составе бронетанковый батальон (одна рота танкеток TKS – 13 машин и одна рота разведывательных бронеавтомобилей – 8 шт.). Для совместных действий с кавалерией предназначались три отдельных танковых батальона, вооруженных самыми современными танками (1-й и 2-й – по 49 легких танков 7TP, 21-й батальон – 45 легких танков Рено Р-35), и три легких танковых роты (по 15 Рено FT-17).

Кроме того, почти половина польских пехотных дивизий (как минимум, пятнадцать) могла похвастаться наличием в своем составе отдельных разведывательных танковых рот, по 13 танкеток в каждой.

Поляки действовали строго по французским полевым уставам – все наличные бронесилы распределили по пехот-

ным и кавалерийским частям, сведя их значение к исключительно тактическому, то есть поддержке пехоты (кавалерии) на поле боя. Ни о каких танковых подразделениях крупнее батальона речи в польской армии не шло – так же, как и во французской.

Но будем объективны – та техника, что находилась на вооружении поляков и могла применяться лишь по подобному предназначению. Так что Войско Польское готовилось использовать наличные бронесилы с максимально возможной для их тогдашнего состояния эффективностью.

***

В польских кавалерийских бригадах была и своя артиллерия, и свои бронесилы, и свои зенитные пушки.

Но и кавалерийские полки Войска Польского в это время также не состояли лишь из нескольких сотен улан с саблями и пиками. В этом можно убедиться на примере одного из уланских полков, входивших в состав Поморской кавалерийской бригады. 18-й уланский полк имел следующий состав:

штаб (командир полка – полковник Казимеж Масталеж, заместитель – майор Станислав Малецкий, 1-й адъютант – ротмистр Вацлав Годлевский, 2-й адъютант – подпоручик запаса Тадеуш Милецкий, взвод связи – вахмистр Ядзинский);

специальный подотдел (противотанковый взвод из 2 (должно было быть четыре, но два орудия оказались на начало войны в ремонте) 37-мм противотанковых пушек – командир подпоручик Роман Чишельский; самокатный взвод – 26 солдат и унтер-офицеров и 26 велосипедов; пионерная (саперная) дружина в составе 24 солдат и унтер-офицеров);

капеллан (куда ж католическое Войско Польское без капеллана?);

подотдел квартирмейстера (административно-хозяйственный эскадрон под командой ротмистра Влодзимежа Рачинского, полковой обоз, казначей полка, офицер вооружений и химзащиты, врач, ветеринар и офицер продовольственной части);

4 линейных (конных) эскадрона (1-й – ротмистр Эугениуш Щвещчак, 2-й – ротмистр Ян Ладось, 3-й – поручик Шлосовский, 4-й – поручик Глыба-Глыбович) и пулеметный эскадрон (ротмистр Зыгмунт Эртман). В каждом линейном эскадроне – 180 улан, 3 противотанковых ружья, 2 станковых пулемета на тачанках, 2 ручных пулемета. В пулеметном эскадроне – 4 вьючных станковых пулемета и 10 ручных.

После мобилизации полк насчитывал около 35 офицеров, более 800 подофицеров и рядовых, 850 лошадей, 2 противотанковых орудия калибра 37 мм (вместо четырех штатных), 12 ПТР, 12 тяжелых (станковых) пулеметов (в т.ч. 4 вьючных и 8 на тачанках), 18 легких (ручных) пулеметов, 2 мотоцикла с колясками и 2 радиостанции.

29 августа к 18-му полку улан присоединилась приданная ему 2-я батарея 11-го конно-артиллерийского дивизиона, мобилизованная на полевых квартирах. Командир этой батареи, капитан Ян Пастурчак, имел в своем распоряжении 180 канониров, 248 лошадей, 4 легких орудия (так называемых «православных», то есть бывших русских трехдюймовок, переделанных под французский 75-мм патрон) с боекомплектом из 1440 снарядов и 2 тяжелых пулемета.

Таким образом, 18-й полк поморских улан мог вести бой и с пехотой, и с моторизованными частями врага, насчитывая около тысячи солдат и офицеров, имея в своем распоряжении четыре 75-мм, два 37-мм орудия, 14 станковых и 18 ручных пулеметов, 12 противотанковых ружей, он никак не походил на кавалерию времен Великой Армии (или даже на конницу Первой мировой войны).

***

В общем и целом, польская кавалерия была (на 1939 г.) неплохо оснащенным мобильным средством войны, способным вести бой с любым противником – но при одном ключевом условии. Польская конница будет успешно действовать на поле боя, но лишь в том случае, если Польша начинает войну первой и застает врага врасплох…

Бросать кавалерию в атаку на подготовленную оборону противника – значит, заведомо обрекать ее на поражение, если не на уничтожение. К тридцатым годам XX в. обилие средств огневого воздействия в европейских армиях делало кавалерийскую атаку на окопавшуюся пехоту в принципе невозможной; это – аксиома.

А если кавалерия на острие наступающих войск врывается в спящую мирным сном страну – тогда совсем другое дело!

Массы конницы, непрерывно маневрируя, обходят узлы сопротивления врага, атакуют его колонны снабжения, его узлы связи, мосты, склады и аэродромы. Для противодействия неподготовленному врагу, в спешке выдвигающемуся на пути движения кавалерийских бригад, последние имеют конную артиллерию, танки и бронеавтомобили – но кавбригады не перегружены тяжелым вооружением. Их задача – не ввязываться во фронтальные бои с войсками врага. Их задача – прорываться в его тыл и уж там-то навести шороху! Кавалерийские бригады – оружие нападения, оружие для внезапного удара по ничего не подозревающему врагу. И если Польша первой начала бы войну – очень может быть, ее кавалерия еще показала бы миру, как это делается…

Как известно, этого не случилось, и польская кавалерия после трех-четырех дней боев бесславно бежала от врага на всех фронтах. Но это случилось отнюдь не потому, что польская кавалерия была безнадежно устарелым родом оружия.

Это случилось потому, что польская кавалерия готовилась совсем к другой войне…

***

Относительно устарелости конницы как рода войск – в СССР кавалерия была упразднена лишь в 1954 г.! И советские кавалерийские корпуса (со своими танками и самоходками, с мобильной артиллерией, щедро оснащенные пулеметами, минометами, средствами связи) всю войну успешно сражались с самой технически оснащенной армией Европы – немецким вермахтом, и даже участвовали в штурме Берлина (что, кстати, в свое время было прямым предназначением кавалерии польской).

И, кстати, последнюю кавалерийскую атаку Второй мировой войны в Европе также совершили поляки: 1 марта 1945 г. два эскадрона улан Войска Польского (из 2-го и 3-го уланских полков 1-й Варшавской кавалерийской бригады) под командой майора В. Богдановича захватили в конном строю местечко Шенфельд (Боруйско) – один из немецких опорных пунктов «Поморского вала». Интересно, что эта блестящая атака была проведена в том же районе, что и первая, под Кроянтами, 1 сентября 1939 г. 18-м полком поморских улан.

***

Но, кроме наступательного компонента, в составе Войска Польского достаточно тяжелого вооружения, предназначенного для длительной позиционной войны – по типу той войны, что шла на равнинах Фландрии и Шампани с 1914 по 1918 г. Польша имеет на вооружении 341 155-мм тяжелую гаубицу, 43 120-мм пушки, 254 105-мм пушки, 908 100-мм гаубиц, 1.374 75-мм французских и 466 русских (переделанных под французский унитар) полевых пушек, 25 65-мм горных пушек – всего 3 393 полевых орудия. С воздуха Войско Польское должны были прикрывать 36 новых 75-мм орудий образца

1936 г. фирмы «Бофорс» и 84 такого же калибра пушек 1914 г., 350 40-мм зенитных автоматов «Бофорс» – всего 470 орудий ПВО. Бронетанковым войскам потенциального противника должны будут поставить заслон 1 124 37-мм противотанковых «бофорса» и 4 500 противотанковых ружей «Ur», поддерживать огнем пехотные батальоны – 2 142 81-мм миномета, а в качестве тяжелого оружия пехотных рот предназначены 3 860 46-мм ротных гранатометов. Плюс в запасе на так называемом хранении второй очереди находится 640 артиллерийских орудий, не принятых на вооружение Войска Польского, но которые, в случае чего, тоже могут сказать свое веское слово (если для французских 75-мм полевых пушек поляки запасли 2 250 000 снарядов, то есть 23 боекомплекта, то для 210-мм итальянских мортир, 152-мм русских и 150-мм австрийских гаубиц, 149-мм итальянских пушек, 122-мм русских, 105-мм немецких, 100-мм австрийских горных гаубиц, 80-мм австрийских, 77-мм немецких и 75-мм итальянских полевых пушек имелось от 1,5 до 3 боекомплектов).

Артиллерии у поляков хватало. Более того – в составе Войска Польского имелась одна артиллерийская воинская часть, орудия которой говорили об агрессивных намерениях Польши лучше любого секретного документа или плана развертывания войск.

Я говорю о Первом полке артиллерии особой мощности (1 pułk artylerii najcięższej), состоящем из трех дивизионов – 11-го артиллерийского дивизиона особой мощности под командованием майора Казимежа Фирли, 12-го артиллерийского дивизиона особой мощности майора Александра Тончинского и 13-го артиллерийского дивизиона особой мощности майора Хусейна Кумуза. Всего этот полк имел на вооружении 27 220-мм чешских мортир «Шкода» и предназначался для разрушения немецких пограничных укрепрайонов. Его история началась в 1925 г., когда Германия начала модернизацию старых и строительство новых укреплений в приграничной полосе. Сначала

220-миллиметровая мортира на огневой позиции

поляки решили закупить вообще 40 (СОРОК!) 220-мм мортир, но затем заказ (ввиду немыслимой стоимости этих монстров, каждый из которых обходился польской казне в 700 000 злотых – для сравнения, чешская 100-мм легкая гаубица стоила 147 620 злотых) уменьшился до 27 орудий, из которых и был сформирован Первый полк артиллерии особой мощности.

Мало того, в сентябре 1936 г. польское командование, получив донесение о том, что новые немецкие укрепления способны выдержать удар 220-мм снаряда, приняло решение о заказе на «Шкоде» 12 310-мм (главный калибр линкоров!) мортир – чтобы уж наверняка быть уверенным в том, что наступление польской армии на Берлин не споткнется о доты Мезеритского укрепрайона. Впрочем, две полученные накануне 310-мм мортиры так и не были освоены польскими расчетами и никакого значения в Сентябрьской войне не сыграли – равно как и орудия Первого полка особой мощности. Если первый дивизион этого полка и успел немного пострелять по врагу – 22 и 23 сентября 1939 г. (впрочем, без особого успеха, его 128-килограммовые снаряды глубоко врывались в землю и, взрываясь, выкапывали неслабые котлованы – вместо того, чтобы уничтожать врага) оказав на противника, главным

образом, психологическое воздействие, а затем уничтожил свои мортиры – то второй и третий дивизионы без толку передвигались с места на место и, не сделав по врагу ни единого выстрела, закончили свою войну. 12-й дивизион 25 сентября к югу от Долгобычова был окружен советскими войсками и, уничтожив свою материальную часть, отправился в плен. 13-й же дивизион 19 сентября в районе Калуша внезапно был атакован советскими войсками, расчеты не предприняли ничего для того, чтобы вывести из строя матчасть, и его мортиры неповрежденными попали в руки Красной Армии.

***

Пехотные дивизии Войска Польского, конечно, серьезно уступали по огневой мощи дивизиям немецким, но уж совсем безоружными поляки отнюдь не были. На 16 492 военнослужащих (15 977 нижних чинов и 515 офицеров) в польской пехотной дивизии было по три 155-мм гаубицы и 105-мм пушки, 12 100-мм гаубиц, 30 75-мм пушек, 27 37-мм противотанковых и 4 40-мм зенитные пушки, 66 противотанковых ружей, 42 81-мм миномета и 81 46-мм ротный гранатомет, 326 ручных и 132 станковых пулемета. У немцев на 16 859 человек личного состава было 495 ручных и 118 станковых пулеметов, 54 81-мм батальонных миномета, 84 50-мм миномета, 75 37-мм противотанковых пушек, 20 75-мм легких пехотных орудий, 36 105-мм и 12 155-мм гаубиц. У немцев, правда, было 767 пистолетов-пулеметов (каковых у поляков не было вовсе); кроме того, немцы изрядно превосходили поляков по подвижности (в немецкой дивизии было 530 мотоциклов и 930 автомобилей, кроме того, 5 375 лошадей – у поляков лошадей было немного больше (6 939), а вот машин – сущий мизер, 76 шт.). Но в целом боевые возможности немецкой пехотной дивизии превосходили подобные же боевые возможности дивизии Войска Польского в 1,6–1,7 раза. Скверно, конечно, но не смертельно; во всяком случае, воевать можно. Если захотеть…

***

Наступательная стратегия Войска Польского – это результат перемноженного на польский гонор и спесь польского же катастрофического отставания от своих экономически более могущественных соседей. Все иные планы войны, кроме наступательных, однозначно приводили Польшу к военному и политическому поражению (что, кстати, и произошло, причем крайне быстро и более чем трагически, в сентябре 1939 г.).

Дислокация польских войск накануне войны также была исключительно неблагоприятной для обороны территории. Немцы нависали над Польшей с севера и юга – из Восточной Пруссии они могли развивать наступление на нижнее течение Нарева и Буга, имея с правого фланга прикрытием полноводную Вислу; и из Нижней Силезии и Словакии могли атаковать польские войска в междуречье Варты и Вислы, а при определенном «нахальстве» – даже вторгнуться в Польшу по правому берегу Вислы с общей дирекцией на Люблин. И эти наступающие немецкие клинья легко и быстро соединяются восточнее Варшавы, где-нибудь у Острува Мазовецкого – отрезая всю польскую армию от Восточной Польши в гигантском котле Познань-Лодзь-Варшава (так, кстати, и произошло).

Что должно в этих условиях предпринять польское командование? Сосредоточить максимальные силы напротив Восточной Пруссии и Силезии.

Вместо этого все польские дивизии и кавалерийские бригады равномерно распределяются между армиями «Познань», «Поможе», «Лодзь», «Модлин» «Карпаты» и «Краков», которые также равномерно располагаются вдоль всей польской границы общей протяженностью 2.800 километров! Резервом является лишь армия «Прусы» из четырех пехотных дивизий (правда, в планах их восемь) и Виленской кавалерийской бригады да оперативные группы «Нарев», «Вышкув», «Пискор».

Такое расположение говорит либо о катастрофическом непрофессионализме польских генералов, либо о планах использования армий «Познань» и «Поможе» (и частично армии «Лодзь») сугубо в наступательных целях.

***

Планы польского Генерального штаба были наступательными на Востоке – интересующихся отсылаю к работе М.И. Мельтюхова «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» (М., 2001. С.193). И очень долго они были таковыми на Западе – пока рейхсвер насчитывал 100 тысяч солдат и офицеров.

Агрессивные планы относительно Советского Союза Вторая Речь Посполитая лелеяла все недолгие годы своего существования.

Так, в датированном декабрем 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно… Главная цель – ослабление и разгром России»

А вот выдержка из состоявшейся 28 декабря 1938 г. беседы советника посольства Германии в Польше Р. Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским:

«Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так

как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего, на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршо-Седлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо, в конце концов, убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов. Выполнению этой задачи он посвятит свою деятельность в течение будущих лет в Тегеране»,

Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком, состоявшейся 26 января 1939 г. в Варшаве:

«Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

Но наступать поляки грозятся не только на Восток. На Западе у них тоже «наполеоновские планы».

18 августа 1939 г. все тот же польский посол в Париже Лукасевич в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне отважно заявил, что *«Не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» «...Одетые в сталь и броню, ведомые Рыдзом-Смиглы, мы маршем пойдем на Рейн...»,* – распевали в Варшаве.

Панство не ограничивалось пышными фразами. И к маршу и на Восток, и на Запад готовилось достаточно основательно. 4 марта 1939 г. польское командование после длительных экономических, политических и оперативных исследований закончило разработку плана войны против СССР.

В протоколе совещания у начальника главного штаба Войска Польского № 94 от 4 марта 1939 г. говорится:

«Приступаем к разработке «Запад» («Захуд»). Эта работа может и должна продвигаться быстрее, чем предыдущая, так как принципы и методы испытаны во время разработки плана «Восток».

***

Уже 21 марта, сразу же после переговоров Риббентропа с Липским, был издан ряд приказов о мобилизации, которые были выполнены в течение ближайших дней. Так, армейские инспектора взяли на себя командование своими армиями и направились в места их дислокации. Армейские штабы укомплектованы почти по полным штатам военного времени. Инспектор противовоздушной обороны государства генерал Ян Заяц был назначен командующим военно-воздушными силами и противовоздушной обороной. Все расположенные вблизи границы гарнизоны были усилены благодаря призыву на учения военнослужащих запаса. Частично была введена в действие предусмотренная на случай войны сеть обеспечения связи между главнокомандованием и командующими армиями, военно-морским флотом и корпусными округами.

22 марта 1939 г. в Польше было объявлено о начале первой частичной и скрытой мобилизации (четырех пехотных дивизий и кавалерийской бригады) с целью обеспечения прикрытия мобилизации и сосредоточения главных сил польской армии. 22 марта – это, между прочим, для тех, кто считает Польшу абсолютно неготовой к сентябрьской катастрофе – за двенадцать дней до того, как Гитлер подпишет план «Вайс»!

В связи со слухами о выходе немецкого флота к Данцигу (эскадра немецких военных судов прошла мимо по пути в Клайпеду) военно-морскому флоту был отдан приказ об осуществлении постоянного наблюдения, о занятии исходного положения для боевых действий и усилении гарнизона на Вестерплятте. Пограничная охрана была подчинена особым армейским штабам, которым были выделены соответствующие карты, боеприпасы и материалы для сооружения препятствий и укреплений. 22 марта армии «Краков» было придано несколько батальонов пограничной охраны, чтобы закрыть пути, ведущие через Карпаты; усилены были и кавалерийские части армии «Лодзь».

В общем, в результате частичной мобилизации к 31 марта 1939 г. численность польских вооруженных сил была доведена примерно до 350 тыс. человек.

Начальник генштаба сухопутных войск Германии Гальдер 15 августа сделал в своем дневнике запись: *«Последние данные о Польше: мобилизация в Польше будет закончена 27 августа. Следовательно, мы отстанем от поляков с окончанием мобилизации. Чтобы закончить мобилизацию к тому же сроку, мы должны начать ее 21 августа. Тогда 27 августа наши дивизии 3-й и 4-й линий также будут готовы».*

***

Вопреки распространенным байкам о вопиющей польской «неготовности к войне», мы беспристрастно рассмотрели этот вопрос и пришли к выводу, что к войне Польша очень даже готовилась.

К НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ...

Читатель нам вправе не поверить. Ведь мегатонны литературы о Второй мировой пишут совсем о другом!

Правильно. Потому что эта литература ПОБЕДИТЕЛЕЙ. Они вольны создавать ту картинку предвоенного мира, которая в наиболее выгодном свете представит, с одной стороны, их попытки предотвратить войну и, с другой стороны, тевтонское железобетонное упрямство в желании ее развязать.

А давайте глянем на сроки развертывания польских и немецких армий! Ведь, если избавиться от всей словесной шелухи, которая сопровождает эту дату – 1 сентября 1939 г. – то единственным достоверным признаком подготовки к развязыванию войны является один.

А именно – кто первый развернул свои войска, тот на самом деле и готовился к первому удару. Военные со мной

согласятся, штатских попросим поверить автору на слово. И именно исходя из этого признака, мы и рассмотрим карту Центрально-европейского ТВД.

Итак, развертывание польских армий.

Армия «Краков» (6-я, 7-я пехотные дивизии, 11-я Карпатская пехотная дивизия, 21-я и 22-я горнопехотные дивизии, 23-я Силезская горнопехотная дивизия, 45-я и 55-я резервные пехотные дивизии, 1-я горнопехотная бригада, Силезская, Тешинская, Добровская, Подгалянская бригады национальной (территориальной) обороны, 10-я бронекавалерийская и Краковская кавалерийская бригады) – развернута 23 МАРТА 1939 г.

Армия «Лодзь» (2-я пехотная дивизия легионеров (польская «гвардия»), 10-я, 18-я, 30-я пехотные дивизии, Волынская и Кресовая кавалерийские бригады, Серадзская бригада национальной обороны) – сформирована 23 МАРТА 1939 г.

Армия «Модлин» (8-я и 20-я пехотные дивизии, Мазовецкая и Новогрудская кавалерийские бригады, Варшавская бригада национальной обороны) – развернута 23 МАРТА 1939 г.

Армия «Поможе» (4-я, 5-я, 9-я, 15-я, 27-я пехотные дивизии, 16-я Поморская пехотная дивизия, Поморская кавалерийская бригада, Поморская и Хелмнинская бригады национальной обороны) – сформирована 23 МАРТА 1939 г.

Армия «Познань» (14-я, 17-я, 25-я, 26-я пехотные дивизии, Великопольская и Подольская кавалерийские бригады, Калишская и Познаньская бригады национальной обороны) – сформирована 23 МАРТА 1939 г.

Оперативная группа «Нарев» (18-я и 33-я резервная пехотные дивизии, Подлясская и Сувалкская кавалерийские бригады) – сформирована 23 МАРТА 1939 г.

Когда полякам стало ясно, что немцы могут атаковать их со стороны Словакии, в июле были сформированы еще две

армии. Армия «Прусы», долженствующая выполнять функции общего резерва, была развернута 1 июля 1939 г. (3-я, 12-я, 13-я. 19-я, 29-я пехотные, 36-я, 39-я, 44-я резервные пехотные дивизии и Виленская кавалерийская бригада), армия «Карпаты» (24-я пехотная, 38-я резервная пехотная дивизии, 2-я и 3-я горнопехотные бригады, Карпатская, Львовская и Закарпатская бригады национальной обороны) была сформирована 11 июля 1939 г.

С первыми выстрелами войны польским командованием была сформирована оперативная группа «Вышкув» (1-я дивизия легионеров имени Пилсудского, 35-я и 41-я резервные пехотные дивизии).

Итак, подавляющее большинство польских армий сформировано задолго до начала польско-немецкого кризиса – ровно за неделю до получения от Англии «гарантий» и за одиннадцать дней до подписания Гитлером плана «Вайс», то есть:

НЕМЦЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО НАЧНУТ ВОЙНУ –

А ПОЛЬША УЖЕ НАЧАЛА К НЕЙ ГОТОВИТЬСЯ!

Тогда же, 22–23 марта 1939 г., началась мобилизация первых четырех резервных пехотных дивизий и развертывание по штату военного времени одной кавалерийской бригады. 13–18 августа была объявлена мобилизация еще 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. Перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, начались 26 августа, когда был получен приказ о выдвижении отмобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения. Приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения был отдан 30 августа. В целом, польская армия подготовилась к предстоящей войне достаточно (в меру своих сил, конечно) хорошо.

Странно для страны, которая явилась жертвой внезапного неспровоцированного вторжения, не правда ли?

Еще более странно то, что немцы начали развертывание своих армий значительно позже поляков! Вот это странно так странно – жертва неспровоцированной агрессии начинает готовиться к этой агрессии ЗАДОЛГО ДО АГРЕССОРА…

Не может такого быть?

Еще и как может!

Извольте – сроки развертывания немецких армий, предназначенных для «решения польского вопроса».

25 марта Гитлер поставил в известность о своем решении начать войну с Польшей главнокомандующего сухопутными войсками Вальтера фон Браухича. 3 апреля была издана директива об операции «Вайс» – о готовности вермахта к нападению на Польшу к 1 сентября 1939 года.

Командованиям родами войск предлагалось представить свои соображения к 1 мая.

Браухич сделал это уже 26–27 апреля.

16 мая было отдано соответствующее распоряжение по военно-морскому флоту.

23 мая Гитлер подтвердил свое решение на совещании генералитета.

15 июня была утверждена директива о стратегическом развертывании сухопутных войск.

22 июня Гитлеру представили ориентировочный календарный план.

22 июня 1939 г. Гитлеру *только предоставили ориентировочный календарный план будущего развертывания войск для войны с Польшей* – которая в предвидении этой войны уже за три месяца до этой даты начала развертывание на своей границе армий для защиты от грядущей агрессии. Гениальное предвидение? Или что-то иное?

***

31 марта англичане предоставляют Польше «гарантии» – и только 11 апреля Гитлер утверждает «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», в которой, в частности, был изложен общий замысел операции против Польши:

> «Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений..., чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее.
>
> **1.ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ**
>
> Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша изменит свою политику применительно к Германии, базировавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши, и займет позицию, создающую угрозу империи, то, несмотря на существующий договор, может оказаться необходимым решить проблему Польши окончательно.
>
> Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны. Свободное государство Данциг будет объявлено частью германской империи не позднее, чем в момент начала конфликта.
>
> Политическое руководство считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, т.е. ограничить войну исключительно польской территорией.
>
> Ввиду приближающегося к кризисной точке развития событий во Франции и обусловленной этим сдержанности Англии обстановка, благоприятствующая решению польского вопроса, может возникнуть в недалеком будущем.
>
> Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять, поскольку это означало бы ее уничтожение большевизмом.
>
> Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государств до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи.

Германия может рассчитывать, что в качестве ее союзника выступит Венгрия, однако этот вопрос окончательно еще не решен. Позиция Италии определяется осью Берлин–Рим.

2. ВЫВОДЫ ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА

Главное направление дальнейшего строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция «Вайс» составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне, но отнюдь не должна рассматриваться как причина для вооруженного столкновения с западными противниками.

В период после начала войны изоляция Польши сохранится тем вернее, чем в большей мере нам удастся открыть военные действия внезапными мощными ударами и добиться быстрых успехов.

Но общая обстановка в любом случае потребует принять меры к обороне западной границы и побережья Северного моря в пределах империи, а также прикрыть воздушное пространство над этими районами. Вдоль границ с лимитрофными государствами, особенно с Литвой, необходимо выставить оборонительный заслон на случай прохода через них польских войск.

Соответственно, задача вооруженных сил состоит в уничтожении польской армии. С этой целью необходимо стремиться к внезапному началу наступательных действий и заранее готовить эти действия. Скрытная или явная всеобщая мобилизация будет назначена лишь в канун наступления, в самый последний момент.

С целью уничтожения польской сухопутной армии южное крыло германских войск «может пройти через Словакию. Северному крылу быстро обеспечить соединение территории Померании с территорией Восточной Пруссии.

Подготовку к началу боевых действий осуществлять с таким расчетом, чтобы можно было выступить немедленно после получения приказа, используя на первом этапе операции расположенные вблизи границы части и не ожидая планомерного развертывания мобилизованных сил. Может оказаться необходимым занять передовыми частями исходное положение накануне дня наступления. Право решения этого вопроса я оставляю за собой».

***

Для осуществления плана «Вайс» немцы наметили выделить 40 пехотных, 4 легкопехотные, 3 горнопехотные, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду.

В мае 1939 г. были приведены в боевую готовность шесть армейских управлений, 11 управлений армейских корпусов и 24 дивизии. Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. Предмобилизационные мероприятия начались в Восточной Пруссии с июля, а по всей территории Германии – с 18 августа 1939 г.

Таким образом, захватывающие байки о внезапном и вероломном нападении Германии на Польшу есть лишь байки и не более того. Поляки так же деятельно готовились к грядущей войне – а, принимая во внимание их значительно более раннее начало развертывания войск – как и их противник; так что нужно еще очень и очень пристально посмотреть, какой предстоящая война должна была бы стать в представлении маршала Рыдз-Смиглого и тех кукловодов, что умело дергали за нужные польские веревочки…

Имели бы шансы на успех поляки в случае их первого хода в предстоящей германо-польской войне?

Неизвестно. Но известно, что, вступив в оборонительную войну, поляки немедленно потерпели катастрофическое поражение, и их офицерский корпус, бросив еще сражающихся солдат, бежал, «как последняя каналья и трус».

Но этого в польском Генштабе попросту еще не знали. Они все еще надеялись, что немцы не успели за эти шесть лет всерьез увеличить свою армию и кардинально ее переоснастить. Они все еще мыслили категориями Версаля. Они все еще надеялись,

что разоружение Германии по Версальскому миру не позволит Гитлеру мгновенно создать мощную армию. Между тем новорожденный вермахт уже был далеко не рейхсвером генерала фон Секта!

***

Бронетанковые части польской армии к августу 1939 г. насчитывали около 570 боеготовых танкеток (ТК-3 и TKS), вооруженных пулеметами, 110 исправных легких танка 7TP («семитонный польский», аналог нашего Т-26, 37-мм орудие и 7,92-мм пулемет, дизельный двигатель). Кроме собственно польских изделий, в строю бронетанковых батальонов и рот числилось также полсотни французских легких танков Рено Р-35 и 77 французских же, но к 1939 г. достаточно устаревших, Рено FT-17 (37-мм пушка и 7,92-мм пулемет), 32 из них числились в составе бронепоездов, 45 – в составе 11-й, 112-й и 113-й танковых рот; также в строю польских бронетанковых сил числились 34 английских «Виккерса 6-тонных» и 3 «Гочкиса» Н-35. Всего – около 850 исправных бронеединиц, сведенных в 11 батальонов в составе кавалерийских бригад, 3 отдельных танковых батальона, 2 батальона в составе мотобронебригад, 15 отдельных рот, приданных пехотным дивизиям. Ни танковых полков, ни уж, тем паче, танковых дивизий (не говоря уж о моторизованных корпусах) в составе Войска Польского нет. То есть назначение бронетанковых подразделений польской армии – сугубо тактическое: поддержка пехоты и кавалерии на поле боя.

Польские танки Рено Р-35 на улицах Львова

Впрочем, ни для чего более серьезного польская бронетанковая «армада» и не годилась.

А у вермахта к августу 1939 г. в строю – почти три тысячи танков!

И практически все они будут задействованы по плану «Вайс».

Из общего числа немецких танков средних Pz-IV (впрочем, по тогдашней немецкой классификации они были «тяжелыми» – из-за 75-мм короткоствольного орудия) было 211 машин, средних Pz-III – чуть более сотни. Легких же Pz-II в строю числилось более 1 200, чешских 35t (которые немцы относили к «средним» из-за наличия 37-мм пушки) – 219, остальные – это малоценные пулеметные Pz-I. Кроме того, танковый батальон 3-й легкой дивизии (моторизованной) был вооружен новейшими чешскими танками 38t.

В танках немцы превосходили поляков более чем вчетверо количественно и раз в двадцать качественно.

***

О военной авиации вообще можно речи не вести. Здесь превосходство люфтваффе было подавляющим!

Польские ВВС насчитывали около 460 относительно современных боевых самолетов. Из которых истребителей Р-24 (подкосный моноплан с максимальной скоростью 430 км/ч, вооруженный двумя 20-мм пушками и двумя 7,92-мм пулеметами с дальностью полета в 700 км), способных хоть как-то противостоять люфтваффе – едва два десятка штук. Двухмоторных средних бомбардировщиков Р-37 «Лось» (скорость – 445 км/ч, 2580 кг бомб и три 7,92-мм пулемета, дальность полета 1500 км) в составе действующих ВВС значилось всего 36 единиц (хотя к 31 августа 1939 г. в состоянии, близком к готовности, имелось более 90 машин этого типа).

Истребитель Р-11

«Истребителями» числились также 165 Р-11 (со скоростью едва 350 км/ч) и три десятка Р-7 (и еще более 115 шт. подобных аэропланов «учили летать» польских курсантов).

Неплохими (для польских ВВС, конечно) были 120 легких бомбардировщиков (некоторые источники относят их к штурмовикам или к «самолетам поля боя») Р-23 «Карась».

Вот, пожалуй, и все, еще более 500 самолетов польских ВВС были связными, санитарными, учебными машинами и в число боевых единиц не входили.

А у немцев?

А у люфтваффе на вооружении – 1235 бомбардировщиков, 340 пикирующих бомбардировщиков (всемирно известных в дальнейшем Ю-87) и 790 истребителей. Надо ли говорить, что немецкие самолеты превосходили польские практически по всем характеристикам?

***

Вермахт в 1939 г. – это 39 пехотных, 3 горнострелковых, 5 танковых, 4 легких (моторизованных) и 1 кавалерийская дивизий – который (при начале мобилизации) легко и непринужденно УДВАИВАЕТ свою численность; правда, у немцев

есть необходимость в создании Западного фронта, который к 1 августа 1939 г. потребовал более 35 пехотных дивизий – но все танковые и моторизованные соединения немцам удалось использовать на Востоке. То есть, почти не превосходя поляков в пехоте, немцы были многократно сильнее их в танках, авиации, общей моторизации войск, насыщении пехоты артиллерией поля боя, оснащении войск системами связи – в общем, всем тем, что служит делу одержания победы.

Относительно наступательных планов Польши – американский журналист Ширер, изучавший реалии польской жизни в течение 30 лет, прокомментировал это так: *«Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно».*

Но существовали в Европе силы, которым этот разудалый польский гонор, эта шляхетская спесь, это вельможное шапкозакидательство было очень даже на руку.

Этими силами были английские (впрочем, английскими они были лишь территориально) финансовые круги.

Отступление автора

Шестьдесят лет прошло уже с того дня, как замолчали пушки Второй мировой. В Потсдаме и на борту линкора «Миссури» бывшие агрессоры повинились перед всем миром, признали свою неправоту и согласились с тем, что отныне их судьба – в руках победителей.

Победители, правда, тут же начали войну между собой – к счастью, для населения Земли, холодную. Конечно, на периферийных фронтах великие державы позволяли своим вассалам померяться силами с противником и даже отправляли на эти затерянные в джунглях или горах театры военных действий

небольшие контингенты своих войск – но все равно, войну, подобную Второй мировой, позволить себе начать не могли. Слишком очевиден был финал подобного вселенского военного противостояния – причем и для победителя, и для аутсайдера.

Посему история Второй мировой войны остается для сегодняшних жителей Евразии (и в меньшей степени для всей остальной Ойкумены) источником бесчисленных военных мифов, прекрасных легенд о боях и походах, красивых сказок и жутких кровавых ужасов. Эта история полна примерами самоотверженности и героизма, на которых командиры учебных батальонов все еще учат своих новобранцев сражаться за Родину; также она полна самыми чудовищными преступлениями и образами самых кошмарных и ужасных негодяев и преступников, которыми матери по обе стороны Атлантики продолжают пугать своих детей.

За шестьдесят лет изучения истории Второй мировой вой-ны историки уже должны были, кажется, прийти к единому мнению – кто, зачем и почему ее начал, во имя чего вел каждый ее фигурант и кто получил максимальные прибыли и извлек наибольшие барыши по ее окончании.

Должны – но не пришли.

Потому что Вторая мировая война не закончилась.

На территории Германии и Японии все еще находятся иностранные оккупационные войска – главным образом, американские. Эти государства, потерпевшие поражение в 1945 г., все еще являются поднадзорными территориями США – что свидетельствует о том, что, несмотря на навязанные этим побежденным странам мирные договоры, они все еще остаются ограниченными в своем суверенитете.

До 1991 г. американские военные базы в Германии и Японии в качестве оправдания своему существованию имели в руках неубиваемый козырь – Советскую Армию.

Теперь, когда бывшую Советскую Армию загнали за Смоленск в Европе и к пирсам Владивостока в Азии – этого оправдания больше нет. Тем не менее американские войска не уходят ни с Окинавы, ни из Баварии.

Оккупационные войска могут оставаться на территории бывшего противника до какого-то оговоренного момента. Прусские полки стояли во Франции после ее разгрома 1871 г. для того, чтобы французы не соскочили с выплаты контрибуции – гигантской контрибуции в пять миллиардов золотых франков. Наличие прусских войск на территории Французской республики служило дополнительным стимулом к скорейшему расчету с «проклятыми бошами». Французы рассчитались – немцы ушли. Замечу, Бисмарк был вправе требовать контрибуцию – Франция ПЕРВОЙ объявила войну Пруссии.

Британская Рейнская армия не имеет никаких прав стоять на территории Германии – Великобритания ПЕРВОЙ объявила войну Германии, следовательно, ни на какие послевоенные оплаты убытков от военных действий де-юре права не имеет. Тем не менее – ее войска все еще находятся на территории Германии и будут там находиться, по меньшей мере, еще лет десять. Не говоря уж об американских военных базах, которые, похоже, обосновались в Германии навечно.

О чем это говорит?

О том, что западные «союзники» все еще продолжают находиться де-факто в состоянии войны с Германией. И держат свои гарнизоны на ее территории для того, чтобы обеспечить собственные интересы в этой стране – то есть до сих пор не признают Германию полноценным суверенным государством немецкого народа и отказывают ей в праве на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Делают это, надо сказать, весьма тонко, почти незаметно, всячески подчеркивая дружественный характер оккупации, союзнические отношения между армией США и бундесвером (с силами самообороны Японии)

и прочими сладкими пилюлями оттеняя горечь того факта, что на территории якобы суверенных государств Германии и Японии все еще находятся чужие солдаты.

Вторая мировая война не закончилась – и не закончится до тех пор, пока последний американский военный не вернется домой с Окинавы и из Баварских Альп.

И возникает закономерный вопрос.

Почему США спустя шестьдесят лет после разгрома нацистской Германии все еще держат на ее территории свои войска?

Ладно, до 1991 г. они играли роль союзников в гипотетическом конфликте с СССР. СССР нет – американские войска все еще на месте. Что же они там так старательно стерегут? Тем более – денег это стоит изрядных, американским солдатам идет даже надбавка за службу вне пределов США. Зачем эти немыслимые расходы?

Затем, чтобы не дать этим сомнительным немцам вновь попытаться жить своим умом.

После Второй мировой войны Германия была столько раз обвинена в ее разжигании, в военных преступлениях, в преступлениях против человечности и прочих страхах и ужасах, что немцам еще лет пятьсот нужно будет ежедневно каяться и посыпать голову пеплом. И то будет мало.

Немцев так старательно убеждали в их безусловной, абсолютной, стопроцентной вине за развязывание этого гигантского военного конфликта, что не осталось, кажется, ни одного не то что взрослого немца, но даже немецкого ребенка в колыбели, который бы в этот тезис полностью не уверовал.

Немцы повинны в развязывании Второй мировой войны?

Гитлер – чудовище, кровавый маньяк, патологический убийца и преступник?

Германия – главный и единственный виновник гибели пятидесяти миллионов человек?

А ТАК ЛИ ЭТО НА САМОМ ДЕЛЕ?

А может, все было и не совсем так, как принято было считать все послевоенные годы? Может быть, есть какая-то другая, не столь каноническая, правда? Которую нам почему-то не велено знать?

Есть в Англии один беглый капитанишка, пишущий под кличкой «Виктор Суворов», который первым усомнился в справедливости тезисов о безусловной ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны. За что ему, безусловно, честь и хвала. Оный перебежчик задался вопросом – а так ли уж виновата Германия? – и, молодчага, тут же нашел искомый ответ.

Нет, Германия целиком и полностью во Второй мировой войне не виновата! – таков был сногсшибательный вывод нашего несостоявшегося каторжника.

Красавец! Герой! Ниспровергатель святынь! За что его люблю – так за эту его бескомпромиссность, за солдатскую прямоту, за искренность и честность. Молодец! Истый правдоискатель, настоящий русский интеллигент! Для которого никакие авторитеты не имеют значения, когда речь идет о поиске истины!

Дальше, правда, у истого правдоискателя как-то не сложилось. Германию-то он отмазал, базару нет – но почему-то в главные виновники Второй мировой войны тут же назначил свою некогда обожаемую Родину, коей в свое время присягал в верности. Чего тут было больше – Эдипова комплекса или комплекса неполноценности, столь характерного для истинного русского интеллигента и либерала – неизвестно, но факт остается фактом. Мистер Резун (он же – «Виктор Суворов») во всех грехах Второй мировой войны обвинил СССР.

Дальше он много всего пишет, пишет хорошо и понятным языком, доказывает этот свой тезис, миллион фактов и сто тысяч цитат приводит в доказательство этой своей версии – но дела это не меняет.

Славный беглый каторжник, мягко говоря, несколько ошибся. Понесло его, болезного, малость не в ту степь. Не там он начал искать виноватых, не на тех азимутах.

Конечно, картинка лета тридцать второго года на сталинской даче впечатляет. Сидит, значит, будущий великий вождь и учитель, думу думает. А дума эта непростая – как бы это вселенскую пакость буржуям умыслить, как бы это побольнее их укусить? Да так, чтобы не просто у них бока зачесались, у собачьих детей – нет, куснуть так, чтобы все их буржуинские правительства рухнули в одночасье, а свободные народы тут же на их могилах водрузили бы алое знамя труда! Как же подобный экзерсис учинить?

А назначу-ка я германским канцлером Адика Алоизовича! – подумал Иосиф Виссарионович. Парень, думает, решительный, энергичный, социалист отъявленный – а то, что национал-социалист – так это даже еще и лучше! Даст жизни всем прочим инородцам, коих в Европу со времен падения Римской империи что-то уж больно много понаехало.

И назначил!

Картинка сильная, слов нет. И получилась она у нашего перебежчика хорошо, ярко.

Да вот закавыка. Есть серьезное подозрение, что своими книжонками оный беглый большевистский шпион пытается всю бывшую советскую общественность со следа сбить. Дать ей неверные ориентиры, по-умному говоря. Истинного виновника мировой бойни спрятать, фальшивого – на всеобщее обозрение и осмеяние выставить. Туману, одним словом, напустить.

Потому как не клеится у нашего писарчука вся его писанина в единую истинную картину истории. Прорехи зияют там и тут, недомолвки, нестыковки, передергивания. Кои наш великий историк, как водится, замазывает густым слоем вранья и домыслов (кои он именует не без изящества «предположениями» и «версиями»).

Для чего ж наш болезный, сказав «а», тут же не сказал «б»? Ведь знает, сукин сын, где здесь собака порылась, знает – да молчит! В заблуждение нас всех вводит, врет, изворачивается. На Сталина собак вешает – коих товарищу Сталину и без оного беглого штирлица нашего хватает на его шинелишке.

А врет наш деятель вот почему.

Квартирует наш друг сердечный в Англии. На туманном Альбионе обретается. Коттеджик у него там, стол и дом, как говорится. Работенка немудреная – аглицких кадетов ненависти к России обучать; семья, коты и собаки. Одним словом – родовое гнездо.

И не может наш писатель великий истинную правду о той войне написать – потому как турнут его из Великобританского королевства за ту истинную правду в одночасье. Лишат довольствия, а то и в заснеженную Россию фельдъегерской почтой отправят. Чтобы русские главные штирлицы со своим незадачливым шпионом беглым быстро разобрались, учинили ему суд скорый и праведный и в дальние сибирские лагеря прямым ходом отправили. Трудом на лесосеке измену Родине искупать.

И посему мистер Резун подлинную правду о зачинщиках, об истинных виновниках Второй мировой войны не пишет. Боится.

Что ж, напишем мы за него.

ГЛАВА VI
Английский пасьянс

***

Наступательные планы польского Генерального штаба, равно как и планомерная и целенаправленная подготовка Польши к агрессивным войнам, не были тайной для ее соседей. Одних воинственные заявления шляхты пугали, других настораживали.

Но была страна, для которой все эти кровожадные польские замыслы были бальзамом на сердце. Было государство, жизненно заинтересованное в разных польских военных проектах – от спуска на воду очередных эсминцев и подводных лодок до создания Сандомирского военно-промышленного центра (на каковой даже были выделены этой страной немаленькие средства).

Так вот – воинственность второй Речи Посполитой с удовлетворением воспринималась по другую сторону Ла-Манша, в городе Лондоне, столице Великобритании. Там ее всячески приветствовали, поощряли, всемерно старались поддержать – на то у английской правящей элиты был свой весьма серьезный интерес, свои весьма важные причины.

Агрессивность Польши нужна была английскому капиталу для того, чтобы иметь в руках решающие политические козыри в экономическом противостоянии с нацистской Германией. Каковое Англия потихоньку начинала проигрывать.

***

Германия к 1939 г. устойчиво выходила на второе место в мировой экономике. Ее промышленное производство составляло к этому времени 20,8 % общемирового – как у Великобритании! С 1929 года, когда Германия производила всего лишь 7 % промышленных товаров мира – трехкратный рост! И делала это Германия самостоятельно, без всяких иностранных займов, кредитов, инвестиций и прочих подобных экономических удавок.

И ведь, что интересно, разрушительные последствия мирового кризиса 1929–1932 гг. для экономики Германии были не просто тяжелыми – они были катастрофическими. Промышленное производство сократилось почти наполовину, сельскохозяйственное – на 31 %. Доля Германии в мировом промышленном производстве снизилась с 14,6 % в 1928 г. до 8,9 % в 1932 г. Экспорт Германии сократился на 58 %. Лишь треть немецких рабочих имела полную рабочую неделю. В разгар кризиса немецкая промышленность была загружена только на 35,7 %. Средненедельная заработная плата немецких рабочих в 1932 г. была на 47 % меньше, чем в 1929 г. Германия превращалась в страну нищеты, безработицы, хронического недоедания, безысходности и отчаяния для миллионов людей.

И вдруг – случилось чудо! Национал-социалисты, придя к власти, из разоренной и нищей страны сделали Германию процветающей, мощной державой – просто отбросив в сторону Мировой Капитал, лишив его возможности влияния на хозяйственные процессы внутри Германии.

Была расширена добыча железной руды, а также ее импорт из Швеции, Норвегии, Бельгии, Люксембурга, Франции и их колоний. Если импорт железной руды в 1929 г. составлял 15,8 млн т, то в 1939 г. – 22,1 млн т. Это позволило Германии выплавить в 1938 г. 23,3 млн т стали и выйти по этому

показателю на первое место в Европе. Кроме того, за границей закупали никель, олово, вольфрам, молибден, хром, платину, бокситы, почти отсутствовавшие в Германии. Ввоз бокситов за 1933–1938 гг. увеличился в 5 раз, и в 1939 г. выплавка алюминия в Германии достигла 30 % его мирового производства, что выдвинуло Германию по этому показателю на первое место.

Более того, одновременно с ростом промышленного и сельскохозяйственного производства Германия посмела изгнать из своего народного хозяйства еврейский международный капитал, лишая евреев права получать доход с экономической деятельности всей Центральной Европы. Что, с точки зрения мировой финансовой олигархии, к этому времени устойчиво обосновавшейся в лондонском Сити, было страшным преступлением и должно было быть в ближайшее же время остановлено. И следовало незамедлительно найти для этого действенный и надежный способ, необходимо было найти удавку на эту слишком уж быстро подымающуюся Германию. А самой лучшей удавкой для национал-социалистической Германии была бы ВОЙНА – ибо экономика нацистского государства могла успешно и динамично развиваться лишь в условиях мирного времени. Почему?

А потому: в целом по Версальскому договору в результате передачи территорий (Франции, Бельгии, Польше, Дании) и плебисцитов Германия потеряла около 73 тыс. км^2, или 13,5 %, прежней территории, на которой проживало 6,5 млн человек, или 10 % населения. На утраченные земли приходилось 75 % (три четверти!) добычи железной руды и цинка, 20 % добычи угля, 20 % выплавки чугуна.

Германия не имела нефтяных скважин на своей территории – уже только поэтому никакая более-менее серьезная война ею планироваться не могла и в самых отчаянных мечтаньях. В условиях МИРНОГО времени по торговым и клиринговым договорам Германия могла рассчитывать на нефть Румынии, СССР, Голландской Вест-Индии, Венесуэлы и Ирана – в случае

начала военного конфликта этот нефтяной поток мгновенно мог сократиться до тоненькой струйки.

Германия испытывала жуткий «голод» на марганец, никель, олово, вольфрам, молибден, каучук; она вынуждена была добывать железную руду с таким бедным содержанием железа, что все иностранные геологи хватались за головы – в их странах ТАКАЯ руда и рудой-то не считалась...

Таким образом, имея более чем радужные перспективы для своей экономики в МИРНОЕ ВРЕМЯ, с первыми же выстрелами серьезной войны Германия не только теряла эти перспективы – само ее существование как экономически самостоятельного государства ставилось под вопрос; мало того, в случае развертывания настоящей БОЛЬШОЙ войны будущее для немецкого народа становилось весьма и весьма мрачным и неопределенным.

Именно по ресурсной составляющей своей экономики Германия не то что в поджигатели войны никак не вписывается – ей и роль обороняющейся стороны в случае серьезного военного конфликта не потянуть. Просто потому, что нельзя начинать войну, рассчитывая на шесть миллионов тонн румынской нефти против совокупной добычи двенадцати миллионов тонн иранской (иранской де-факто; де-юре – британской), пятнадцати миллионов тонн голландской (примерно та же песня), тридцати двух миллионов тонн венесуэльской (половина из которой – добыча британских компаний), пяти миллионов тонн иракской (до последней капли – английской), тридцати четырех миллионов тонн советской нефти. А главное – против двухсот миллионов тонн американской нефти.

Всякие забавные версии подлинных причин начала Второй мировой войны вроде резуновской мы в этой книге рассматривать не станем. Просто потому, что имеем свой собственный взгляд на эту проблему.

***

Советский Союз, кстати, из числа «поджигателей войны» мы также смело можем исключить. Опять же потому, что СССР в конце тридцатых годов не то, что на мировую войну с «империалистическими хищниками» не был способен – он себе едва на хлеб зарабатывал. Он слишком много строил, слишком много готовился строить – ему участие в мировой (да что там в мировой? На локальные конфликты силенок не хватало!) войне было не по карману. Несмотря на весь наш предвоенный барабанный бой и фанфары, на пропаганду наших успехов и достижений – в мировой экономике наши показатели на душу населения плелись где-то далеко за Италией и едва превосходили таковые показатели польские. У нас еще три четверти населения в лаптях при керосиновой лампе обреталось – какие уж тут завоевания и мировые войны...

В абсолютном исчислении советский национальный продукт был, в общем-то, неслабым – мы и чугуна в конце тридцатых начали изрядно выплавлять, и стали, и электроэнергии вырабатывать. Но все равно делали всего этого много меньше, чем потенциальный противник.

Кто-то хочет поспорить?

Спорить тут нечего. Мы в 1940 г. выплавили 18,3 млн т стали и 14,9 млн т чугуна – Германия (без протектората Богемии и Моравии и без Верхнесилезского промышленного района) выплавила 23 млн т стали и 24 млн т чугуна. У нас – 170 млн населения, у Германии (с Австрией и протекторатом) – менее 90. То есть мы произвели втрое меньше, чем Германия, стали, и вчетверо меньше чугуна – в расчете на душу населения. Германия могла себе позволить строить легковые автомобили, делать швейные машинки и спускать на воду круизные лайнеры – и у нее еще оставалось изрядно железа на военные нужды. Нам же для того, чтобы просто сравняться с ней в военном производстве,

нужно было до минимального минимума снизить расход металла на гражданские нужды. Вот так вот.

Мы в 1940 г. добыли 165,9 млн т угля – Германия в этот же год добыла его 332 млн т. И все остальные цифры тоже дают примерно такую же картинку.

Успехи и достижения у нас были, вне всяких сомнений. Относительные успехи и достижения; причем относительно уровня царской России 1913 г. Тот уровень мы к 1939 г. во многом, конечно, превзошли. Хотя крупного рогатого скота в 1940 г. у нас было меньше, чем у царской России в военный 1916 г.

Так что тезис Резуна и «резунистов» о том, что товарищу Сталину не терпелось затеять мировую войну, мы отметаем начисто – «за отсутствием состава преступления». Может быть, товарищ Троцкий и затеял бы такую войну во имя мировой революции – но, к счастью, товарища Троцкого Иосифу Виссарионовичу удалось сначала спровадить в далекую Алма-Ату, а там и вообще из пределов Советского Союза выставить. А потом и пришить руками испанского товарища Рамона Меркадера – но это совсем другая история.

Сталин отъявленным троцкистом ни в коем случае не был, и рисковать судьбой вверенной ему страны ради сомнительных призраков мировой революции было отнюдь не в его стиле. Построить империю, вернуть под сень двуглавого... тьфу, тьфу, под сень серпа и молота бежавшие в смутные времена окраины – очень может быть (и даже наверняка), такие планы у товарища Сталина были. Но рисковать ради этого будущим всей страны – это, извините, чистый блеф и перебор.

***

Германии, как и СССР, большая война с напряжением всех наличных сил в это время – нож острый.

Ибо в случае развертывания всемирного военного противостояния все планы своего экономического роста, расширения рынков сбыта, увеличения производства и экспорта немцам придется отложить в самый дальний ящик самого дальнего шкафа.

Конечно, фюрер с трибун и газетных полос вещает о необходимости готовить нацию и страну к войне, спускает на воду броненосцы и демонстративно обнимает летчиков-истребителей легиона «Кондор» – но реальных экономических основ для НАСТОЯЩЕЙ войны у Германии нет. И взяться им неоткуда...

А вот врагам Рейха эта самая война – прямой путь к удушению экономического конкурента, ликвидации угрозы своей политической власти над Европой и миром, уничтожение опасного социального эксперимента. Причем, что характерно, антигерманская деятельность иудейских организаций началась еще задолго до первых «антисемитских» законов Третьего Рейха. Первый митинг с требованием полной изоляции Германии прошел уже 27 марта 1933 г. в Нью-Йорке (Гитлер правил Германией всего три месяца!). На нем Стэфен Уайз, президент Конгресса американских евреев и один из организаторов митинга, провозгласил принцип, и ныне являющийся основой политики «мирового сообщества» – «нации будут считаться хорошими или дурными в зависимости от их отношения к евреям».

Одновременно с этим начался бойкот Германии рядом других стран. Эти провокационные действия вызвали возмущение даже у многих евреев, проживавших в Германии, поскольку было очевидно, что отвечать за безответственные действия своих соплеменников придется именно им. Но что евреям-идеологам жертвы! Особенно, когда их приносят другие (и это хорошо, что они тоже евреи). Под их оплакивание еще и денег могут дать и кое-что еще. Например, территорию земли обетованной, в которую поедут те, кто в списках (но это тоже – совсем другая уже история)...

Все эти экономические бойкоты никак не вели к покаянию нацистов – те продолжали упорно строить СВОЮ Германию. Посему война как продолжение политики мировой закулисы против национал-социалистической Германии становилась неизбежной. Причем продолжением политики отнюдь не германской…

Конечно, если считать Адольфа Алоизовича параноиком и безусловным идиотом, помешанным на юдофобстве и мессианстве – то очень может быть, что в его планы и входило затеять мировую бойню и в конце ее отравиться в подвале своей рейхсканцелярии. Таковым недоумком, кстати, и кровавым маньяком гражданин Гитлер во всех западных фильмах (да и в наших) и фигурирует. Дескать, страстно мечтал бесноватый Адольф учинить вселенское кровопролитье, и как только оперилась слегка Германия – тут же оное и затеял. И помер, болезный, по окончании таковой – как и положено истинному Нибелунгу.

Адольф Гитлер идиотом, кровавым маньяком и убийцей не был.

Гитлер строил СВОЮ Германию.

И, с точки зрения мировой вненациональной финансовой олигархии, его следовало незамедлительно остановить – пока он не поломал все игрушки.

***

А останавливать было что!

Посудите сами.

Только с 1936 по 1939 г. объем общего промышленного производства Третьего Рейха вырос на 37 %, за 1939 г. Германия, как уже указано выше, произвела 24 млн т чугуна (что составило 22 % общемирового производства), 22,3 млн т стали

Рейсхканцлер Адольф Гитлер

(24 %), 333 млн т каменного угля (17 %), а по производству искусственного каучука и металлообрабатывающих станков заняла устойчивое первое место. Экспорт черных металлов Германией превысил подобный американский показатель вчетверо!

И ладно бы немцы добились бы такого роста благосостояния при помощи иностранного «инвестора», этому самому инвестору выделяя львиную долю барышей – так нет! Иностранный (главным образом, еврейский) капитал был самым обидным образом отодвинут от раздела германского пирога!

Немцы в своей работе по созданию Новой Германии руководствовались простыми тезисами:

«Нам известна только одна программа, и эта программа такова: борьбу нужно вести не ради какой-либо идеи, а ради того, чтобы эта идея служила немецкой нации».

«Если народ становится многонациональным, он перестает быть хозяином своей собственной судьбы. Такой народ превращается в игрушку для чужеродных сил».

«Не ненависть к другим народам, а любовь к немецкой нации!»

«Народы становятся склонны к интернационализму, когда в них угасает способность к творчеству».

«Германское государство, построенное на принципах интернационализма, – это рай для евреев».

«Существует... только две возможности: или победа арийцев, или их уничтожение и победа евреев».

«Семья... это самая малая, но и самая ценная составная часть во всей структуре государства».

«Труд делает честь женщине, как и мужчине. Но рождение и воспитание ребенка приносит женщине еще больше – дает ей право называться высоким именем матери».

«Горе, если сегодня в нашем народе угаснет этот идеализм, и если ценность личности человека будет вновь измеряться по количеству жизненных благ, которые он смог для себя урвать. Народ, у которого дела обстоят именно так, и сам недорогого стоит, и благополучие его может оказаться весьма недолговечным!»

«Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта – и, прежде всего, в области культурной жизни народов – в котором не был бы замешан, по крайней мере, один еврей?»

«Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и культуры».

«Парламентский принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем, конечно, аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой».

«Большинство всегда является не только представителем глупости, но и представителем трусости. Соберите вместе сто дураков и вы никак не получите одного умного. Соберите вместе сто трусов и вы никак не получите в результате героического решения».

«Трудно найти достаточно резкие слова, чтобы заклеймить ту нелепость, будто гении рождаются из всеобщих выборов».

«Лишь та государственная власть имеет право на уважение и на поддержку, которая выражает стремления и чувства народа или, по крайней мере, не приносит ему вреда... Когда правительственная власть все те средства, какими она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт... Для трусливых народов нет места на земле».

«Для политического руководителя религиозные учения и учреждения его народа должны всегда оставаться совершенно неприкосновенными».

«Природа предоставляет полную свободу рождаемости, а потом подвергает строжайшему контролю число тех, которые должны остаться жить... Между тем человек поступает наоборот. Он ограничивает число рождений и потом болезненно заботится о том, чтобы любое родившееся существо обязательно осталось жить... А этим самым как раз и кладется начало созданию такого поколения, которое неизбежно будет становиться все более слабым и несчастным – до тех пор, пока мы не откажемся от издевательства над велениями природы».

«Первопричиной к образованию всех человеческих общностей является инстинкт сохранения рода».

«Никогда еще в истории ни одно государство не было создано мирной хозяйственной деятельностью; государства всегда создавались только благодаря инстинкту сохранения вида, независимо от того, определялся ли этот инстинкт героической

добродетелью или хитрым коварством; в первом случае получались арийские государства труда и культуры, во втором случае – еврейские паразитарные колонии».

«Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена».

«Наше государство... объявит ребенка самым ценным достоянием народа... Предосудительным будет считаться не рожать детей, если родители здоровы... Государство позаботится о том, чтобы здоровые женщины рожали детей, не ограничивая себя в этом отношении – под влиянием жалкой экономической обстановки – и чтобы для самих детей детство не становилось проклятием... Наше государство будет заботиться о ребенке еще больше, чем о взрослом».

«Уже с юных лет должны мы воспитывать в нашей молодежи уважение к национализму в сочетании этого последнего с чувством социальной справедливости».

«Я (Адольф Гитлер) не измеряю успешность нашей работы по возникновению новых улиц. Я не измеряю ее по нашим новым фабрикам и новым мостам, которые мы строим, а также по дивизиям, которые мы можем мобилизовать. Напротив, в центре суждения об успешности этой работы стоит немецкий ребенок, стоит немецкая молодежь. Только тогда, когда созданы условия для их роста и развития, я могу быть твердо уверен в том, что мой народ не исчезнет, а значит, и наша работа не окажется напрасной».

***

Эти нахальные немцы даже решили провести тотальную автомобилизацию своего народа – опять же, выбросив из дележа прибылей международные концерны! Автомобиль, позже известный как «Фольксваген Жук», по прайс-листу завода

Первые Фольксвагены

Опель Кадет
стоимостью 2100 рейхсмарок

стоил бы немецкому гражданину в 1939 г. (если бы началось его массовое производство) 990 марок. Немыслимо, оскорбительно дешево! Понятно, что такая цена будущего «Жука» была возможна благодаря исключению из процесса производства доли прибыли, получаемой обычно гешефтмахерами известной национальности – но для этих самых гешефтмахеров это было ну просто запредельно обидно.

26 мая 1938 г. Адольф Гитлер заложил первый камень в фундамент завода «Фольксваген». Немецкий Трудовой Фронт инвестировал в его строительство 300 млн марок – и к июлю 1939 г. завод уже дал первую продукцию! Всего до 1 сентября было построено 630 «жуков», затем завод перешел на производство военной техники.

Продавать эти машины планировалось в кредит, каждый желающий (по плану немецкого руководства) получал бы в свое полное владение «жука» и еженедельно в течение неполных 4 лет платил бы за него 5 марок. При ежемесячной средней зарплате в 400 марок платить из них 20 марок за автомобиль – совсем не обременительно!

Да что там автомобили – немцы к 1943 г. планировали «оснастить» все германские домохозяйства народным телевизором FE-III – ибо телевидение в Третьем Рейхе начало

успешно функционировать с 15 января 1936 г. (до этого 22 марта 1935 г. его уже запускали, но в августе сгорел передатчик звука и изображения). Помешала война – но даже в ходе ее немецкое телевидение работало до 23 ноября 1943 года, до момента его уничтожения союзной авиацией.

***

Германия испытывала столь острую нужду в рабочих руках, что каждый год принимала все новые и новые программы для стимуляции трудовой миграции в Рейх немцев из-за границы – и для всех для них находилась работа! Для пораженного тяжелыми кризисами западного мира это казалось немыслимым – хотя, на самом деле, ничего удивительного в этом не было. В Германии бурно росло производство вооружений – но немецкие экономисты нашли способ, как совместить этот рост расходов на танки, пушки и самолеты с резким возрастанием национального дохода и, как следствием, с ростом покупательской активности населения.

Самым характерным признаком доверия населения к власти стал бурный рост рождаемости: если в 1932 г. в Германии родился 975 581 ребенок, то в 1935-м уже 1 265 133 ребенка; рост почти на 25 %! – сравните это с сегодняшней катастрофической демографической ситуацией в России.

***

Как удалось нацистам создать из только недавно нищей, как церковная мышь, Германии промышленного гиганта?

Путем введения частичной экономической автаркии.

Немцы решили исключить из своей экономики иностранный капитал – как внутри страны (изгнав из экономической жизни евреев, капитал которых был связан миллионами нитей с международным капиталом), так и во внешней торговле –

перейдя со своими партнерами к клиринговым расчетам, исключив во внешнеторговых операциях хождение иностранной валюты.

А стимулировать возрастание промышленного производства нацисты решили путем массированных заказов вооружения и боевой техники.

С 1934 по 1 сентября 1939 г. военные расходы Германии составили 60 млрд марок, иными словами – 59,1 % расходов бюджета. Вроде ужасно много?

На самом деле – не очень.

Производительность труда и потенциал германской промышленности в это время были одними из самых высоких в мире. То есть теоретически германская экономика могла в очень короткий срок обеспечить бурно растущие вермахт и люфтваффе новейшим вооружением. Но для того, чтобы осуществить такой рост производства, было одно серьезное ограничение – финансовые возможности государства (заказчика вооружений). Да и население (покупателя швейных машинок, велосипедов и штанов с юбками) нельзя было лишать возможности приобретать промышленные товары гражданского назначения.

Надо было выбирать – или покупать танки, или штаны. Третьего, казалось, было не дано.

Как сделать так, чтобы, начав массированное строительство танков, пушек и самолетов, не оставить это самое население без этих самых последних штанов? В то же время не подняв колоссальную инфляционную волну?

Немецкие нацисты (не сами, конечно; для этого у них были высокопрофессиональные экономисты) смогли решить эту проблему. Более того – они посмели обойтись без привлечения иностранного капитала!

Они создали параллельные внутренние деньги, предназначенные исключительно для финансирования производства вооружений, не имеющие свободного обращения на финансовом рынке вне Германии. Говоря простым языком – создали дублирующую кровеносную систему немецкого хозяйственного механизма (как известно, деньги – кровь экономики).

***

Сначала в 1934–1935 гг. такими деньгами были векселя Металлургического научно-исследовательского общества (Mefo). Их эмитировали для оплаты вооружений фирмам-поставщикам, они гарантировались государством и были нормальным финансовым инструментом – с одной оговоркой – они могли использоваться лишь промышленными предприятиями, работающими на войну.

Легкий танк ЛТ

SOMUA S 35

Из 101,5 млрд марок расходов немецкого бюджета в 1934–1939 гг. не менее 20 млрд марок представляли из себя векселя Mefo, то есть инвестиционные деньги, не имеющие хождения на рынке, а посему не создающие инфляционного давления на экономику.

Но это было только начало.

С 1938 г. вместо денег имперское кредитное управление фирмам-производителям начало выплачивать «денежные переводы за поставку» со сроком погашения в шесть месяцев. За год таких переводов было выплачено более чем на шесть с половиной миллиардов марок – ни одна из них не пошла на закупку новеньких «Мерседесов» для топ-менеджеров военных концернов или на приобретение шикарных особняков и яхт на Бодензее. Все были целевым образом потрачены на оружие для вермахта.

С 1939 г. 40 % военных заказов начало оплачиваться так называемыми «налоговыми квитанциями», которыми подрядчики (создатели вооружений) имели право рассчитываться с поставщиками. Всего до начала войны таких квитанций было выплачено 4,8 млрд марок.

***

Дабы абсолютно перекрыть какое бы то ни было «бегство капиталов» за границу, в 1937 г. было издано «Положение о немецких банках», по которому ликвидировалась независимость государственного банка, прекращался свободный обмен марки на иные валюты. А «Закон о государственном банке» 1939 г. вообще снял все ограничения по предоставлению государственного кредита – надобность в параллельных деньгах отпала, отныне марка обеспечивалась втрое возросшим достоянием Третьего рейха! С 1934 г. по так называемому «Новому плану» внешняя торговля перешла под полный государственный контроль, а все предприятия вошли в состав семи «имперских групп промышленности».

Денежное обращение Германии, таким образом, оставалось сбалансированным, финансирование же военных заказов руководство Германии смогло произвести путем создания инвестиционных денег, стимулируя рост производства без ущерба для благосостояния нации.

***

Столь успешная экономическая модель развития базировалась на идеологии национал-социализма. Причем в данном случае идеология – это не совокупность неких абстрактных принципов, а именно комплекс практических мер в экономике, политике, социальной сфере.

На самом деле Гитлер не изобрел ничего нового. Он, выросший в еврейской среде, просто перенял… Национализм Гитлера строился на еврейском расизме. Евреи считают, что только они – богоизбранная нация, а остальные нации – гои, недочеловеки, и Гитлер это у них перенял: он точно так же считал, что высшей нацией мира являются арийцы и их высшая ветвь – германцы, а остальные нации – это недочеловеки.

В «своем» социализме Гитлер полностью отказался от главных догм Маркса: от классовой борьбы и интернационализма. Геббельс пояснял рабочим Германии, что советский большевизм – это коммунизм для всех наций, а германский национал-социализм – это коммунизм исключительно для немцев.

Отказавшись от классовой борьбы, Гитлер поэтому не стал национализировать имеющиеся частные предприятия, он не отбирал их у капиталистов. Но он поставил капиталистов в жесткие рамки единого государственного хозяйственного плана и под жесткий контроль за их прибылью. При нем капиталисты не могли перевести и спрятать деньги за границей, чрезмерно расходовать прибыль на создание себе излишней роскоши – они обязаны были свою прибыль вкладывать в развитие производства на благо Германии.

Если формула марксова, а затем и большевистского социализма была материальной и оттого убогой – «от каждого по способности, каждому по труду» – то формула социализма Гитлера в первую очередь обращена была к каждому человеку. «Хрестоматия немецкой молодежи» в 1938 г. учила:
«Социализм означает: общее благо выше личных интересов.
Социализм означает: думать не о себе, а о целом, о нации, о государстве.
Социализм означает: каждому свое, а не каждому одно и то же».

***

Гитлеровский национал-социализм обеспечил исключительное сплочение немцев вокруг своего государства. Когда началась война, то измена военнослужащих воюющих с Германией государств была обычным делом – на сторону немцев переходили сотнями тысяч и миллионами (кто-то хочет поспорить? Советских граждан в составе вермахта и СС насчитывалось, по разным оценкам, от шестисот тысяч до миллиона!). А в сухопутных и военно-воздушных силах Германии за 5 лет войны добровольно перешли на сторону врага всего 615 человек.

Было и еще одно отличие национал-социализма от марксизма. Последний утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, и поэтому требует от коммунистов распространять коммунистические идеи по всему миру. А Гитлер совершенно определенно указывал, что национал-социализм для экспорта не предназначен – он исключительно для внутреннего использования немцами. НЕМЦАМИ! Больше никаких народов в свой национал-социалистический рай Гитлер не приглашал. Все остальные нации были ему безразличны, а самая «ненемецкая» нация, евреи, однозначно должна была из Германии исчезнуть – ни им, ни их деньгам, ни их идеям в Третьем Рейхе места не было.

***

А самое главное в построенной нацистами экономике было вот что:

Экономический подъем Третьего рейха произошел без иностранных инвестиций, без привлечения иностранных кредитов, без закабаления национальной экономики мировой вненациональной финансовой олигархией! Вот где главное преступление национал-социализма!

Это и было САМОЙ БОЛЬШОЙ ОПАСНОСТЬЮ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ ДЛЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ЭЛИТЫ!

Такая экономическая самостоятельность и такое откровенное пренебрежение правом евреев иметь долю прибыли со всей хозяйственной деятельности человечества должны были быть наказаны, а в идеале – пресечены на корню. Для чего вненациональная финансовая олигархия решила использовать инструменты внешней политики.

***

Все обычные методы противодействия национал-социалистической Германии вненациональной финансовой олигархией были испробованы сполна. Был и бойкот немецких товаров, были и прямые запреты на импорт из Германии – но проклятые нацисты на каждую выходку мирового капитала находили свой адекватный ответ. На что уже Польша была готова сражаться с Германией не на жизнь, а на смерть – и то в своей торговле с потенциальным противником «дала слабину» – в 1939 г. увеличила свой экспорт в Рейх на 14,4 %, немцы же увеличили экспорт своих товаров в Польшу в этом же году на 27 %.

В экономическую орбиту Германии все плотнее входили Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, прибалтийские

страны. В торговле с ними немцы вовсю использовали безвалютный принцип торговли, клиринг – что для этих бедных золотом, фунтами или долларами стран было сущей панацеей во внешней торговле.

Опять же – Германия в своей внешней торговле широко и щедро использовала такой привлекательный инструмент, как низкую ставку кредита. Для «дружественных» государств эта ставка могла быть вообще 4,5 % годовых, причем отдавать этот кредит никто не требовал деньгами. Немцы с удовольствием шли на создание Клиринговых палат, поставляли слаборазвитым аграрным государствам Восточной Европы в кредит свою технику и оборудование, взамен довольствуясь польским зерном, болгарским табаком, венгерским мясом или югославским вином.

Немцы старательно переводили на безвалютную основу всю свою внешнюю торговлю, справедливо полагая, что валюта (швейцарские франки, английские фунты или американские доллары), которая участвует в международной торговле, приносит подлинный доход лишь своему эмитенту, государству, запустившему ее в мировой оборот. А посему, дабы не передавать в чужие руки доход от внешней торговли, немцы и заводят всю эту канитель с клирингом. Долго – зато надежно! Опять же отсекая от этого жирного куска мировой торговли еврейский капитал.

Посему пора было англичанам браться за иные, неэкономические, методы борьбы с германским национал-социализмом. Который, в отличие от большевизма в России, не был простым пугалом, а реально претендовал на выведение из-под власти мирового капитала серьезную часть его империи – европейский континент.

И первым шагом на этом пути было предательство Чехословакии. Которое произошло настолько быстро, что вызвало оторопь даже у нацистских вождей. Геринг на Нюрнбергском

процессе, вспоминая о Мюнхене, говорил: *«Практически все уже было заранее согласовано. Ни Чемберлен, ни Даладье ни капельки не были заинтересованы в том, чтобы рисковать чем-либо ради спасения Чехословакии. Судьба Чехословакии была в основном решена в течение 3-х часов».*

***

Англичане сдали Германии Чехословакию вовсе не потому, что так уж боялись Гитлера. Осенью 1938 г. численность населения Германии с присоединенной Австрией была около 80 млн человек, численность населения Британской империи с доминионами и колониями – около 530 млн человек. К осени 1938 г. Германия довела численность армии всего до 2,2 млн человек, при 720 танках и 2500 самолетах. Численность армии Чехословакии была (после проведенной мобилизации) 1 250 000 штыков и сабель при 469 танках и 200 бронеавтомобилях, 5700 артиллерийских орудиях и 1514 самолетах. На каждый немецкий танк у чехов было запасено по три противотанковые пушки! И эта армия базировалась на мощных оборонительных сооружениях.

Чехословакия была вполне в состоянии начать активно защищаться от гитлеровской агрессии, втянув в это дело своих западных союзников (о чем в свое время были подписаны договоры, пакты и конвенции) – но тогда эта война началась бы и закончилась в пределах Центральной и Западной Европы! Немцы победили бы чехов, отняли бы у них Судеты, понесли бы существенные потери в живой силе и технике, выдохлись бы – и на этом все бы завершилось; плюс к этому на Западном фронте немного постреляли бы друг в друга немецкие и французские патрули. Какой тогда в этой войне смысл?

Поскольку сама Англия (или даже в союзе с Францией) всерьез воевать с Германией категорически не собиралась, то война за Судеты Антанте была и на дух не нужна. Потому что

ни на какую Большую Восточную войну в этом случае немцев было бы не погнать, и к границам СССР они бы так и не вышли (Чехословакия в то время с СССР нигде не граничила). Вместо столь желанной войны Германии с СССР началась бы война западных союзников с Германией за свободу Чехословакии. Оно им было надо?

Предательство Чехословакии произошло по причине отсутствия у стран-гарантов чехословацкой независимости прямой заинтересованности в том, чтобы эта страна существовала, более того – сражалась. Потому что тогда сражаться бы пришлось и Франции, и Англии – а СССР остался бы в стороне!

«Мюнхенцы» сдали Гитлеру Чехословакию в надежде, что у фюрера германской нации закружится от успехов голова, он начнет делать ошибки – в частности, тотчас начнет осуществлять свой план, ясным и доступным языком изложенный в «Майн кампф» – то есть ломанется отбивать у русских Украину и на этом деле свернет себе шею. И можно будет обойтись малой кровью – то есть крови немцев и русских будет много, но какая с того разница хозяевам Запада? Пусть себе потешатся, пусть перережут друг другу глотки!

***

Гитлер этого делать не стал. В это время большая война ему принципиально и категорически была не нужна. Вместо похода на СССР он решил как-то урегулировать немецко-польские территориальные проблемы. Которые были для Германии – как кровоточащая рана. И вот почему.

Под властью Польши находились значительные территории, населенные немцами. И плюс к этому – из-за так называемого «польского коридора» связь Большой Германии с Восточной Пруссией была возможна только морем или по принадлежащей полякам автостраде. И фюрер решил попросить

поляков о небольшой территориальной уступке. Тем более что поляки национал-социалистической Германии благоволили, числили ее в своих друзьях. Такими же друзьями – не разлей вода – с немцами считались они и в нашем Генштабе.

Польша весь предвоенный период считала Советскую Россию своим главным врагом – СССР, в свою очередь, мог с полным основанием считать Польшу самым враждебным государством из всех, с которыми непосредственно граничил. В ходе военного планирования в СССР в 30-е гг. предполагался конфликт с Польшей в союзе с Германией. Еще в 1932 г. в случае войны с СССР Польша обязалась выставить 60 дивизий.

Международный фонд «Демократия» в Москве выпустил в 1998 г. сборник документов «1941 г.», в котором приводятся советские оперативные планы. Скажем, в плане 1938-го сплошь и рядом такого рода прогнозы: «...главные силы германской армии мы встретим, по всей вероятности, в районе Свенцяны–Молодечно–Гродно. Если будет немцами нарушен нейтралитет Латвии, то, возможно, что часть германских сил поведет наступление к северу от Двины. Барановичское направление будет занято поляками...»; «наиболее выгодным направлением главного удара будет проведение его по обоим берегам р. Неман с задачей разгрома сосредоточивающихся здесь германо-польских сил»; «Прорыв фронта противника позволит нам или развить операцию ударом по германской группировке на территории Литвы, или же нанести удар по Барановичской группировке поляков...».

Да и сами поляки везде и всегда подчеркивали свою ярую непримиримость к СССР и такое же яростное дружелюбие по отношению к Германии.

25 сентября 1938 г. в беседе со своим американским коллегой тот же Лукасевич заявил: *«Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом, и в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство*

уверено в том, что в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены, и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства».

30 сентября Варшава послала официальный запрос в Берлин: может ли она рассчитывать на доброжелательную позицию Германии, если в результате предстоящего вторжения польских войск в Чехословакию возникнет вооруженный конфликт между Польшей и СССР?

На следующий день польский посол в Берлине Липский писал в Варшаву о реакции на него Риббентропа: *«В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную».* Аналогичный ответ был получен им и от Геринга: *«В случае осложнений с Россией Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии».*

21 мая 1938 г. польский посол в Париже Ю. Лукасевич заверил американского посла во Франции Буллита, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу, если он попытается направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии, и что советские самолеты, если появятся над Польшей по пути в Чехословакию, тотчас же будут атакованы польской авиацией.

***

Посему немцы в преддверии будущего совместного с Польшей похода на Восток, столь страстно желаемого паном Беком и его камарильей – решили все же под сурдинку как-то урегулировать досадное недоразумение – немецко-польские территориальные противоречия.

Типа – «мы же союзники в будущем удушении большевизма, братья, так сказать, по классу – так перестаньте же, наконец, драть с нас три шкуры за прусский транзит, побойтесь Бога!

Ну, дайте ж вы нам построить железную дорогу Берлин–Кенигсберг!»

Между прочим, поначалу Гитлер на фоне остальных германских деятелей выглядел снежно-белым голубем мира. Беспартийный министр иностранных дел «рейха» фон Нейрат особо подчеркнул: *«Нашей главной целью остается пересмотр восточной границы»*. Немецкий националист, имперский министр экономики и продовольствия Хугенберг разъяснил на Лондонской международной экономической конференции в июне 1933 г., что ожидает польского соседа: *«Народу без территории» должны быть открыты земли, на которых он сможет создать своей активной расе пространство для заселения»*. Что характерно – Гитлер тотчас же его уволил.

Гитлер также внешне бесстрастно прореагировал на откровенно дискриминационное для немецких судоходных фирм соглашение о восстановлении мореплавания в Данцигском порту; ничего он не сказал и о соглашении о школьном деле в Данциге, заключенном в августе 1933 г. между вольным городом Данцигом и правительством в Варшаве, которое предоставляло полякам равное количество школьных мест с немецкими школьниками (при том, что поляки составляли едва 10 % населения «вольного города»!). Польша была нужна Рейху! И поэтому, как писала «Фелькишер Беобахтер»:

> *«То, что национал-социалистический президент Данцига заключил с Польшей очень лояльное соглашение, находится в соответствии с внешнеполитической линией канцлера. Это соглашение... представляет собой попытку добиться модус вивенди с Польшей. В основе этого лежит убеждение, что духовно более сильный немецкий народ в процессе постепенной созидательной работы оттеснит поляков и по прошествии нескольких лет вынудит их к отступлению в политическом и духовном плане. Окажись это предположение утопией, то, по мнению фюрера и министерства иностранных дел, еще и позже будет время пересмотреть этот курс, а именно в том случае, если будет существовать мощный немецкий вермахт».*

***

В столь лояльном отношении Берлина к откровенно антинемецким шагам польского руководства лежал сугубый прагматизм. Немцам, как воздух, требовалось установить нормальные торговые отношения с Польшей – их экономика, ориентированная на экспорт, задыхалась в условиях блокады, де-факто объявленной нацистскому государству мощным еврейским лобби Франции и Великобритании.

Статс-секретарь имперского министерства экономики Поссе наметил выход Германии из экономических потрясений путем мирного внешнеэкономического проникновения в Восточно-Европейский регион. Второй человек после нового министра Курта Шмитта, он в октябре 1933 г. сделал в кабинете министров предсказание о внешнеторговой политике: *«Немецкая индустрия, работающая на экспорт, в наступающую зиму, возможно, столкнется с очень большими трудностями. Поэтому полагаю необходимым начать активную торговую политику, основанную на принципе взаимности. При этом нужно иметь в виду, прежде всего, экономические районы, в которых можно рассчитывать на то, что немецкие торговцы овладеют рынками».* Поссе получил в кабинете министров от заместителя рейхсканцлера фон Папена заверение в том, что и господин рейхсканцлер проводит намеченные линии торговой политики. В качестве панацеи немцы осторожно начали продвигать идею клиринговой торговли – утомительной и долгой, зато избавляющей экономику от зависимости от иностранной валюты.

На фоне этих действий германских экономических властей немецкие торговые круги требовали «восстановления упорядоченных экономических отношений с Польшей». Серьезным побудительным фактором стал новый польский таможенный тариф, который должен был вступить в силу в октябре 1933 г. и был направлен, в первую очередь, против Германии («постаралось» еврейское лобби в Варшаве).

В министерстве иностранных дел Германии утвердилось мнение, что «в процессе проведения политики разрядки напряженности нужно снова начать переговоры с Польшей». Немецкий посланник в Варшаве получил задание подготовить почву для экономических переговоров с польским правительством. Газета «Дойче Виртшафтсцайтунг» так определяла задачу на 1934 г.: намеченные выше экономические меры должны применяться в отношении целого ряда стран (Нидерландов, Швейцарии, Венгрии, Дании, Финляндии, Советского Союза и Франции).

Немцы всячески склоняли Варшаву к заключению взаимовыгодного торгового договора. Но польская сторона захотела подстраховаться в политическом плане. Как только об этом стало известно в Берлине, национал-социалистическое руководство Рейха тут же дружелюбно распахнуло руки навстречу полякам – и сразу же предложило заключить германо-польский договор о ненападении и дружбе, который позже, в январе 1934 г., и был подписан.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этом же январе 1934 г. закончилась германо-польская таможенная война. Протокол от 7 мая того же года, положивший конец экономическому конфликту между Польшей и «рейхом», в большой мере устранил препятствия во взаимном обмене товарами. Можно было говорить о политическом прорыве к свободной торговле.

***

Весной 1934 г. немецкий внешнеторговый баланс впервые после 1929 г. снова стал пассивным. В результате существования «ножниц» между импортом и экспортом и без того небольшие резервы валюты значительно сократились, так что положение с вооружением вермахта «оказалось в высшей степени проблематичным». Теоретически перед правительством встала

альтернатива: или последовательное развитие военной промышленности со всем вытекающим отсюда экономическим риском, или замедление темпов вооружения, что категорически отвергалось национал-социалистическим руководством.

Помочь должен был «новый план», который во внутренней экономике стимулировал бы производство сырья и его заменителей, что в свою очередь означало бы внешнеэкономическую переориентацию. Во внешней торговле палочкой-выручалочкой должен был стать клиринг – два предшествующих года он все больше и больше входил в обиход торговых фирм, пока не стал, наконец, главным инструментом внешнеторговых расчетов. Тем более, он был весьма симпатичен для Польши.

Будучи слаборазвитой аграрной страной, Польша могла с помощью немецких технологий и удобрений повышать свое сельскохозяйственное производство и ориентировать его на немецкие потребности. С помощью немецких «ноу-хау» можно было развивать добычу сырья для «рейха» и приспосабливать индустриальное развитие Польши к потребностям немецкой военной экономики, используя немецкие машины.

***

Гитлер намерен был решить свои проблемы с Польшей мирным путем. Поэтому строго выполнялось указание немецкой прессе не раздувать в печати проблему Данцига, конфликты между поляками и немецким населением Померании и Силезии. Каковые, между прочим, частенько доходили до экспроприации собственности немецких крестьян и предприятий польским государством. Немцы Рейха, сжав зубы, глядели на Польшу, в которой творилось экономическое насилие над немецким меньшинством – и ничего не могли сделать! Польша была крайне важна Рейху в качестве источника продовольствия, угля и железной руды…

Четырехлетний план Гитлера 1936 г. знаменовал качественно новую черту в немецко-польских экономических отношениях, а также и в формировании политических отношений. План основывался на понимании национал-социалистическим руководством того факта, что экономический потенциал страны недостаточен для ведения большой войны, что его хватит только для частичной территориальной экспансии и тем самым для частичного расширения экономической базы. Поэтому германо-польский товарообмен имел большую ценность. В первом квартале 1938 г. немецкий экспорт в Польшу, по сравнению с тем же периодом предыдущего года, увеличился на 42 %, а немецкий импорт из Польши – даже на 45 %. В 1936–1937 гг. «третий рейх» находился на первом месте среди стран, импортирующих товары из Польши, вслед за ним шла Великобритания.

***

В это время Германией ощущался большой недостаток в текстильном сырье и жирах, цветных металлах, горючем и каучуке. Эти товары можно было получить лишь за валюту – к сожалению, ни Венгрия, ни Польша, ни Югославия не выращивали гевею, масличные пальмы и не добывали олово и марганец.

С недостатком иностранной валюты был связан еще один тлеющий конфликт, который грозил стать политически опасным для Германии. Германо-польские экономические отношения с самого начала были отягощены немецким долгом в валюте за транзитные перевозки по данцигскому коридору. А эта проблема всегда решалась только частично. Открытого же конфликта едва-едва удавалось избегать лишь с помощью политических мер. Но этот конфликт уже нельзя было отодвигать на неопределенное время – с каждым годом Польша получала все более и более важные рычаги для блокирования перевозок по коридору. А регулярные угрозы «перекрыть восточно-прусский транзит» были любимым развлечением Варшавы…

***

Необходимо упомянуть еще один момент: положение немецкого меньшинства в Польше, особенно в Верхней Силезии. Несмотря на внешнюю нормализацию, здесь с 20-х гг. за счет немецкого меньшинства продолжалась аграрная реформа с предусмотренной экспроприацией крупных земельных поместий; иными словами, земельная собственность немецких бауэров свыше определенного размера отходила полякам, причем с такими смешными компенсациями, что немцы и не знали даже, смеяться им или плакать.

К тому же варшавское правительство осуществляло полонизацию немецкой крупной промышленности. Хотя Польша делала это на правовой базе заключенного 15 мая 1922 г. в Женеве германо-польского соглашения о Верхней Силезии, в немецких национальных кругах эти меры расценивались как противозаконные – собственно, такими они и были. Если считать ВСЕ Версальские соглашения беззаконием победителей...

***

Безработные немцы в Верхней Силезии получали поддержку из немецкой государственной казны в польской валюте в размере немецкого пособия по безработице. Их число росло, прежде всего, потому, что власти «немецких» польских воеводств, используя закон о военных заказах от 1934 г., гласивший, что на военные заводы принимаются только поляки, пытались навязать это правило и чисто немецким предприятиям.

Этот метод был введен, чтобы по возможности поддержать «польских» немцев. Известно, что в конце 1935 г. «вследствие экономического спада и антинемецкого поведения местных польских властей... в административном округе Катовице процент немцев, которые уже давно не имели работы, был очень велик».

Но к весне 1939 г. имперский банк был уже не в состоянии предоставлять иностранную валюту для поддержки безработных немцев – количество заявлений о банкротстве выходило за пределы политически допустимого. Во все больших масштабах продолжались увольнения немцев, имевших польское гражданство, главным образом, из числа квалифицированных рабочих и служащих, хотя первые как раз являлись дефицитным товаром. Это был процесс, который вылился в сознании немцев в «рейхе» в опасные для Польши политические настроения и порождал ожидания вмешательства со стороны Берлина.

Ко всем этим трудностям польско-немецких отношений добавились меры по бойкоту немецких товаров со стороны польских и еврейских фирм и дельцов. Польские власти не делали ничего для ликвидации этого бойкота – посему нет ничего удивительного в том, что уже осенью 1938 г. немцы решили начать решение «польского вопроса».

***

Что характерно – территориальные претензии Германии к Польше, впервые внятно озвученные 24 октября 1938 г. Риббентропом польскому послу Липскому, были более чем умеренны. Скромность (и даже справедливость) немецких требований признают и французы, и англичане.

Иоахим фон Риббентроп

Германия не потребовала от поляков возвращения Познани и Поморья. Хотя Польша владела этими территориями на основании статей Версальского мира – большинство населения там составляли поляки, и эти территории перешли к Пруссии в результате разделов Речи Посполитой. То есть все же были исконно польскими, несмотря на столетнее пребывание в составе прусского (а затем и германского) государства.

Германия не потребовала от поляков возвращения Верхней Силезии с центром в Катовице – хотя города, шахты, заводы и фабрики этого бесценного промышленного района были построены немцами. Даже несмотря на то, что результаты плебисцита в этих землях в свое время были в пользу Германии – Риббентроп не счел возможным требовать от поляков возврата этих земель. Из чистого альтруизма, надо полагать – где же еще полякам копать уголь, чтобы отапливать свои дома?

Чего же Германия потребовала от Польши? Если избавить эти требования от пропагандистской шелухи советской (английской, польской, французской, далее везде) пропаганды?

Первое. Возвращение Германскому Рейху города Данцига с окрестностями.

Второе. Разрешение построить по так называемому «польскому коридору» экстерриториальную автостраду (вдобавок к имеющейся, но принадлежащей Польше) и четырехколейную железную дорогу.

Третье. Продление действия немецко-польского пакта 1934 г. еще на пятнадцать лет.

И ВСЕ!

***

Самое важное в этих требованиях – то, что от Польши никто не требовал поступиться своей собственностью – по той простой причине, что Данциг ей де-юре вовсе и не принадлежал.

Германия потребовала возвращения Данцига – не у Польши (владельца де-факто), а у Лиги Наций (управляющего де-юре), под чьим формальным управлением этот «вольный город» и находился. КАКОЕ ДЕЛО ПОЛЯКАМ ДО ЧУЖОГО ГОРОДА? Пусть Германия разбирается с Лигой Наций и своими «партнерами» по Версальскому миру, чего Польше-то впрягаться?

Затем – автострада и железная дорога по «польскому коридору». Коридор этот Польша получила также по Версальскому миру, за счет земель Восточной Пруссии. Тем не менее немцы не сочли возможным требовать возврата ВСЕГО КОРИДОРА – им достаточно было лишь провести через него дороги, чтобы иметь нормальную устойчивую связь с Восточной Пруссией, без двойных обысков польской таможни и двойного унижения перед польскими пограничниками. А главное – без уплаты из года в год все возрастающих платежей Польше за прусский транзит. Причем в валюте! Каковой в Рейхе никогда в избытке не водилось – а посему долг за транзит постоянно висел над имперским банком дамокловым мечом.

***

Кейтель со своим штабом 24 октября 1938 г. начал разработку планов оккупации Данцига. Караул! Грабят! Ему это приказал Гитлер? Тоже еще тот сукин сын! Агрессоры! Поджигатели войны!

А если разобраться беспристрастно?

Польша управляет чужой собственностью (причем, даже не будучи ее владельцем). Польша не желает ее передавать законному собственнику. Польша считает, что законный владелец пытается нагло и бессовестно отнять у нее эту собственность, к которой она как-то уже за эти двадцать лет прикипела душой.

СССР в 1940 г. потребовал у Румынии вернуть украденную у него в 1918–1920 гг. Бессарабию. Бессарабия Румынии никогда до той поры не принадлежала, и никаких межгосударственных актов СССР с Румынией по поводу этой провинции не подписывал. И когда потребовал вернуть чужое – Румыния безропотно согласилась. Не устраивая вселенский ор «грабят!»

У Польши с Германией по поводу Данцига – аналогичная ситуация. Данциг принадлежал Германии, никаких договоров о его передаче Польше Германия добровольно не подписывала. И, попросив Польшу вернуть украденное, – была в своем праве это потребовать.

То, что Польша решила Германии в этом вопросе ни за что не уступать – не более, чем упертая твердолобость варшавских политиков. Или, что гораздо более вероятно – тонкая игра лондонских кукловодов.

Кейтель, кстати, планировал оккупацию Данцига БЕЗ ВОЙНЫ с Польшей – по примеру тех же поляков в Вильно, устроив «национальную» квазиреволюцию немецкого элемента и введя свои части для «усмирения мятежа».

Между прочим, Гитлер не за так хотел забрать Данциг – он пообещал Беку (5 января 1939 г. в Берхтесгадене) поделиться с поляками чешскими территориями, которые немцы собрались оккупировать через два месяца. Кроме того, в оплату за автостраду Германия была готова передать Польше часть Закарпатской Украины, управляемую пока что словаками.

Ладно бы поляки были непримиримыми врагами Антикоминтерновского пакта и хотели сражаться с немцами из святой ненависти к фашизму! Так нет, Польша, например, чтобы сделать приятное Японии, ближайшему союзнику Германии, признала Маньчжоу-Го, японскую марионетку на Дальнем Востоке, и даже собралась открывать польское консульство в Харбине.

В общем, старались как можно больше понравиться друзьям из-за Одера.

Да и немцы время от времени позволяли себе реверансы в сторону Варшавы – когда член организации украинских националистов Мацейко застрелил министра внутренних дел Польши Б. Перацкого, немцы проявили полицейское рвение. Организатора покушения, руководителя «Краевой экзекутивы» ОУН Н. Лебедя, следовавшего пассажирским рейсом из Данцига в Свинемюнде, гестапо Пруссии схватило и передало полякам. Лично Гиммлер, тогда шеф этой конторы, вел это дело!

А теперь, когда Германия вознамерилась восстановить статус-кво в отношении СВОЕГО города – поляки встали на дыбы. Нет, и все!

***

Польша и Германия – соседи. От соседей практически невозможно спрятать любые секреты – от кулинарных до военных. Неужто польский генштаб не знал, что к 1939 г. представляли из себя вермахт и люфтваффе? И командующий Рыдз-Смиглы всерьез планировал удар на Берлин?

Априори более сильное в военном отношении государство требует от более слабого территориальных уступок. Что делает слабое? Подчиняется – либо ищет союзников. Чтобы вместе с ними встретить удар агрессора, чтобы разделить тяжесть войны, чтобы выстоять, наконец!

Союзников у Польши НЕТ (со всеми соседями у нее отношения неважные, а дальние «гаранты польской независимости» планов действенной помощи Польше даже в запасниках своих генштабов не хранят). В такой ситуации здравомыслящие политики ведут себя скромно, сдержанно. Памятуя о том, что повышенные тона в международных отношениях неминуемо ведут к орудийной канонаде.

Но польские политики – не чета всем прочим. Они громогласно и гордо, во весь голос, заявляют о своей решимости «поставить на место» нацистов и их фюрера и ни за что не идти на поводу у немцев относительно их вздорных требований.

И в унисон своим политикам немыслимо громкий рев – «ни пяди родной польской земли проклятым немцам!» – издает польское «общественное мнение».

«Общественное мнение «санационной» Польши требовало от правительства не уступать немецким требованиям!» Как будто в той Польше было «общественное мнение»!

Население Польши в 1939 г. – 35 млн человек. Из них десять миллионов «не говорят по-польски» – это белорусы, украинцы и немцы. Есть и еще одно более чем значительное нацменьшинство – три миллиона евреев.

Как в «санационной» Польше, авторитарном государстве, де-факто – диктатуре, вдруг появилось это самое пресловутое «общественное мнение»?

В 1939 г. польская деревня была аполитичной АБСОЛЮТНО. Телевидения тогда не было и в помине, газет крестьяне не выписывали. Что творится в мире, знали по непроверенным и малодостоверным слухам. Может быть, конечно, крестьяне в Познаньском воеводстве были и политически грамотнее жителей «кресов всходних», но это вряд ли.

В общем, «общественное мнение» в 1939 г. польские крестьяне формировать ну никак не могли – потому что просто не знали,

что это такое. У разных сомнительных белорусов, украинцев (тем более – у немцев) этого мнения никто и подавно никогда не спрашивал.

«Общественное мнение поляков» формировалось в городах и местечках коренной, так сказать, базовой Польши.

Население которых имело очень специфический национальный состав.

Население которых почти наполовину состояло из евреев...

Что-то не так?

Для примера – этнический состав городов и местечек Западной Белоруссии.

В Гродно в 1939 г. 42,6 % горожан были евреями.

В Лиде из двенадцати тысяч населения 5 419 человек были евреями.

В Ивье из четырех с половиной тысяч мещан более двух тысяч по субботам посещали синагогу.

В Дрогичине из двух тысяч жителей более полутора тысяч – евреи.

В Волковыске из двенадцати с небольшим тысяч обитателей евреями были 5 130.

Не знаю, сколько евреев жило в Варшаве (Роман Поланский в «Пианисте» утверждал, что полмиллиона, то есть более половины населения польской столицы). Но не думаю, что этот город на Висле в смысле национальной принадлежности горожан сильно отличался от польских провинциальных городов и местечек.

«Общественное мнение поляков» формировали города, наполовину населенные евреями. Гм...

***

Автор не хочет сказать, что на безнадежную битву с немцами поляков толкали евреи.

Автор хочет сказать, что общественное мнение, требовавшее от польского правительства ни на дюйм не уступать притязаниям нацистской Германии, а в случае чего – вступить в войну с немцами – формировали польские города, значительной частью населения которых (наиболее богатой, а следовательно, и влиятельной их частью) были евреи.

Польское государство заставляют воевать (истерикой в прессе, выступлениями «общественности», прочими глупостями) жители его городов, почти половина из которых имеют еврейскую национальность – из-за естественной и вполне объяснимой ненависти к нацистской Германии.

И поляков всякими политическими фокусами склоняют к неуступчивости немецким требованиям Англия и Франция.

Государства Антанты гарантируют неприкосновенность польских границ. Они обладают военными возможностями, чтобы уверенно декларировать эти свои цели?

У Англии в метрополии – четыре пехотные дивизии и колоссальный (по сравнению с германским) военно-морской флот (пятнадцать линкоров в строю!). Всеобщая воинская обязанность введена только 27 апреля 1939 года.

31 марта 1939 г. правительство Чемберлена дало гарантии безопасности Польше – поляки их получили 1 апреля (и поверили!). Англия обещала Польше, что в случае германского нападения поддержит ее всеми силами.

Силами четырех пехотных дивизий?!

Или введет в Вислу эскадру линкоров?

***

19 мая подписан франко-польский военный союз. Это уже теплее – у Франции хотя бы есть настоящая армия.

У французов много танков. Гораздо больше, чем у немцев.

У французов на вооружении 400 тяжелых танков В-1, 780 средних танков Somua S-35 и Рено D-1 и D-2, более 3 500 легких танков Рено FCM-36, Рено АМР-33 (35), «Гочкисс» Н-35, Н-38, Н-39 и Рено Р-35.

Одно плохо – вся предвоенная подготовка французской армии, вся ее стратегия и тактика, вся ее военная мысль основывались на единственном принципе – в случае любой военной заварухи в Европе отсидеться за укреплениями линии Мажино. ВСЕ! Французы, потеряв в Первую мировую почти полтора миллиона человек, заранее, еще до первого выстрела, отдавали инициативу ведения войны противнику.

***

Итак, мы выяснили, что заставило польское правительство отвергать германские предложения и пренебрегать любой возможностью сохранить мир на своих границах. Что именно подвигло поляков демонстрировать «гордое и надменное отношение … к дерзости немцев», как говорил по поводу последних предвоенных месяцев Уинстон Черчилль.

Надежда поляков на союзников. И «общественное мнение» в Польше.

Это – два фронта, действующих согласованно и дружно. Или все-таки один?

Между прочим – 9 сентября польский военный представитель в Лондоне Норвид-Нойгебауэр с изумлением и ужасом узнает, что Англия не имеет никаких планов помощи Польше.

Вообще – никаких! То есть английские военные гарантии Польше от 31 марта 1939 г. и подписанный между Речью Посполитой и Великобританией договор о военном союзе от 25 августа 1939 г. не стоили даже бумаги, на которой были напечатаны…

Англичане разложат свой польский пасьянс блестяще – у них за плечами триста лет политики предательства своих союзников, они это научились делать виртуозно.

Англичане подставят Польшу под удар немецких армий так же легко и непринужденно, как опытный игрок разыгрывает партию в гольф, причем, даже не запачкав белых перчаток – джентльмены всегда остаются джентльменами…

Глава VII
Зачем Англия пожертвовала Польшей?

***

Первое. Затем, что иначе Германия продолжала бы свою мирную экономическую экспансию и рано или поздно победила бы в этом. То есть разрушила бы мировую систему экономического господства одной нации над всеми остальными. И для того, чтобы пресечь победное шествие национал-социализма, нужно было соперничество с ним перевести из плоскости экономического соревнования в плоскость политического противостояния. А война, как писал Клаузевиц – и «есть продолжение политики иными средствами».

И второе. Затем, что режим «санационной» Польши не просто должен был спровоцировать Германию на кровопролитие – этого было бы крайне недостаточно. Польша должна будет исполнить роль застрельщика Большой Европейской Войны. Главной войны – между Германией и пришедшим на помощь гибнущей Польше Советским Союзом. Причем так, чтобы, даже погибнув, оставить властителям мира casus belli для продолжения войны с немцами до последнего европейца.

Поляки, бывшие до весны 1939 г. идейными союзниками нацистов, планировавшие совместный с Германией поход на Восток, всегда были готовы эту самую Германию подвергнуть огню и мечу – на этом и сыграли дальние «гаранты польской независимости».

Иными словами – использовав, во-первых, откровенную недалекость польского военного и гражданского руководства,

их шляхетский гонор, их тупое зазнайство, пренебрежение другими народами, и, во-вторых, пообещав последним не оставить их своими щедротами после неизбежного краха польского государства – определенные круги Запада нашли в лице Польши идеального провокатора для разжигания всеевропейского военного пожара.

Обязательства британского кабинета («Военные гарантии 31 марта 1939 года») с самого начала имели вполне реальные последствия. Они отводили от Лондона угрозу того, что Польша может, подобно Австрии, Чехословакии и Румынии, капитулировать перед гитлеровскими требованиями, а в результате возникла бы опасная для западных держав стратегическая обстановка.

Более того, «гарантии» открыто противопоставляли Польшу фашистскому рейху и тем самым неминуемо делали ее жертвой агрессии. Правящие круги Второй Речи Посполитой отлично понимали, куда они ведут свою страну – но «верность» западным хозяевам для них была важней, чем интересы собственного народа.

***

Поляки 22 марта начинают частичную мобилизацию и подготовку к войне с Германией – а как же, вскоре Англия и Франция станут союзниками Речи Посполитой и ни в коем случае не дадут ее в обиду!

В свою очередь 3 апреля Гитлер подписывает план «Вайс» – план военного решения польского вопроса.

31 марта Англия выдает военные гарантии Польше – «дескать, не переживайте, никто вас обидеть не посмеет – мы все, как один человек, немедля встанем на защиту Речи Посполитой!»

28 апреля – немецкое руководство аннулирует германо-польский пакт о ненападении и дружбе. Это – последний звоночек. Точно так же СССР в свое время денонсирует

советско-японский договор о ненападении, ясно давая понять островной империи, что следующим его шагом будет вторжение в Маньчжурию.

А поляки 11 мая отклоняют советские предложения о военной помощи в случае вторжения Германии! Ослепленные своими байками о мощи Войска Польского, руководители Польши в самых страшных снах не представляют себя союзниками коммунистической России.

***

Польша накануне вооруженного столкновения с сильным и безжалостным врагом, посягающим на часть польской территории, ни на какие компромиссы идти не желает. То есть – выбирает войну. Вернее – выбирают за нее.

Польша многократно слабее потенциального агрессора. Ее «союзники» если и помогут, то только морально (в крайнем случае – введут экономическую блокаду Германии). «Линию Зигфрида» атаковать они ни в коем случае не будут, десант на германском побережье Северного моря не высадят. То есть помощь Польше окажут исключительно добрым словом.

И Польша отвергает предлагаемую русскими помощь! Хотя, если быть объективным, в сложившейся ситуации от Польши уже мало что зависело. Теперь уже решали вместо нее.

Западные союзники всячески склоняют к помощи Польше СССР, даже несмотря на польский категорический отказ пропустить на свою территорию русские армии. А как же! Ведь это – один из ключевых моментов Большого Плана!

Посему в Москву отправляется миссия генерала Думенка и адмирала Дракса – уговаривать Советы помочь, в случае чего, Польше. То есть они предлагают Советскому Союзу помочь стране, с которой у него серьезные территориальные проблемы. Которая все эти двадцать лет рассматривала восточного

соседа исключительно через призму прицела. И которая, ко всему прочему, не желает принимать эту помощь.

И СССР предварительно соглашается на эту авантюру.

***

Сталин терпеливо ждет от союзников предложений о компенсациях за вероятные военные риски.

У него есть что предъявить миссии генерала Думенка. Военная мощь Красной Армии (во всяком случае, по списочным данным) – громадна. Одних танков СССР готов выставить на линию огня девять тысяч штук – втрое больше, чем французы!

Сталин рассчитывает на внятное обозначение цены, за которую он свою военную мощь введет в бой. А также список гарантий того, что, вступив в эту войну, одним далеко не прекрасным утром он не увидит, что вся союзная рать подписала с Гитлером сепаратный мир, условием заключения которого стала передача Германии – в качестве компенсации за ущерб и хлопоты – Советской Украине!

Посему советское руководство ставит главным условием подписания союза с западными «демократиями» и Польшей следующее: русские армии – если уж Советскому Союзу предстоит вступить в этот сомнительный антигитлеровский альянс – должны войти на территорию Польши и вести войну с Германией там. Зачем? Затем, чтобы Польша элементарно не спрыгнула. Вполне логичное требование СССР!

И потом. Раз уж вступать в войну за чужие интересы – то хорошо бы получить за это что-то материальное. То, что можно будет предъявить советскому народу в качестве оправданий за пролитую русскую кровь.

Когда СССР вступал в войну против Японии – несмотря на то, что антияпонская пропаганда в Советской России никогда не стихала, Сталин посчитал необходимым оправдать

свои действия перед советским народом. Во-первых, местью за позор Цусимы и Порт-Артура и, во-вторых, существенными территориальными приобретениями Советского Союза в случае победы. И наши потери – около тридцати тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными – можно считать компенсированными Курильскими островами и южной частью Сахалина.

***

Союзники в обмен на УЧАСТИЕ в предстоящей войне не предлагают Сталину НИЧЕГО!

Германия готова за НЕУЧАСТИЕ в этой же войне предложить Сталину ВСЕ...

Что выберет любой здравомыслящий политик, думающий об интересах собственной страны? Как вы думаете?

Сталин должен был, по сценарию Лондона и Парижа (за спиной которых хитро ухмылялся Вашингтон), «встать на защиту» Польши. И через несколько дней после ее падения лицом к лицу встретиться с недружественной Германией, где-нибудь на Сане или Нареве. На линии соприкосновения сошлись бы две мощные военные группировки, вооруженные до зубов, к тому же относящиеся друг к другу с плохо скрываемой ненавистью.

А там – дело техники. Если даже противники с ходу не начнут между собой боевые действия, если политическая власть обеих стран попытается остановить маховик войны – у инициаторов этой бойни всегда в загашнике есть множество вариантов разжигания конфликтов. Где-то – несколько выстрелов в ночи, где-то – подорванный танк, где-то – разрушенный мост, ловко пущенные слухи, умело разожженная рознь – и пошла массовка! И начавшаяся кровопролитная русско-немецкая война станет приятным завершением всех многоумных английских планов сдерживания немецкого экономического роста.

Мудрые англичане в то время, когда адмирал Дракс в Москве делал круглые глаза перед Ворошиловым, когда член английской делегации генерал Хейвуд обещался выставить на линию огня аж пять пехотных и одну механизированную дивизию – в Лондоне тоже не дремали.

В кабинете министра внешней торговли Великобритании Хадсона Геральд Вильсон, доверенное лицо Чемберлена, вел с полномочным представителем Германии Вольтатом переговоры о «разграничении жизненного пространства» между Англией и Германией. А также об использовании новых рынков, включая рынки России и Китая, о возможности подписания англо-германского договора.

Да и в Берлине барон Рипп, представитель командования военно-воздушных сил Великобритании, о чем-то сговаривался с Риббентропом.

В общем, англичане, взведя польский капкан на германского зверя, решили под сурдинку заодно капитально оборудовать ловушку и для России.

***

Итак, ситуация июля 1939 г. вполне определенна.

Польша готовится воевать с Германией при любых раскладах – но о ее будущем никто из «союзников» (впрочем, как и руководство самой Польши) не думает. И «друзья», и враги отлично осведомлены о слабости польской армии, архаичности ее вооружения, внутренних проблемах страны и бессилии ее властей. Польшу заранее списывают в расход – прежде всего, Англия и Франция. Союзники сделали свое дело – убедили поляков выбрать во взаимоотношениях с Германией войну, подписав много красивых бумаг с гербами и печатями – теперь им можно смело умыть руки. Как поляки будут сражаться с вермахтом – для них, по большому счету, было уже не важно.

Что-то не так?

Если бы союзники всерьез рассчитывали на длительное и успешное польское сопротивление германской агрессии, они бы планировали какую-то серьезную помощь Польше.

Например, могли бы перебросить на польские аэродромы пять-шесть эскадрилий (100–120 самолетов) английских истребителей с английскими же пилотами (как они сделали это в 1942 г., перебросив свои самолеты для защиты Мурманска). Ведь «Харрикейн» принят на вооружение еще в 1937 г., к лету 1939 г. 19 эскадрилий в метрополии уже были укомплектованы этими современными истребителями. Поляки, кстати, заказали фирме «Хаукер» накануне войны несколько этих машин – но за наличный расчет, и первый истребитель в разобранном виде даже был отправлен в Польшу в июле 1939 г. Но один разобранный истребитель – это не пять эскадрилий вместе с летчиками и техническим персоналом.

Заодно – передать Польше и 45 легких бомбардировщиков «Бленхейм», поставленных вместо этого в Финляндию, 16 – улетевших в Югославию и 24 – в Румынию. Пусть бы эта эскадра (85 бомбардировщиков!) усилила польские ВВС! Нет, коммерческие интересы британских авиастроителей перевесили политические интересы британского правительства.

Или могли бы помочь полякам сформировать еще хотя бы две-три бронетанковые бригады, оснастив их теми пятьюдесятью средними танками Рено D-1B, что были французами за ненадобностью отправлены в Северную Африку, и двумя сотнями легких «Гочкисс» Н-39, которых у французов и так было завались – почти 1100 штук.

Да много чего еще можно было сделать в эти предвоенные месяцы!

А самым разумным (со стороны Польши) было бы, конечно, принять условия Германии…

Польша назначена жертвой. И назначили ее таковой западные «союзники».

Она еще не знает об этом, по крайней мере, об этом не знает ее население. Варшавское радио ежедневно хрипит о готовности лихих польских улан ворваться, если война начнется, через сутки в Берлин. Польские жолнежи еще старательно палят на стрельбищах и полигонах в фанерные мишени с характерными немецкими касками. Польский генштаб еще планирует рассекающие удары в Восточную Пруссию и в Поморье, охват Силезии и осаду Бреслау.

Но Польша обречена.

Польша уже списана со счетов своими «союзниками» – еще до первых выстрелов кровавого сентября тридцать девятого.

Она еще будет сражаться в безнадежных «котлах» и окружениях, ее сыны еще будут в самоубийственных кавалерийских атаках с шашками наголо бросаться на германские танки под Вулькой Венгловой, ходить в безнадежные штыковые атаки на германские пулеметы на Бзуре – она сделает все, что ждут от нее «союзники». И, в конце концов, она будет распята на германском кресте, истекая кровью и вызывая святую ненависть к безжалостным убийцам.

Она должна стать жертвой.

Она ею станет.

***

Первый пункт плана выполнен – Польша будет сражаться с немцами однозначно.

Но второй пункт все никак не выполняется – Сталин артачится, не хочет вступить в капкан, заботливо подготовленный союзникам.

Англия и Франция в июле 1939 г. еще твердо уверены, что СССР «встанет на защиту свободы» – посему адмирал Дракс и генерал Думенк не утруждают себя утомительными подробностями в переговорах с Ворошиловым. Никуда эти русские не денутся, подпишут конвенцию, залезут в заботливо приготовленный для них капкан – а там можно, помолясь, и начинать...

И вдруг – неожиданный финт советской дипломатии – большевики подписывают пакт о ненападении с Германией!

Сталин в последний момент, казалось, выскочил из англофранцузской мышеловки!

***

За что вся демократическая пресса мира, тысячи «прогрессивных» историков и прочих лизоблюдов выливают мегатонны грязи на Сталина и Молотова за подписанный 23 августа 1939 г. пакт – так это за то, что весь хитроумный план мировой закулисы благодаря действиям русского руководства бездарно и с треском провалился!

Именно поэтому. И ни по чему другому.

Этические нормы в политике не действуют. Все утверждения об обратном – разговоры в пользу бедных, и не более того. Главной целью Англии и Франции было развязать русско-германскую войну летом (или осенью) тридцать девятого года. Столкнуть два социалистических государства, разрушить их экономики, привести население к нищете и максимально обес-кровить вооруженные силы. Именно это и было сокровенным смыслом предвоенного планирования «союзников». То, что война между Германией и СССР началась лишь через два года – исключительно заслуга руководства Советского Союза, вырвавшего из зубов вненациональной финансовой олигархии два года мира, два года подготовки к войне...

«Санационная» Польша стала «детонатором» всеевропейского взрыва – но и все западные историки, и множество «российских», в один голос твердят, что причина гибели взлелеянного Пилсудским и Антантой польского государства – в сговоре Сталина и Гитлера 23 августа 1939 г. Дескать, вызвал Сталин Риббентропа, поделил с ним Восточную Европу – и немцы, получив вожделенный карт-бланш, зажгли мировой пожар, в котором благополучно и сгорели.

***

Так вот. Причиной Второй мировой войны мы смело можем считать сговор англо-французских политических кругов, в своей деятельности руководствовавшихся интересами мирового капитала. Им была нужна война с Германией – а вовсе не Германии нужна была война с ними!

Для разжигания контргерманского военного конфликта англо-французские союзники в качестве идеального «застрельщика» избрали Польшу. По двум ключевым причинам:

Во-первых, польское руководство было готово к войне с Германией и, не колеблясь, могло бросить в пламя этой войны свою страну и свой народ. А затем, бежав во Францию или Англию, создать «правительство в эмиграции» и продолжать виртуальную войну с Германией хоть до второго пришествия (вернее, до того момента, как ее «союзники» наберутся силенок для окончательного уничтожения Германии).

И, во-вторых, война Германии с Польшей приводила (при определенных обстоятельствах, кои «союзники» старательно создавали) к советско-германской войне, в каковой оба эти государства будут либо уничтожены, либо безнадежно ослаблены.

А относительно сговора Сталина с Гитлером… Да кто только в эти предгрозовые летние месяцы 1939 г. с кем не сговаривался! Просто «сговор» Германии и СССР дал неожиданный для англо-французов результат, а все остальные «сговоры» – нет.

***

Если даже этот «сговор» и был – мы за него с Польшей рассчитались сполна и даже с избытком. После Второй мировой войны только благодаря Сталину к Польше были присоединены восточные немецкие земли площадью более 100 000 квадратных километров. Это практически все Надвислянское Поморье с Гданьском, Западное Поморье со Щециным, «Великопольские земли» с Познанью, Нижняя Силезия с Вроцлавом и Верхняя Силезия с городом Катовице. При этом союзники приняли решение о депортации, проще говоря, об изгнании силезских и померанских немцев, чтобы обезопасить польское население на будущее. Прогон через ставшую польской территорию немецких женщин, детей и стариков (мужчины были в плену) сопровождался массовыми убийствами, грабежами, насилием, счет которым шел на десятки тысяч.

***

Частично английские планы стравливания Германии и СССР выдал (неумышленно) сам великий трибун Уинстон Черчилль. Выступая 1 октября 1939 г. по радио, он заявил:

«Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...» (Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С. 218).

***

Конечно, они бы предпочли, чтобы мы «стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши», как пушечное мясо для окопавшихся на английских островах хозяев мира; конечно, они бы хотели, чтобы мы начали войну с Германией еще осенью 1939 г.!

Англия хотела уничтожения своих двух самых заядлых врагов – Германии, которая, воспрянув от экономического коллапса Веймарской республики, начала семимильными шагами наращивать свой промышленный и военный потенциал, параллельно выдавливая из экономики евреев (которые держали в руках экономику всего Британского Содружества). И России – со времен Крымской войны эвентуального противника Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах и в Восточной Европе. В идеале – чтобы это уничтожение началось одновременно взаимной истребительной немецко-русской войной.

Именно для этого Великобритания сдала немцам Чехословакию. И именно для этого всеми силами подзуживала спесивых гонористых панов ни на дюйм не уступать немецким (в общем-то, достаточно разумным) территориальным требованиям. Поэтому внешне все выглядело именно так, как говорил Александр Исаевич Солженицын, начиная титаническую борьбу за святую правду-матку о Второй мировой. Наш живой классик, прежде всего, объявил, что виновницей войны была Польша. В выступлении по английскому телевидению 26 февраля 1976 г. так, без обиняков, назвал ее страной, «из-за которой и вся мировая война началась».

***

Безусловно, польский народ пал жертвой английской политики разжигания европейской войны. Это – факт, как бы ни пытались сегодняшние либеральные историки его заретушировать. Но нам незачем пытаться из «санационной» Польши делать невинную жертву – не важно, Германии или Англии. Польша и сама была не прочь сыграть роль агрессора и оккупанта, и ей это иногда вполне удавалось. Например, в период мюнхенского кризиса польское руководство сыграло самую подлую роль – как писал Черчилль: *«Польша... с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»*. Польша не просто предала Чехословакию – Польша к тому же сделала все, чтобы чехословаки остались один на один с Германией.

Накануне Мюнхена, инструктируя своего посла в Берлине для предстоящей беседы с Гитлером, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек дал ему следующую директиву:

«1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно благодаря занимаемой им позиции парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении...;

2. Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым...;

3. В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергало предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии.

4. Непосредственные претензии Польши по данному вопросу ограничиваются районом Тешинской Силезии».

К этой «директиве» Ю. Бек сделал интересное примечание: *«Прошу помнить, что исключительная серьезность положения позволяет смело ставить проблемы, значительно*

энергичнее, чем при нормальных переговорах». То есть Бек понимал, что его посол в Берлине будет вести не нормальные переговоры – он примет участие в разделе Чехословакии.

Подобное поведение должностных лиц Второй Речи Посполитой бальзамом на душу ложилось вождям Третьего рейха. Гитлера вполне устраивало «обгрызание» Чехословакии польским соседом (юридически произошел раздел ответственности за разграбление Чехословакии между Германией, Венгрией и Польшей) и тот факт, что такие бесчестные приемы дипломатии существенно ослабят международные позиции самой Польши.

Выступив с ультиматумом Чехословакии (30 сентября 1938 г.) и введя войска в Тешинский район, польское государство сыграло на руку Гитлеру.

Посол Польши в Германии Ю. Липский доносил Ю. Беку: *«Из высказываний Геринга было видно, что он на сто процентов разделяет позицию польского правительства... Охарактеризовал наш шаг как «исключительно смелую акцию, проведенную в блестящем стиле»... Риббентроп сообщил мне, что канцлер [Гитлер] дал высокую оценку политике Польши».*

То есть немецкое руководство положительно оценивает деятельность своих восточных соседей. Канцлера радует, что «забота о единокровных братьях по ту сторону границы» толкнула Польшу на солидарные с Германией шаги в отношении территории Чехословакии. А, кроме того, польский министр иностранных дел исступленно жаждал польско-немецкого похода на Восток. В ходе своего визита в Берлин он этого нисколько не скрывал.

Свидетельство Риббентропа: *«Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремления маршала Пилсудского, т.е. от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня».*

А когда Риббентроп вскоре прибыл в Варшаву, Бек был еще более откровенен: *«Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».* (Запись беседы Риббентропа с Беком. 26 января 1939 г., «Год кризиса», стр. 195). Правда, к тому времени польские дипломаты уже были несколько обеспокоены домогательствами Гитлера относительно Данцига и «коридора». Поэтому высказав «претензию на Советскую Украину», Бек «тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза».

Аналогичную позицию поляки занимали за три месяца до этого, когда обсуждался вопрос о судьбе Закарпатской Украины. В разговоре с советником посольства Германии в Польше Шелией вице-директор политического департамента польского МИДа М. Кобыляньский, специально оговорив, что выскажется более открыто, чем это может себе позволить пан министр, заявил: *«Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение. Вы видите, какое беспокойство вызывает этот вопрос в наших украинских областях. Мы подавляли и будем подавлять это беспокойство. Не делайте для нас невозможным проведение нашей политики. Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину».* Весьма характерно, что в обоих случаях той ценой, которую хотели заплатить польские руководители за соглашение с Германией, было – вместе с Германией отправиться в поход на СССР.

И эти шакалы – невинные жертвы?

ГЛАВА VIII
Сентябрьская катастрофа

***

1 сентября 1939 г. случилось то, что старательно подготавливалось английской политикой на протяжении 1938–1939 гг. – германский Рейх предпринял попытку вооруженной рукой решить «польскую проблему», ставшую благодаря действиям варшавских политиков невыносимо болезненным гнойником на восточноевропейском пространстве. Немецкие войска перешли польскую границу. Началась немецко-польская война.

Группы армий	Армии	Корпуса	Дивизии, бригады
«Север» Прибывала: 10-я ТД	3-я	21-й АК 1-й АК АК «Водриг»	21-я, 228-я**ПД 11-я, 61-я*ПД, тд «Кемпф» 1-я, 12-я, ПД 1-я кбр, гр. «Бранд», гр. «Медем» соед.«Данциг», 217-я**ПД
	4-я	3-й АК 2-й АК 19-й МК	50-я*ПД, бр. «Нетце» 3-я, 32-я ПД 2-я, 20 МД, 3-я ТД 23-я, 207-я*, 218-я** ПД 73-я*, 206-я**, 208-я** ПД
«Юг» Прибывали: 22 АК – 02.09 1-я ГПД – 02.09 2-я ГПД – 02.09 252-я*** ПД – 06.09 57-я* ПД – 12.09 56-я* ПД – 16.09 257-я* ПД – 20.09 258-я*** ПД – 25.09	8-я	10-й АК 13-й АК	24-я ПД 10-я, 17-я ПД, полк СС «Адольф Гитлер» 30-я ПД
	10-я	11-й АК 16-й АК 14-й МК 4-й АК 15-й МК	18-я, 19-я ПД 1-й, 4-й ТД, 14-я, 31-я ПД 13-я, 29-я МД 4-я, 46-я ПД 2-я, 3-я ЛПД 1-я ЛПД
	14-я	8-й АК 17-й АК 18-й МК 7-й АК	5-я ТД, 8-я, 28-я ПД, полк СС «Германия» 7-я, 44-я, 45-я ПД 2-я ТД, 4-я ЛПД, 3-я ГПД 239-я** ПД 27-я, 68-я* ПД 62-я*, 213-я**, 221-я** ПД

Немецкие войска на марше

Польша не была одинока в этой битве – во всяком случае, так думали польские солдаты и офицеры, обманутые своими политиками и генералами. Они надеялись, что будут сражаться против Гитлера плечом к плечу со своими западными союзниками. А как же, ведь Польша 31 марта 1939 г. получила военные гарантии Великобритании, Польша 19 мая 1939 г. подписала военную конвенцию с Францией! Западные союзники ее не бросят! В едином строю с западными демократиями Польша сокрушит нацистского зверя – против немцев вместе с поляками сражается весь свободный мир! Совокупные вооруженные силы этого антигерманского блока весьма внушительны и значительно превышают возможности вермахта. Конечно, польская армия архаична и плохо вооружена, но ведь она не одна!

3 сентября в 11.00 английское правительство предъявило Германии ультиматум – либо немцы восстанавливают статус-кво и выплачивают убытки и компенсаци, либо Великобритания считает себя в состоянии войны с Третьим рейхом. Время – шесть часов.

И ведь Гитлер почти согласился! При условии, разумеется, что Польша удовлетворит требования Германии, декларировавшиеся как цели этого вторжения – Данциг и экстерриториальная автострада. Понятно, что немецкие требования остались без ответа, и в 17.00 3 сентября 1939 г. немецко-польская война де-юре стала общеевропейской.

Союзники имели решающее превосходство над немцами на Западном фронте.

К началу сентября 1939 г. французские войска на германской границе насчитывали 3 253 000 человек, 175 000 орудий и минометов, 2850 танков только в линейных частях (не считая танков в ремонте, хранении, учебных частях и тыловых подразделениях), 1400 самолетов первой линии и 1600 в резерве. Кстати, вам не кажется подозрительным столь фантастически быстрое развертывание французской армии? В Первую мировую мобилизация Франции продолжалась две недели…

Кроме того, против немцев могли быть задействованы свыше тысячи английских самолетов. Из Великобритании готовилась переброска экспедиционного корпуса лорда Горта, четыре пехотные дивизии и две танковые бригады, всего около 100 000 солдат и офицеров, 1800 орудий и 450 танков.

Первые часы немецкого вторжения в Польшу

Французским (и в ближайшем будущем английским) силам противостояли 915 000 германских солдат, имевших 8640 орудий и минометов, 1359 самолетов и ни одного танка. Сооружение так называемого Западного вала, или «линии Зигфрида», на который должны были опираться эти войска, еще не было завершено.

***

Зато в Польше превосходство немцев над поляками в танках было пятикратным, в самолетах – четырехкратным, и безусловным оно было в выучке войск и желании победить.

Польская армия в лице ее офицерского корпуса желания победить в эти сентябрьские дни 1939 г. категорически не выказала. Польское государство (его высшие руководители, несшие ответственность перед польским народом за судьбу страны) однозначно выказало твердое желание куда-нибудь сбежать. И чем дальше – тем лучше.

Польская армия – ее офицеры и генералы – с первыми же выстрелами этой войны приготовилась понести поражение. Или все было не так?

Увы. Именно так. И ход событий на главном театре, в междуречье Варты и Вислы, это с прискорбием подтверждает.

В первый же день войны немцы на севере, со стороны Восточной Пруссии, нанесли удар по армиям «Модлин» и «Поможе» и принудили их к поспешному отступлению. К полудню 2 сентября немецкие штабы уже спешно корректировали свои планы – теперь им нужно было наступать не строго на юг, а уже на юго-юго-восток, на Пултуск, ибо именно туда устремились бегущие польские дивизии.

А на юге немцы уже к исходу 1 сентября нащупали разрыв между польскими армиями «Лодзь» и «Краков» (так называемый «ченстоховский коридор») и быстро вогнали в него танковый клин – с дирекцией на Пиотркув-Трибунальский.

***

Вечером 2 сентября тревога, нараставшая в Варшаве, вылилась в категорическом приказе Рыдз-Смиглы командующему армией «Лодзь»: ночью отвести все силы армии на главную линию обороны и *«создать сильный резерв»*.

Теперь уже и Руммель (командующий армией «Лодзь») не видел другого исхода, кроме оставления передовых позиций. В 20 часов 30 минут последовало его распоряжение: *«Главными силами армии отойти в течение ночи за реки Варта и Видавка, где перейти к упорной обороне подготовленных позиций»*.

Итак, на второй день войны армия «Лодзь» оставила передовые позиции. В последующие сутки она с боями отступила к северу, на главную позицию, за Варту и Видавку. Теперь все больше и больше вырисовывалась основная угроза на стыке армий «Лодзь» и «Краков».

Для наступления немецкой ударной группировки в «ченстоховской бреши» складывались благоприятные условия в значительной степени также и благодаря ошибкам командования армии «Краков». Оно недооценило угрозу со стороны открытого северного фланга и не приняло никаких мер к его защите. Изучение материалов армии «Краков» приводит к выводу, что в этот период командование армии беспокоилось за свой южный фланг значительно больше, чем за северный. Генерал Шиллинг считал, что развитие немецкого наступления с юга в краковском направлении создает угрозу катастрофы для всего польского фронта.

На самом деле, угрозу катастрофы для всего польского фронта создавал именно прорыв двух немецких моторизованных корпусов на северном фланге армии «Краков»!

***

Командующий армией «Краков» северный участок расценивал как менее опасный, так как, видимо, надеялся, что «главный резерв верховного командования», то есть армия «Прусы», сможет парировать удар, наносившийся севернее Ченстохова.

В действительности же на юге немецкий 22-й моторизованный корпус вскоре пробился к Иордануву. Общее положение армии «Краков» становилось тяжелым. Немецкие прорывы на северном фланге дополнились разгромом центра южнее Катовице, где 5-я танковая дивизия немцев, разбив 6-ю польскую дивизию, прорвалась к Освенциму. В руки немцев попали склады горючего и снаряжения. «Кризис резервов» лишал возможности закрыть многочисленные бреши. Переданная армии «Краков» по приказу главного штаба в качестве резерва 22-я пехотная дивизия еще только разгружалась западнее Кракова.

Генерал Шиллинг и его штаб единственно возможным решением теперь стали признавать только отход. В 14.30 2 сентября командующий армией связался с Варшавой и доложил Рыдз-Смиглому: *«...положение требует оставления Силезии и сосредоточения ближе к Кракову»*. Главком немедленно согласился и приказал отводить одновременно оба крыла, чтобы «не позволить разорвать армию на части». Однако через полтора часа Рыдз-Смиглы, представлявший себе обстановку довольно фантастически, передумал и приказал «обождать с отходом еще сутки». Он захотел, чтобы Шиллинг «создал резервы за счет войск, обороняющихся на менее угрожаемых участках», и продолжал оборону. Какие резервы? Где эти участки? Штаб армии «Краков» пережил еще два мучительных часа, пока решение главкома вновь не изменилось.

В 18 часов главнокомандующий окончательно решил, что надо отходить. Шиллинг отдал приказ уже отходившей армии на отступление к востоку и юго-востоку за линию рек Нида и

Дунаец, то есть на 100–170 км. Это решение имело далеко идущие последствия: немцам отдавалась Силезия с промышленным районом Кракова; уже на второй день войны фактически ликвидировался южный участок польского фронта, который, согласно первоначальным замыслам, рассматривался как его «опора»; обнажался южный фланг армий «Лодзь», «Познань» и «Прусы». Немецкая группировка получила возможность развивать наступление в южные и юго-восточные районы Польши. Польские оперативные планы срывались.

***

В таких условиях намеченная на ближайшие дни упорная оборона армии «Лодзь» на ее главных позициях вдоль рек Варта и Видавка, несмотря на возможность приостановить противника с фронта, была уже в оперативном отношении бесперспективна, а в стратегическом – губительна. Отход армии «Краков» обнажал южный фланг этих позиций. Однако войска армии «Лодзь» отходили на позиции Варты и Видавки с намерением их удержать. В последующие дни здесь разгорелось упорное сражение, которое не могло принести и подобия успеха.

Тем не менее, в штабах еще не были потеряны все надежды. Ведь позади разбитой и отступающей армии «Краков» и уже полуокруженной армии «Лодзь» находился «главный резерв» – армия «Прусы», которая, как думали в Лодзи, Кракове и Варшаве, могла существенно изменить обстановку.

Армия «Прусы», согласно плану войны, должна была развертываться за внутренними флангами армий «Лодзь» и «Краков». Ей предстояло сосредоточиться в треугольнике Томашув-Мазовецки–Кельце–Радом. К началу войны из девяти соединений армии «Прусы» прибыли по железной дороге и выгрузились только три. Остальные войска главного резерва 1 сентября еще отмобилизовывались, частично двигались в эшелонах или находились на погрузке.

***

Штаб немецкой группы армий «Юг» вечером 3 сентября считал, что поляки до сих пор ввели в действие еще только часть своих сил и что оказывать решительное сопротивление в пограничном районе они не собираются. В наибольшей мере штаб группы «Юг» угнетала та перспектива, что поляки сумеют избежать сражения западнее Вислы и Сана, выйдут из-под охватывающих ударов и сорвут тем самым весь германский стратегический замысел. Оценивая именно таким образом вечером 3 сентября обстановку, Рундштедт приказал войскам группы армий «быстрым продвижением всех частей вынудить противника к сражению впереди Вислы и Сана, разбить образующиеся группировки. При этом возникает необходимость, – писал он, – скорее добиться окончательного решения, не упуская из виду, что цель армии состоит в том, чтобы скорее продвинуться за Вислу и Сан».

Вечером 3 сентября штаб 10-й армии, приняв отход армии «Лодзь» за Варту и Видавку за ее полное отступление к Висле и считая ее разбитой, отдал войскам приказ на «продвижение вперед через Варту и переход в беспощадное преследование разбитого противника в направлении Варшавы». Впереди главных сил армии должен был действовать 16-й моторизованный корпус. Он получил задачу «двигаться в качестве армейского авангарда... дальше через Пиотркув на Томашув». Здесь мы встречаем понятие «армейский авангард», под которым немецкое командование подразумевает выдвинутое впереди пехоты подвижное соединение.

***

Далеко не точная оценка действий польской стороны штабами группы армий «Юг» и 10-й армии привела к преждевременному вводу второго эшелона 10-й армии – 14-го моторизованного

корпуса. Образовалось перенасыщение войск на главном направлении. Дороги оказались перегруженными, управление войсками нарушилось, и общие темпы наступления упали. Армия «Лодзь», отступившая к 4 сентября на главную позицию вдоль Варты и Видавки, начала свое последнее крупное сражение, пытаясь слабыми силами остановить натиск десяти германских дивизий. Это сражение получило название «Сражение на Варте и Видавке».

Закрепиться на новом рубеже армия не успела. На ее правом фланге Кресовая кавалерийская бригада отошла с рубежа Варты. Вслед за отступавшими немецкие передовые отряды захватили мосты через реку, и вскоре открытый фланг армии «Лодзь» был обойден с севера. На левом фланге армии «Лодзь» 1-я танковая дивизия дезорганизовала слабую оборону созданной здесь наспех группы генерала Тано и двинулась к северу, в тыл армии, на Пиотркув.

Генерал Руммель только около полуночи узнал о форсировании немцами Варты на плечах бегущей Кресовой кавалерийской бригады, о наступлении немецких танков к Пиотркуву и о других деталях той тяжелейшей обстановки, которая складывалась на фронте и о которой штаб так долго не имел сведений. Информация снизу вверх шла часами. Теперь командование армий все больше возлагает надежд на помощь армии «Прусы». Положение на левом его фланге, думал Руммель, мог поправить только сильный контрудар резервной армии, в который постепенно включились бы и левофланговые части армии «Лодзь». Поэтому в 22.30 4 сентября Руммель вызвал к телеграфному аппарату главнокомандующего и просил его о поддержке «главным резервом».

Но Рыдз-Смиглы считал, что ввод армии «Прусы» преждевременен, так как неизвестно, в какую сторону повернут немецкие танки.

***

Резервная армия получила из Варшавы пассивную задачу: обеспечить Пиотркув и узел Опочно. Армии «Познань» (все это время бесцельно стоящей перед полупустыми немецкими укреплениями Мезеритского укрепрайона) было приказано отойти в тыл, чтобы «после перегруппировки перейти в наступление». Такое решение вновь свидетельствовало о недооценке главным командованием всей сложности обстановки на решающем участке фронта и незнании общего состояния войск. Все еще надеясь удержать армией «Лодзь» позиции на Варте и Видавке, оно теряло время, позволяя немцам все глубже охватывать ее фланги.

***

Наступило 5 сентября – последний день обороны армии «Лодзь» на главной позиции. В этот день правофланговая 10-я ди-визия не смогла сдержать натиск четырех немецких дивизий. Массированными артиллерийскими ударами немцы проложили путь своей пехоте через тонкую нить польских боевых порядков севернее и южнее Серадза. Истекавшая кровью 10-я дивизия стала отходить под ударами авиации. Охватывающий маневр 10-й армии получал беспрепятственное развитие. Южный фланг армии «Лодзь» все глубже обходил немецкий 16-й моторизованный корпус. Командование армии окончательно убедилось, что линия Варта–Видавка потеряна. В 18 часов 15 минут начальник штаба сообщил в штаб главнокомандующего: «10-я пехотная дивизия рассыпалась, собираем ее в Лутомиерск. Поэтому оставляем линию Варта–Видавка, которую невозможно было удержать... Просим уведомить армию «Познань», чтобы направила 25-ю пехотную дивизию на Унеюв и Поддембнице для обеспечения себя... Положение тяжелое. Это – конец».

Через 15 минут Руммель в разговоре с Рыдз-Смиглым подтвердил оценку положения, данную его начальником штаба, и просил разрешить отступление, которое фактически уже совершалось на всем фронте. Ненужное согласие было получено, и штаб армии «Лодзь» отдал формальный приказ на отход своих разбитых, истекавших кровью полков в направлении города Лодзи. Сражение на Варте и Видавке закончилось.

Отступающие полки и бригады армии «Лодзь» постепенно превращались в толпы беглецов, густо разбавляемые по пути следования беженцами. Командование уже не руководило отступлением – большинство офицеров бросило вверенные им части и бежало в Лодзь и Варшаву. К позднему вечеру 5 сентября армия «Лодзь» прекратила существование как организованная вооруженная сила.

***

Теперь у польского командования оставалась лишь единственная надежда, что немецкая танковая группировка, двигающаяся через «ченстоховскую брешь», все же будет остановлена частями резервной армии «Прусы». Мы знаем, что армия «Прусы» к моменту ввода в сражение еще не успела сосредоточиться. 4 сентября в район Пиотркува прибыли только две пехотные дивизии (19-я и 29-я) и Виленская кавалерийская бригада. Эти соединения заняли оборону на широком фронте в значительном отрыве друг от друга. Связь со штабом армии «Лодзь» отсутствовала.

Днем 5 сентября немецкая 1-я танковая дивизия вышла на подступы Пиотркува и при поддержке авиации атаковала 19-ю пехотную дивизию. Командир последней, как только начался бой, оставил свой командный пункт и уехал в штаб армии «договариваться о наступлении». Ночью на одной из дорог он наткнулся на немецкую танковую колонну и был взят в плен.

19-я пехотная дивизия отдельными группами отошла севернее Пиотркува, преследуемая передовым отрядом 1-й танковой дивизии, который вскоре оказался в тылах армии «Прусы». Это вызвало панику в войсках, вскоре распространившуюся на весь участок фронта вплоть до Варшавы. К утру 6 сентября 19-я пехотная дивизия поляков фактически разбежалась, и несколько позже большая часть ее солдат и офицеров была пленена.

Немецкие передовые танковые отряды, продолжая двигаться к северо-востоку, атаковали западнее Томашува только что прибывшие подразделения 13-й пехотной дивизии и нанесли им поражение.

***

Мысль о необходимости действовать активно все же не покидала командующего армией «Прусы» генерала Демб-Бернацкого, и поэтому когда он днем 5 сентября прибыл в штаб 29-й пехотной дивизии в Сулеюв, то немедленно отдал приказ о наступлении. План командарма был прост: ударом всеми силами армии (к тому времени «все силы армии» составляла одна лишь 29-я пехотная дивизия; 19-я пехотная была разгромлена, 13-я понесла серьезные потери от немецких танков, Виленская кавалерийская бригада утратила связь с командованием армии) от Пиотркува и южнее, строго на запад, разбить немецкую 1-ю танковую дивизию. 29-я пехотная дивизия готовилась наступать двумя колоннами. Главная колонна формировалась в Сулеюве.

Город, особенно его окраины, был забит беженцами, ранеными, обозами, отходящими солдатами. Все это перемешалось, никто не знал, где что происходит, где дерутся и где отступают, отовсюду шли панические слухи. Налеты немецкой авиации увеличивали хаос. Сюда и явился во второй половине дня генерал Демб-Бернацкий. Он изменил ранее

отданный приказ. Теперь предполагалось Виленскую кавалерийскую бригаду отвести за Пилицу и охранять ею переправы, а пехотными дивизиями – наступать. Будучи уверенным в выполнимости такого приказа, генерал около полуночи уехал из Сулеюва в Пиотркув. Близ окраины он был обстрелян немцами из города, и только случайность избавила его от плена. Теперь командующий стал гораздо яснее представлять сложность обстановки. Он немедленно вернулся в Сулеюв, где его настигла радиограмма из Главного штаба, информирующая об отходе армии «Лодзь» и приказывающая войскам армии «Прусы» отступить севернее Пиотркува. Демб-Бернацкий отдает приказ 29-й пехотной дивизии повернуть на север, а Виленскую бригаду решает отвести за Пилицу к юго-востоку. Но 29-я пехотная дивизия уже двигалась по нескольким дорогам на запад, выполняя предыдущий приказ о наступлении; связи с ней не было. Время шло. Офицеры, направленные в части, чтобы вручить новый приказ, не смогли их своевременно разыскать. Приказы вручались разновременно, дивизия стала расползаться в разные стороны и вскоре была разбита.

***

На этом закончила свое существование резервная армия «Прусы», а вместе с ней исчезла и последняя надежда польского командования изменить обстановку на юге. «Главный резерв» растворился в общем потоке событий, не оказав на их ход заметного влияния. Теперь для войск немецкой 10-й армии открывалась перспектива быстрого развития удара в Центральную Польшу.

В первый же день войны из Варшавы бежал президент Польши Мосцицкий – немцы от столицы Польской державы были еще в четырехстах километрах. 4 сентября начало паковать чемоданы, а 5-го удрало и все правительство – немцы все еще были в двух с половиной сотнях километров от Варшавы.

Многие офицеры Главного штаба и особенно верховный главнокомандующий примерно со 2 сентября стали смотреть на войну как на проигранное дело. Именно в этот день Рыдз-Смиглы бросает в своем окружении известную фразу о неминуемом разгроме польской армии. Несколько дней спустя он называет этот разгром «фатальной неизбежностью». Правда, имелись люди, которые верили в возможность каких-то изменений событий к лучшему. Но, кроме помощи западных союзников, они не видели других реальных средств, могущих повернуть течение событий в желаемое русло.

Офицеры штаба и ответственные руководители были абсолютно дезориентированы, быстро переходили от необоснованного оптимизма, вызываемого более или менее благоприятным сообщением, к упадку духа при получении докладов о событиях, которые постепенно развертывались на фронте. Сообщения с театра военных действий создавали у них, оторванных от полей сражения и замкнувшихся в обширном здании на одной из улиц Варшавы, самые зловещие картины.

Вспышки энергии перемежались моментами безразличия и пассивности. Методам управления был присущ формализм, который охватывает обычно штаб, когда руководители психологически смирились с поражением раньше, чем оно стало фактом на полях битв. Главный штаб шел за событиями, развертывающимися помимо его воли, и не мог подчинить их своему влиянию.

***

Правительство и президент Польши бежали из столицы, но у высшей гражданской администрации был законный повод к такому безоглядному бегству – директива, которую дал польской армии сменивший на посту диктатора Польши Пилсудского маршал Рыдз-Смиглы, главнокомандующий польской армией.

3 сентября (на третий день войны, напомню) он приказал Главному штабу: *«В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, следует ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...».* Иными словами – маршал ориентировал своих офицеров не на организацию обороны по линии Нарев–Висла–Сан (с тыловой позицией, опирающейся на Брест-Литовскую цитадель и непроходимую для войск Беловежскую пущу), а на безоглядное бегство к румынской границе.

Этот приказ – признак полного и абсолютного личного поражения маршала Рыдз-Смиглого; его войска еще сражаются, его солдаты умирают – а он уже списывает свою армию со счетов. Это, мягко говоря, измена – всего на третий день войны приказ главкома говорит не об уничтожении прорвавшихся немецких колон и даже не об отводе войск на рубеж Нарев–Висла–Сан, а просто о бегстве. Дело в том, что означенный закуток польской территории у границы «союзной Румынии» (она им была союзная против СССР, а не против Германии!) был шириной едва ли 120 км, с запада ограниченный землями Венгерской короны (бывшей чехословацкой Подкарпатской Руси), с востока – советской границей, и не имел ни естественных, ни искусственных рубежей обороны. Отдать приказ о бегстве армии в это захолустье – значит, лишить ее каких бы то ни было шансов на организованное сопротивление. Бежать – и никаких гвоздей!

Приказ не говорил о том, чтобы сохранить в румынском приграничье остатки государственности; приказ ориентировал войска и гражданскую администрацию на безоглядное бегство. И с военной точки зрения этот приказ поражает. Для того чтобы с западных границ, от Познани, отвести польские дивизии на юго-восток, к восточным отрогам Карпатского

хребта, им нужно было двигаться вдоль фронта наступающих немецких 10-й и 14-й армий, которые наступали на северо-восток, к Варшаве, почти семьсот километров! А польским дивизиям у Восточной Пруссии, в так называемом «польском коридоре», надо было отступать на юг, параллельно с наступающими немцами.

Впрочем, на отступление войск маршал Рыдз-Смиглы и не рассчитывал – смешно бы было! Главное в этом действе польских главарей было совсем не спасение армии (с вариантом интернирования ее в Румынии). Главное было совсем в другом.

Действующие руководители Польши бежали из страны (обрекая ее на исчезновение как суверенного государства) вовсе не потому, что так уж боялись немцев (как пишет Ю. Мухин) или надеялись организовать в занюханных Залещиках свой польский Сталинград – Варшава для этого подходила намного лучше.

Они бежали именно ДЛЯ того, чтобы Польша, захваченная вермахтом, ПЕРЕСТАЛА СУЩЕСТВОВАТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПОЛЬСКОГО НАРОДА, в то же время де-юре продолжая оставаться в состоянии войны с Германией!

Иными словами – если бы президент Мосцицкий и маршал Рыдз-Смиглы остались на польской территории (не важно, в Бресте, Каменце или Залещиках) – с ними немецкое политическое руководство вынуждено было бы подписывать условия капитуляции, а затем – ПЕРЕМИРИЯ. Любая война, сколь угодно долгая, всегда кончается миром – ибо войну ради войны ни один здравомыслящий политик не ведет. То есть немцы, имея перед собой полномочных польских представителей, руководителей государства – могли бы (по праву победителей), подвергнув Польшу разным гнусностям типа репараций, аннексий и контрибуций, навязать им подписание

политического документа о прекращении германо-польской войны. И тогда бы война, объявленная Англией и Францией Германии в защиту Польши, «повисла бы в воздухе» – раз сама Польша в лице ее уполномоченных на то политических деятелей согласна с условиями, которые выдвигают немцы для заключения мира – то какого рожна в этом деле делать французам вкупе с просвещенными мореплавателями? Союзники получаются лишними! И им ничего не остается, как также свернуть свою шарманку на Западном фронте.

Бежав из страны, польские руководители передавали в руки своих западных «друзей» неубиваемый козырь – раз Польша де-юре НЕ ПОБЕЖДЕНА Германией как государство (мирного договора, венчающего ЛЮБУЮ войну, НЕ СУЩЕСТВУЕТ), раз польское правительство в изгнании продолжает вести с оной Германией войну (не важно, что это правительство располагает считанными единицами кораблей, сотней летчиков и десятком тысяч солдат и офицеров сухопутных войск) – союзники на абсолютно законном основании ПРОДОЛЖАЮТ вести войну с Германией «за освобождение Польши»!

Именно для того, чтобы западные союзники Польши имели на руках практически вечную причину войны против Германии, и бежало польское руководство из пределов любезной Отчизны. Политические цели дельцов лондонского Сити и Уолл-стрита были для «вождей» Второй Речи Посполитой намного важней судеб тридцати пяти миллионов человек, доверивших им управление страной – увы, этот прискорбный факт мы можем констатировать с полной уверенностью.

***

Немецкое командование полагало, что поляки, даже потерпев поражение в приграничном сражении, все же будут способны закрепиться на рубеже Нарев–Висла–Сан, и поэтому непрерывно посылало к востоку от Вислы авиаразведку.

Немецкий Генштаб предполагал, что польское командование найдет в себе силы организовать «последний и решительный» бой наступающим немцам на естественных водных рубежах – не без шанса перевести скоротечную военную кампанию в длительную окопную войну, что немецким генералам совсем не улыбалось.

Но где там! Все польское военное руководство вкупе с ордами чиновников, плюнув на вверенные войска, бросилось бежать – сначала на восток, в сторону Бреста, а затем к румынской границе – и тревоги немцев оказались напрасными. А 11 сентября до немецкого Генштаба дошла от румын информация: «Начался переход польских кадровых солдат в Румынию».

Зачем маршал Рыдз-Смиглы отдал этот немыслимый, пораженческий приказ?

Ответ один: ему и правительству нужен был повод к бегству. Если бы войска отходили на рубеж Нарев–Висла–Сан и закреплялись там, а маршал, Генеральный штаб и правительство удрали бы в Румынию, то как бы это выглядело? А так – все красиво и элегантно, главком и генштаб бегут на юг не просто так, а вместе с вверенными частями. Правда, бросая на произвол свою собственную страну – но какое дело польским вождям до своего народа? Главное – спасти свою шкуру…

***

А ведь за две недели до начала боев Гальдер записал в дневнике оптимистическую оценку Гитлером времени, необходимого для победы над Польшей: *«Необходимо, чтобы мы в Польше достигли успехов в ближайшее время. Через 8–14 дней всему миру должно быть ясно, что Польша находится под угрозой катастрофы. Сами операции, естественно, могут продлиться дольше (6–8 недель)».*

Наивный военный профессионал! Какие 6–8 недель! Столько ждать не пришлось, уже 10 сентября Гальдер записал в своем дневнике, выделив шрифтом: *«Успехи войск баснословны»*. Нельзя даже сказать, что немцы разгромили польскую армию; они этого просто не успели сделать. Ибо с бегством командования польская армия перестала быть армией, превратившись в миллион вооруженных мужчин, бесцельно слоняющихся по Польше – и никаких осмысленных действий по сопротивлению немецкому нашествию просто не смогла предпринять. Немцы разбивали попавшиеся им на пути польские дивизии – в то время как другие польские дивизии, не подвергшиеся удару, ждали с моря погоды «с винтовкой у ноги».

Политическая география была в пользу немцев – очертания немецко-польской границы, которая на обоих флангах (на севере и юге) глубоко уходила на восток, охватывая полукольцом западную половину Польши, позволяли запланировать один удар с севера, вдоль Вислы, второй – с юга, западнее Кракова, на Варшаву. И где-нибудь в районе Ловича соединить танковые клинья и этим окружить польские армии в западной части Польши.

Уже через три дня наступления первоначальный стратегический немецкий план безнадежно сломался – но не потому, что встретил ожесточенное сопротивление польских войск. Он рухнул совсем по другой причине.

Немцам этот план сорвало польское Верховное командование. Оно фактически утратило волю к сопротивлению, уже на третий-четвертый день войны, прекратив руководить войсками – в результате чего польские части оказались предоставленными сами себе. Какие-то полки и дивизии ожесточенно сражались, какие-то пребывали в напряженном ожидании приказов вышестоящего командования (которые, если и приходили – безнадежно запаздывали), какие-то разваливались при первом же столкновении с немецкими разведгруппами –

но армия уже к исходу 10 сентября перестала быть армией, и многие части начали хаотичный отход на Восток, за Вислу.

Это заставило немцев стремительно корректировать первоначальные планы своего наступления – для того, чтобы довершить разгром польских частей уже на правом берегу Вислы.

Среди рядовых и младших офицеров польской армии постоянное отступление (зачастую – даже без огневого контакта с наступающим где-то за горизонтом врагом) вызывало массовые разговоры о предательстве и измене. Целые дивизии Войска Польского в конце этой, действительно, странной войны капитулировали, не успев сделать по врагу ни одного выстрела! Горечь отступления по родной земле, укоризненные взгляды бросаемого на произвол судьбы населения, полное непонимание обстановки – все это, в конце концов, привело к «битве на Бзуре» – сражению столь же бессмысленному, сколь и героическому, по своему нравственному накалу равноценному подвигу крейсера «Варяг». Армия «Познань» и части армии «Поможе», сойдясь в безнадежной битве с 8-й немецкой армией, доказали немцам, что польский солдат способен геройски умереть – увы, польское верховное командование доказало всему миру, что способно лишь трусливо бежать.

***

К 6 сентября перед 10-й немецкой армией уже не существовало организованного польского фронта. Немецкие подвижные войска устремились по всем дорогам к северо-востоку, на Раву-Мазовецкую и Радом. Дальнейшую задачу моторизованных корпусов штаб 10-й армии рассматривает как преследование разбитого врага и 6 сентября отдает приказ: *«Противник находится в полном отступлении к Висле южнее Варшавы. Варшава будет очищена. 10-я армия беспощадно преследует отступающего противника и прорывается на линию Вислы: Пулавы–Гура Кальвария.*

Чтобы преградить противнику переход через Вислу, будут созданы три группы преследования: справа 15-й моторизованный корпус, в середине 14-й моторизованный корпус, слева 16-й моторизованный корпус...». Понятие «армейский авангард», введенное 4 сентября по отношению к 16-му моторизованному корпусу, заменяется понятием «группы преследования» – ибо польские войска, фактически прекратив сопротивление, начали хаотичный отход на юго-восток, пытаясь выполнить приказ своего главкома.

Польский фронт на юге окончательно рушился. 14-я немецкая армия достигла подвижными частями реки Дунаец у Тарнува. 8-я армия приближалась к Лодзи и верховьям Бзуры, где вскоре разыгралось еще одно кровопролитное сражение. Но это сражение уже ни на что не влияло – катастрофа польской армии становилась неизбежной.

Представитель французской армии при польском генштабе, незнакомый с хитромудрой политикой своих вождей, 10 сентября доложил в Париж, что «здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля и даже о положении своих собственных войск информировано очень неполно или вовсе не информировано. Генеральный штаб распался на две части... Польская армия собственно была разгромлена в первые же дни».

***

Эта война, несмотря на ее неприлично короткий характер, полна мифами, сварганенными польскими послевоенными мюнхгаузенами и битыми в России немецкими генералами. Первые писали о героизме польской армии, о подвигах, о величии духа, вторые – о вопиющих глупостях, сотворенных за несколько дней этой войны Войском Польским.

К числу последних, безусловно, относятся конные атаки польской кавалерии, которые на фоне тогдашней «войны моторов» воспринимались как романтический анахронизм и породили известную легенду о храбрых, но безрассудных уланах, бросавшихся с пиками и саблями на немецкие танки. Созданию этого мифа немало способствовал генерал Гудериан, изо всех сил популяризировавший «природную дикость» поляков, пытавшихся подобными архаичными методами бороться с могучей машиной – творением военного и технического гения германского народа.

Да, было дело – в кровавом сентябре 1939 г. польская кавалерия, действительно, совершила, по крайней мере, шесть атак в конном строю. Однако только две из них характеризовались наличием на поле боя немецких бронеавтомобилей (1 сентября под Кроянтами) и танков (19 сентября при Вульке Венгловой), причем в обоих эпизодах бронетанковая техника не была целью атаки кавалерии. Да и вообще, в польской кавалерии конная атака (szarza) была, скорее, исключительным видом боя – устав предписывал коннице перед боем спешиваться. Инициатива конных атак 1939-го года исходила, как правило, от самих командиров кавалерийских частей и подразделений, а в одном случае (под Калушином) польский эскадрон атаковал подобным образом вследствие неправильно понятого приказа старшего начальника.

***

На самом же деле бравые польские уланы в это время все чаще вместо «ура» кричали знаменитое «Панове, уцекай!». Этот бодрый клич появился сразу же после того, как они убедились, что у еще недавно доведенной западными союзниками до нищеты и экономического коллапса Германии оказалось «столько железа» (для танков), что они вполне смогут доехать на нем до Смоленска.

Может быть, польская армия и сражалась бы беззаветно, мужественно и до последнего солдата. Может быть, уланы и стрелки грудью бы стояли против немецких танков. Все может быть – но в этой битве не было бы уже никакого смысла.

Потому что (цитирую Типпельскирха): *«Когда польское правительство поняло, что приближается его конец, оно 6 сентября бежало из Варшавы в Люблин, оттуда оно выехало 9 сентября в Кременец, а 13 сентября – в Залещики – город у самой румынской границы. 16 сентября польское правительство перешло границу. Народ и армия, которая в то время еще вела последние ожесточенные бои, были брошены на произвол судьбы».* (Курт фон Типпельскирх. «История второй мировой войны», Т. 1, стр. 23–25).

Впрочем, надо отметить, что столь позорное поведение высшего руководства отнюдь не есть прерогатива исключительно польских главарей. Бывало подобное и в нашей истории. «Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас на произвол судьбы, бежал! Бежал, как последняя каналья и трус! Сегодня же, через час после гетмана, бежал и командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков». (Михаил Булгаков. «Белая гвардия»).

***

16 сентября Польша лишилась военного и гражданского руководства. К рассвету 17 сентября территория бывшей Польши стала бесхозным проходным двором, территорией «для разного рода неожиданностей».

Были, конечно, и поляки, защищавшие Польшу, и были даже героические и самоотверженные действия отдельных польских частей и подразделений – но на фоне предательства своей страны польским верховным руководством все это не имело никакого смысла.

Впрочем, в своем большинстве польский офицерский корпус оказался, увы, не на высоте. Почему? Потому, что Войско Польское продемонстрировало немыслимое (для армии, только что вступившей в войну) соотношение между убитыми польскими офицерами и солдатами. Обычно в первые недели войны офицеров гибнет непропорционально много, а потом, когда армия становится более опытной, это отношение снижается до 1:10–1:12. Например, во французской армии в боях 1940 г. на 10 убитых офицеров приходилось 23 солдата – фронт рушился, и офицеры собственным примером пытались заставить солдат сражаться.

В польской же войне 1939 г. на одного убитого польского офицера приходилось более тридцати двух убитых солдат! Польских офицеров гибнет в двенадцать раз меньше, чем французских!

При упорной обороне или в контратаках офицеров должно погибать много – если армия только что отмобилизована, стойкость ее надо поддерживать офицерам, в том числе личным примером. Отсюда – неизбежные высокие потери офицерского корпуса.

Если же офицеров погибает очень мало – это либо армия высокопрофессиональна и ее комсоставу нет нужды подставлять свои головы под пули, либо этот комсостав позорно бежит впереди своих же бегущих солдат, подальше от вражес-ких пуль и осколков.

Поскольку польская армия сентября 1939 г. ну никак к высокообученному войску отнесена быть не может – значит, в нашем случае более вероятен второй вариант.

То есть польские офицеры, бросив вверенных им солдат, элементарно бежали с поля боя – отсюда и их сверхнизкие потери убитыми.

И еще одно крайне прискорбное соотношение цифр.

На 1967 убитых в сентябре польских офицеров приходится 28 000 взятых в плен! Как пишет Ю. Мухин: *«Немцы убивали одного польского офицера, и 14 сразу сдавались на милость победителя»*.

Это много. Это немыслимо много. Это катастрофически много для армии, за сутки до войны грозившей врагу взять его столицу. И это позорно много для государства, готовившего свою армию к войне именно с этим врагом все годы ее существования.

***

Общее число убитых за Родину польских военнослужащих за почти шесть лет войны – 123,2 тыс. человек. Это составляет 35 убитых на 10 000 населения. Советская Армия потеряла в боях с немцами и их союзниками 8 668 000 человек, что на 10 000 населения составляет 458 человек – в тринадцать раз больше, чем сбежавшее от врага Войско Польское! Ладно, Советский Союз, но даже Англия, сражаясь за Польшу, на 10 000 населения потеряла 58 человек! А ведь Англия, в отличие от СССР, формально вступила в войну за освобождение Польши.

Маршал Рыдз-Смиглы и его генералы и офицеры не просто проиграли битву, не просто потерпели поражение в войне.

16 сентября 1939 г. «санационная» Польша безоговорочно утратила право на национальную гордость, ее офицеры – на честь, ее генералы – на доблесть, а ее правители – на простую человеческую совесть и уважение своего народа.

ГЛАВА IX
Воссоединение братских народов

***

К вечеру 16 сентября единственным хозяином Польши стал вермахт. Это – исторический факт. И даже не имеет значения, что польские части еще сражались, что еще держалась растерзанная люфтваффе Варшава – истина в том, что правительство Польши бежало из страны, бросив ее на произвол судьбы.

Выполнив ту главную цель, ради которой и существовало – спровоцировав Большую Европейскую Войну.

В горячке стремительного наступления немецкие генералы могли малость напутать, ухватить кусок польской территории пожирней – поди потом разбирайся, зачем да почему. Посему руководство СССР приняло решение занять свою часть польской территории – именно свою; хозяином Западной Белоруссии и Западной Украины в ситуации позорного бегства законного владельца по пакту 23 августа 1939 г. являлся СССР.

Красноармейцы в Западной Беларуси

Есть пакт о ненападении с новым хозяином остальной Польши – Третьим Рейхом, по нему между СССР и Германией проведена разграничительная линия – значит, время эту линию превратить в советско-германскую границу. Дабы избежать ненужных случайностей типа захвата немцами Львова, Бреста или Гродно. Чтобы этого не случилось, 17 сентября в 5.40 на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии. Причины этого шага были подробно изложены в ноте советского правительства, врученной в 3.15 того же утра польскому послу в Москве Вацлаву Гжибовскому:

«Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».

(Правда. № 259 (7944). 18 сентября 1939 г.)

Бронеавтомобили РККА переходят границу

В результате освободительного похода Красной Армии интернированными оказались 454,7 тыс. польских военнослужащих, полицейских и жандармов. Большинство из них (около 300 тыс.), в первую очередь украинцы и белорусы, были сразу же отпущены по домам. В лагеря НКВД попали 125 тыс. человек. Из них до 19 октября 1939 г. сорок тысяч также были отправлены по месту жительства. Однако после того как в ноябре 1939 г. польское правительство в эмиграции додумалось объявить состояние войны с Советским Союзом, все находящиеся в лагерях польские военнослужащие автоматически стали военнопленными с соответствующим режимом содержания.

Вины СССР в этом нет – в этом есть исключительно вина польского эмигрантского правительства. Они «обиделись» на передачу Вильно Литве! Как будто от них зависело хоть что-то! В те дни само существование «польского правительства в изгнании» зависело лишь от доброй воли Франции и Англии, принявших решение считать кучку избежавших интернирования польских генералов и «политиков» этим самым правительством; «польское правительство в изгнании» было величиной условной, с политическим влиянием, стремящимся к нулю.

Безусловным фактом является то, что ко времени вступления советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии государства Польша уже не существовало.

Доказательства? Да сколько угодно! Во-первых, у Франции с Польшей – договор о военном союзе, но для французов было бы безумием атаковать немцев, если Польши уже нет. Французы отказались от активных действий на своем фронте 8 сентября – поскольку от своего военного представителя уже знали, что шляхта предала свою страну.

Во-вторых, удирающее правительство Польши, которое 17 сентября «еще было на территории Польши», не объявило войну СССР. И то, что это правительство не объявило войну СССР и после своего бегства, вплоть до ноября.

В-третьих, главнокомандующий польской армией, который 17 сентября «еще был на территории Польши», не дал приказ войскам на отражение агрессии. (Кстати, защищаясь, им легче было бы отойти и в Румынию). Как и то, что главнокомандующий польской армией не отдал такого приказа и после 17 сентября.

В-четвертых – союзник Польши от агрессии СССР, Румыния, у которой с Польшей именно на этот случай был союзный договор (о совместном отражении советской агрессии), не усмотрела в действиях СССР агрессии и не объявила ему войну.

В-пятых, союзники Польши, Франция и Великобритания, не предъявили СССР ультиматум отвести свои войска за пределы границ Польши, как они это сделали 3 сентября в отношении Германии.

В конце концов, в-шестых – Лига наций не исключила СССР из своих членов и даже не призвала мир к его экономической блокаде.

Английский политический деятель Д. Ллойд-Джорж писал польскому послу в Лондоне осенью того же года, что *«...СССР занял территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии».*

И, кстати, столь шокирующая «прогрессивную общественность» фраза Молотова о Польше как уродливом порождении Версальского договора оказывается – всего лишь калька с более раннего высказывания Пилсудского насчет «искусственно и уродливо созданной Чехословацкой республики».

***

Чтобы совсем все было ясно, можно сравнить вклад вермахта и РККА в разгром польской армии. «Против Германии польские войска потеряли 66,3 тыс. убитыми и 133,7 тыс. ранеными, против СССР – 3,5 тыс. убитыми и 20 тыс. ранеными. И это соотношение неудивительно. Ведь к 17 сентября немцы не только разгромили основные группировки польской армии, но и окружили практически все ее боеспособные части».

Относительно же линии разграничения между советскими и германскими войсками – поначалу намечалась иная, проходившая намного западнее граница – по рекам Сан и Висла. Но Советскому Союзу не было нужды оккупировать этнически польские территории, достаточно было взять под защиту единокровных белорусов и украинцев. Американский историк Уильям Ширер писал в 1959 г. о решении Сталина отказаться от собственно польских территорий: *«Хорошо усвоив урок многовековой истории России, он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости».*

Как отмечает историк Дж. Гросс (в вышедшей в США в издательстве Принстонского ун-та в 1988 г. монографии), в то время, когда Советская Армия вступила на землю Западных Белоруссии и Украины, польская администрация на этих территориях была совершенно дезорганизована в результате поражения польских войск и наплыва беженцев. Ввиду враждебного отношения к польским оккупантам местного населения, они начали создавать отряды «гражданской самоброны» (зверства которых: массовые расстрелы, вырезанные

на спинах и других частях тела звезды и т.д. ни чем не уступали тому, что после будут здесь же вытворять гитлеровцы). В свою очередь, местные жители «вооружались против поляков и польских властей. Широкомасштабная гражданская война была предотвращена, – пишет американский историк, – только благодаря быстрому вводу советских войск...».

Это – не голословные утверждения. Все эти факты зафиксированы в боевых донесениях войск РККА, вступивших в Западную Белоруссию. Свидетельствует советская хроника:

«С утра 19 сентября из танковых батальонов 100-й и 2-й стрелковых дивизий и бронероты разведбатальона 2-й дивизии была сформирована моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса прд командованием комбрига Розанова... В 7 часов 20 сентября ей была поставлена задача наступать на Гродно. Продвигаясь к городу, мотогруппа у Скиделя столкнулась с польским отрядом (около 200 человек), подавлявшим антипольское выступление местного населения. В этом карательном рейде были убиты 17 местных жителей: из них 2 подростка, 13 и 16 лет. Развернувшись, мотогруппа атаковала противника в Скиделе с обоих флангов. Надеясь остановить танки, поляки подожгли мост, но советские танкисты направили машины через огонь и успели проскочить по горящему мосту, рухнувшему после прохода танков, на другой берег реки Скидель. Южнее плавающие танки самостоятельно форсировали реку. Однако окруженный противник отчаянно сопротивлялся в течение полутора часов и бой завершился лишь к 18 часам».

Так что произошедшее 17 сентября 1939 г. было в своем историческом смысле не агрессией СССР против Польши, а ликвидацией польской агрессии.

Вступившие на территорию «крэсов всходних» как освободители советские войска избегали, где это было возможно, столкновений с польскими частями. Начальник штаба при

ставке главнокомандующего польской армией генерал В. Стахевич в донесении отмечал: *«Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение...».* Зам. начальника штаба генерал Ю. Яклич в те дни записал в дневнике: *«Большевики на рассвете перешли границу танковыми и моторизованными частями. Танки идут открыто с белыми флагами... Наша армия дезориентирована. Одни оказывают упорное сопротивление, другие пропускают советские войска. Те обходят их и продвигаются дальше».*

Все западные исследователи констатировали, что инциденты во время вступления частей Красной Армии имели локальный характер и широких размеров не принимали. Отмечался также и тот факт, что советские войска продвигались нарочито медленно, что давало возможность польским частям отходить к румынской границе. Особенно медленно шло продвижение на юг от Львова.

***

Немецкое командование, как писал впоследствии германский посол в Бухаресте Фабрициус, «было в ярости от того, что русские не постарались как можно быстрее закрыть румынский коридор для польских властей и армии...». Большинство этих же исследователей приходит к выводу, что действия Советского Союза ничего не могли изменить, поражение Польши в войне с Германией было практически свершившимся фактом.

22 сентября 1939 г. английским и французским генштабами был подготовлен рапорт, квалифицировавший действия СССР по отношению к Германии как упреждающие и отмечавший, что они были «предприняты лишь тогда, когда стало очевидным окончательное поражение Польши, с которой история сыграла злую шутку». На самом деле история сыграла злую шутку с немцами – но они поймут это чуть позже...

Как подметил американский историк Б. Будурович, в июне 1936 г. Польша препятствовала принятию международных

санкций против фашистской Италии, захватившей территорию Абиссинии (Эфиопии) именно ввиду того, что последняя, по словам Ю. Бека, якобы «перестала существовать как государство».

Что ж, ныне пришел черед и Польше «перестать существовать как государству»...

Присоединив Западную Белоруссию и Западную Украину, Советский Союз серьезно отодвинул свои западные границы, что в будущей войне с Германией оказалось весьма важным. Может быть, стало главным итогом этого присоединения.

До 17 сентября 1939-го в Белоруссии польско-советская граница проходила всего в 40 км от Минска (до тогдашней границы, станции Негорелое, сегодня скорый поезд от Минска идет двадцать пять минут), в 140 км – от Витебска, в 120 км – от Мозыря. После 17 сентября 1939-го расстояние от Минска до границы составило от 330 км, до Гродно до 360 км до Бреста, от Витебска – 450 км, от Мозыря – 400 км.

На Украине советско-польская граница проходила в 30 км от Каменец-Подольского, в 40 км – от Новограда-Волынского, в 100 км – от Коростеня, в 50 км – от Проскурова, в 150 км – от Житомира. После воссоединения украинского народа: граница от Каменец-Подольского прошла в 300 км (прибавка в 270 км), от Новограда-Волынского – в 240 км, от Коростеня – в 280 км, от Проскурова – в 320 км, от Житомира – в 400 км.

Летом 1941-го немцам пришлось с боями проходить эти дополнительные сотни километров – теряя технику, людей и, что самое главное, – драгоценное время. Ведь последнее было использовано для мобилизации, эвакуации населения и заводов, подготовки новых оборонительных рубежей.

Сейчас достоверно известно о катастрофе первых недель войны и стремительном продвижении немцев. Можно только предугадать, куда мог бы дойти вермахт, и чем бы вообще закончилась Великая Отечественная война, если б не было «буфера»

из экс-польских территорий, если бы немецкое наступление началось бы от старой советско-польской границы.

Правда, Минск немцы и так взяли исключительно быстро – через неделю; но ведь могли – на второй день войны! В Полоцк немецкие танки вошли на 24-й день войны (а могли бы – через три дня), Витебск пал на 18-й день, Мозырь – на 51-й. В Украине на линию Новоград-Волынский–Проскуров–Каменец-Подольский фашисты вышли на 17-й – 18-й день войны. Бои под Коростенем длились до 53-го дня войны.

В целом, сентябрьский поход Красной Армии в Польшу все неангажированные историки признают естественным и нормальным внешнеполитическим ходом Советского Союза, справедливым деянием – по всем нормам международного права. Так считают все нормальные ученые, специалисты в области истории Второй мировой – за исключением догадайтесь кого.

Действительно, история никого не учит. Похоже, старый сценарий пытаются повторить и в наши дни. Польские «профессора истории» вместо объективного анализа и изложения реальных фактов вещают своим доверчивым студентам фальшивые байки о начале Второй мировой и о вкладе Польши в победу антигитлеровской коалиции. Диву даешься, кому нынче в польских университетах раздают звания профессоров! Ничего поэтому нет удивительного в том, что оценки событий 17 сентября 1939 г. диаметрально различаются по разные стороны границы на Буге, ибо мы знаем истину, а поляков их «профессора» беззастенчиво дурят. Дурят именно так, как опытные «кидалы» разводят деревенских дурачков на варшавском базаре. И будут продолжать интенсивно дурить, врать, изворачиваться и дальше – ибо эти их действия четко ложатся в общую канву антироссийской истерии, что ныне вновь правит бал на Висле и Варте, на древних землях Пястов и Ягеллонов. Истерии, что отравляет воздух в моей Польше, отданной сегодня на поругание злобным идиотам, старательно исполняющим любые пожелания своего брюссельского барина и вашингтонского военного вождя. А жаль.

ГЛАВА X
Армия Крайова – большой польский миф

***

Сегодня польское телевидение, польские книги (от школьных учебников до капитальных исторических трудов), весь информационный мир Польши старательно создает легенду об Армии Крайовой – единственном победителе Германии во Второй мировой войне.

«Рождение» Армии Крайовой выглядело весьма мелодраматично. Ночью с 26 на 27 сентября 1939 г., накануне капитуляции Варшавы, генерал Михал Карашевич-Токажевский получил приказ Верховного Главнокомандующего, сбежавшего в Румынию, создать подпольные военные силы. В течение нескольких недель он собрал группу офицеров, которые избежали плена и (по польским источникам) «ex nihilio создали мощнейшее конспиративное войско в оккупированной Европе». Заметьте – «мощнейшим конспиративным войском в Европе» названа не армия Иосипа Броз Тито, к 1944 г. состоящая из десятка корпусов (!); даже не албанские партизаны, в том же году самостоятельно освободившие свою страну; не словацкие повстанцы, чье национальное восстание охватило территорию в сто тысяч квадратных километров и продолжалось три месяца; нет, «самым мощнейшим подпольным войском» названа сидевшая по хатам Армия Крайова!

Ее первоначальное название звучало громко: Служба Победе Польши (Служба Звыценству Польски – Służba Zwycięstwu Polski – SZP), позже Союз Вооруженной Борьбы (ЗВЗ), а с февраля 1942 г. – Армия Крайова (АК), под которым-то названием оно наиболее известно.

Генерал Бур Коморовский

Настоящим организатором ее был генерал Стефан Ровецкий (псевдоним «Грот»), который в первый период являлся начальником штаба, а с июня 1940 г. по июнь 1943 г. был Главным Комендантом. После его ареста Гестапо функцию Главного Коменданта выполнял генерал Тадеуш Коморовский (псевдоним «Бур»).

***

«АК – добровольческое войско – одновременно являлось частью Польских Вооруженных Сил, командование которых находилось за рубежом, и важнейшим сегментом Польского Подпольного Государства» – оказывается, было и такое. Главной целью АК была подготовка и проведение всеобщего восстания в момент приближения фронта или в случае всеобщего крушения вооруженных сил Германии. Второстепенной же – текущая борьба с оккупантами. Для «будущей» войны создавались соответствующие структуры – штаб, командование разных видов войск и служб, территориальное командование (области, на низшем уровне – округи), собиралось оружие, обучались солдаты и офицеры, собиралась информация о врагах.

Но просто отсиживаться в подполье, когда в мире полыхала война с нацизмом, было как-то несолидно. И, «учитывая

преступный характер оккупации и общественное настроение», следовало предпринимать текущую вооруженную борьбу. Именно поэтому активность АК вынуждена была разделиться на две тесно связанные друг с другом – части или фазы:

1. Текущая вооруженная конспиративная борьба.

2. Всеобщее восстание (в результате которого должно наступить восстановление полной структуры вооруженных сил).

***

Параллельно с «официальной» Армией Крайовой в Польше возникали милитаризованные части политических партий – подпольные вооруженные отряды, основанные на общественных организациях (например, Пожарной Охраны, организация под названием «Скала») и молодежных (например, Союза польских харцеров под названием «Шаре Шереги»), создаваемые диверсионными группами, подготовленными Генеральным штабом еще до начала войны. Одной из задач коменданта АК было объединение их, что продолжалось довольно долго. Окончательно вне структур АК осталась часть радикальных националистов – Национальные вооруженные силы (НСЗ), отпетые антикоммунисты и войсковые части, создаваемые коммунистами с лета 1940 г. – Гвардия Людова. Весной 1944 г., когда процесс объединения был завершен, Армия Крайова насчитывала свыше 300 тыс. солдат, приведенных к воинской присяге.

Триста тысяч штыков – это серьезно. Но только тогда, когда эти штыки не сидят по хатам и ждут с моря погоды (с неба английского десанта) – а действуют! Но такая была задача этой самой Армии Крайовой – беречь себя для послевоенного взятия власти. И все потуги польских историков сделать ее главным героем польской «борьбы в подполье» – жуткая натяжка.

Об Армии Людовой эти историки говорят вскользь (это – «красные» поляки, то есть «неверные»), о Войске Польском

Берлинга – между прочим (эти вообще – наймиты большевиков, не важно, что они геройски сражались у Варшавы, на «померанском валу» и под Берлином) и крайне редко. Даже об армии Андерса вспоминают реже, чем о «героях битвы в сумерках». Создается впечатление, что Армия Крайова действительно была серьезной силой антигерманского Сопротивления, сродни войскам И. Б.Тито или албанским партизанам. Так вот – это не так.

***

Польские «мастера информационного поля» ловко (и не очень) врут, причем в этом им старательно помогает мощная информационная машина Европейского Союза. Западная пропаганда Польшу причисляет почему-то к странам с «мощным Сопротивлением». Однако при ближайшем рассмотрении приходится признать, что и здесь (как и в отношении Франции) есть очень значительное преувеличение. Подкрепленное целым рядом ставших широко известными блестящих польских кинофильмов и сериалов о том времени.

Факты же говорят иное. По сведениям, собранным историком Б.Ц. Урланисом, в ходе югославского Сопротивления погибли около 300 тыс. человек (из примерно 16 млн населения страны), албанского – почти 29 тыс. (из всего лишь 1 млн населения), а польского – 33 тыс. (из 35 млн). Таким образом, доля населения, погибшего на «тихом фронте» в реальной борьбе с фашизмом в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании.

***

Официальная история АК ярко живописует боевую деятельность этого «войска».

«В период с 1 января 1941 г. по 30 июня 1944 г. в рамках текущей вооруженной борьбы части АК и подчиненные им спустили

с насыпи 732 поезда, подожгли 443 транспорта, уничтожили около 4,3 тыс. транспортных средств, сожгли 130 складов с оружием и снаряжением, повредили 19 тыс. вагонов и около 6,9 тыс. локомотивов, подожгли 1,2 тыс. бензоцистерн, взорвали 40 железнодорожных мостов, уничтожили 5 нефтяных скважин, заморозили 3 крупные доменные печи, провели около 25 тыс. диверсионных акций на военных заводах, совершили около 5,7 тыс. покушений на функционеров разных полицейских формаций, солдат и фольксдойче, освободили заключенных из 16 тюрем».

Вроде много. Кажется, что земля в Польше так и горела под немецкими ногами. Если не учитывать тот печальный факт, что «приписки» – это инструмент любого недобросовестного исполнителя. Тем более исполнителя, действующего в отрыве от своего начальства – за линией фронта. В отчетах в этом случае такого можно понаписывать – небесам станет жарко! А посему следует обратиться к документации врага – он в этом случае наиболее беспристрастный свидетель.

Немцы в своих документах подтверждают факт крушения (за вышеуказанный период) лишь 284 поездов на территории Польши – и не все эти крушения были результатом диверсий.

Все остальные польские цифры, на первый взгляд, серьезные, также, скорее всего, на две трети – плод буйного воображения командования АК. На территории Польши подорвано было всего 11 мостов (и еще 7 «повреждено взрывами, но осталось исправными»). А насчет двадцати пяти тысяч «диверсий» – так гайку бросить в бензобак немецкому грузовику тоже «диверсия»...

«Партизанские отряды, действующие с 1943 г. – провели свыше 170 стычек, уничтожив свыше тысячи немцев». И снова – вдумайтесь в эти цифры! За полтора года войны убита тысяча немцев! Да в Белоруссии потери немецких оккупационных войск за время партизанской войны превысили полмиллиона человек – только убитыми!

В начале 1944 г. постоянно действовало около 60 партизанских отрядов АК (некоторые насчитывали несколько сот солдат), а также почти 200 диверсионных патрулей. И вся эта масса «партизан» убила всего одну тысячу немцев!

***

Впрочем, историки АК стараются всемерно возвеличить деятельность этой организации. Не беда, что с немцами она шибко не воевала! Зато:

«АК организовала конспиративные группы в некоторых концентрационных лагерях (между прочим, в Освенциме) и среди поляков, насильственно сосланных в Германию на принудительные работы. Она оказывала также помощь бежавшим из плена союзническим военнопленным. Поддерживала – по радио и через курьеров – связь с правительством РП и штабом Верховного Главнокомандующего. Действовали постоянные перебросочные базы (важнейшая – в Будапеште) и курьерские каналы (между прочим, в Швецию). С февраля 1942 г. принимались подготовленные в Англии поляки, офицеры диверсии и разведки («тихотемни» – «cichociemni»), всего которых перебросили 316 человек. Проводилась пропагандистская диверсионная акция, адресованная немецким солдатам (Акция «Н»). АК проводила широкую издательскую деятельность: были изданы около 250 газет, в том числе самая большая конспиративная газета – «Информационный Бюллетень» («Biuletyn Informacyjny»), который публиковался с 5 ноября 1939 г. по январь 1945 г., воинские уставы, учебники для курсантов школ сержантского состава (которые закончили около 8,6 тыс. человек). Это была очень разнообразная деятельность».

Правильно. Бюллетень издавать – это не на железку выходить темной ночью. Агитировать немцев дезертировать (без особого, впрочем, успеха) – это не армейские конвои атаковать.

«К наиболее эффектным акциям АК относятся: повреждение железнодорожного узла в Варшаве (7/8 октября 1942 г.),

освобождение узников в Пинске (18 января 1943 г.) – советская история партизанского движения этот случай не подтверждает); бомбовое покушение на городской электростанции в Берлине (15 февраля 1943 г.), освобождение узников в центре Варшавы (акция под Арсеналом 26 марта 1943 г.), покушение на Франца Кутчеру – коменданта СС и Полиции Варшавского Округа (1 февраля 1944 г.)».

Именно что акции «эффектные» – их реальная эффективность близка к нулю.

Подсчитано, что к июлю 1944 г. погибли – чаще всего были расстреляны или замучены в тюрьмах – около 34 000 солдат АК и подчиненных ей отрядов. То есть около 1/10 состава. Среди «тихотемных» потери достигли 1/3 состава.

Потери АК за пять лет «ожесточенной» борьбы составили тридцать четыре тысячи человек. Потери белорусских партизан (в том числе подпольщиков и связных) составили за три года партизанской войны в Белоруссии – более ста тысяч человек. Население Белоруссии втрое меньше населения Польши. Понимают ли польские историки, что это такое вообще – «ожесточенная партизанская война»?

Это – о поляках, погибших за Родину (то есть сражавшиеся на стороне антигитлеровской коалиции на территории Польши).

***

Но не меньше (если не больше) поляков погибло за Рейх! Об этом также говорят бесстрастные факты.

С 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. Советская Армия взяла в плен 4 172 024 пленных 24 национальностей. Поляки в этом списке заняли «почетное» седьмое место, существенно опередив, например, итальянцев. А Италия, между прочим, официально находилась в состоянии войны с СССР и отправила на Восточный фронт экспедиционный корпус, затем ставший 8-й армией, зимой 1943 г. бесславно замерзшей в донских

степях. Так вот, всего в плен было взято 60 280 польских военнослужащих немецкой армии – итальянцев же в русском плену оказалось всего 48 967. По этой цифре можно прикинуть, сколько же поляков было убито в составе гитлеровской армии.

У самих немцев безвозвратные потери на Восточном фронте составили 6 046 000 человек, из них 3 390 000 попали в плен. Если предположить, что такое же соотношение было и среди польской части гитлеровской армии, то получается, что в ходе войны на Восточном фронте были убиты 45–50 тыс. поляков, а общее их число в составе гитлеровских войск надо оценивать в 105–110 тыс. Сравнимо, надо сказать, с армией Андерса. И это тоже – не пустые предположения. Они также подтверждаются фактами.

Только с территории польской части Верхней Силезии в немецкую армию поляков было мобилизовано свыше 100 тыс. человек. Конечно, далеко не все они служили в строевых частях, но, по данным военной разведки Красной Армии, в 1942 г. поляки составляли 40–45 % личного состава 96-й пехотной дивизии вермахта, около 30 % 11-й пехотной дивизии (вместе с чехами), около 30 % 57-й пехотной дивизии, около 12 % 110-й пехотной дивизии. Ранее, в ноябре 1941 г., разведкой было обнаружено большое количество поляков и в 267-й пехотной дивизии. Да что далеко ходить – дед нынешнего премьер-министра Польши Дональда Туска геройски сражался в составе вермахта!

То есть на советско-германском фронте поляки сражались задолго до осени 1943 г., когда под местечко Ленино в Могилевской области прибыла польская пехотная дивизия имени Костюшко. Причем сражались эти поляки отнюдь не на нашей стороне.

***

А что же в это время происходило на территории Польши? Еще в январе 1940 г. там был создан подчинявшийся польскому

правительству в эмиграции «Союз вооруженной борьбы». Однако, несмотря на наличие организации со столь недвусмысленным названием, вооруженной борьбы практически не наблюдалось. В феврале 1942 г. на базе «Союза» была образована знаменитая «Армия Крайова» (Armia Krajowa, т.е. «Отечественная армия»).

В сегодняшней Польше Армия Крайова окружена героико-романтическим ореолом. Реальность была намного прозаичнее. Активные военные действия «аковцы» начали лишь после того, как на советско-германском фронте был достигнут явный перелом. Именно тогда были созданы первые партизанские отряды, получавшие оружие, главным образом, с Запада. Согласно разным источникам, численность АК составляла от 250 до 370 тыс. человек. Однако лишь меньшинство из них участвовало в боях с немцами. Впрочем, точно так же выглядело «сопротивление» и в других оккупированных Германией европейских странах (за исключением Югославии и Албании).

Когда 3 августа 1944 г. на переговорах в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Станислав Миколайчик (сменивший в июле 1943 г. погибшего в «странной» авиакатастрофе Сикорского) заявил, что «поляки создали в Польше подпольную армию», Сталин резонно заметил:

> *«Борьбы с немцами она (Армия Крайова – И.П.) не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков... наши войска встретили под Ковелем две дивизии этой армии, но когда наши войска подошли к ним, оказалось, что они не могут драться с немцами, так как у них нет вооружения... отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские».*

***

И действительно, чем ближе подходила Красная Армия к польским границам, тем яснее становилось, что свою главную задачу АК видит не в борьбе с немцами, а в том, чтобы любой ценой установить в Польше власть эмигрантского правительства. Этим она принципиально отличалась от созданной чуть позже военной организации Польской Рабочей партии – Гвардии Людовой, первый партизанский отряд которой начал действовать в мае 1942 г. Значительно уступая «аковцам» по общественной поддержке и влиянию среди населения, коммунисты, тем не менее, действовали куда как активнее и смелее.

В послевоенном мире советское руководство желало видеть в Польше дружественный СССР режим. Понятно, что лондонское правительство таковым отнюдь не являлось. Разрыв отношений с ним был лишь вопросом времени. Претензии СССР к «лондонским» полякам копились и копились, и, наконец, последней каплей стали события вокруг пресловутой Катыни.

«13 апреля 1943 г. берлинское радио объявило о найденных могилах польских офицеров, якобы расстрелянных НКВД весной 1940 г.
17 апреля, ничего не сообщив своему формальному союзнику СССР, не запросив у него ни данных, ни объяснений, даже вопреки требованиям Англии и США, польское правительство в эмиграции обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании «советских злодеяний». В тот же день с аналогичной просьбой выступила и Германия.
18 апреля генерал Андерс приказал отслужить мессы по душам «умученных большевиками» польских военнопленных.
В ответ 25 апреля СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантским правительством, обвинив его в содействии Гитлеру».

***

А что оставалось делать советскому руководству? Лживый «союзник» подпевает безжалостному врагу, действует с ним согласованно и солидарно. Имея таких «союзников», о врагах уже можно не беспокоиться. Сталину такое польское правительство нужно было?

Нет. ТАКОЕ польское союзное правительство товарищу Сталину было не нужно.

Но чем хороша Польша? Обилием в ней населения и многообразием в ее общественной жизни политических течений. И каждому более-менее серьезному государству вполне по карману изыскать в этом польском котле такие силы, которые будут петь по его партитуре.

Именно это и сделал Сталин – и пусть кто-нибудь посмеет его в этом упрекнуть!

Политической силой, альтернативной «лондонским» полякам, стала Крайова Рада Народова (КРН), объединявшая сторонников Польской рабочей партии и разных мелких леворадикальных движений. Ее первое заседание состоялось в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. На нем был принят Временный устав КРН и местных народных советов, декларация, призвавшая польский народ к борьбе в союзе с СССР за изгнание фашистских оккупантов, завоевание национальной независимости, создание подлинно демократической Польши. А также объявлено о формировании на основе Гвардии Людовой новой вооруженной структуры – «Армии Людовой» (Armia Ludowa, т.е. «Народная армия»), командующим которой стал генерал Михал Жимерский (псевдоним «Роля»).

Для серьезной политической силы декларации – это не главное. Гораздо важнее – «есть ли у пана атамана золотой запас?» и есть ли люди, готовые эти декларации воплощать

8 Зак. 3028

Генерал Роля Жимерский

в жизнь? Так вот – «золотой запас» своим полякам Сталин обеспечил, а люди у них были – и, как показала дальнейшая история, в достаточно большом количестве.

После вступления Красной Армии на территорию Польши КРН 21 июля 1944 г. образовала народно-демократическое правительство – Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Сначала в Хелме, затем временной резиденцией ПКНО стал город Люблин.

В тот же день насчитывавшая к этому времени около 60 тыс. человек Армия Людова была объединена с 1-й польской армией в единое Войско Польское под командованием генерала Жимерского.

***

26 июля правительство СССР подписало соглашение с ПКНО, в котором признавало власть последнего на освобождаемой польской территории – любил Иосиф Виссарионович разные юридические процедуры, любил и ценил. Несмотря на их (в данном случае) некоторое шутовство и лицедейство. Мог бы просто назначить советского генерал-губернатора освобожденной Польши – так нет, договор с ПКНО подписывает, соглашения заключает.

Как будто кормится этот самый ПКНО не с его рук. Очень, кстати, мудрый шаг – отныне безопасность наших тылов будут обеспечивать не только оперативные полки НКВД, но и польские подразделения. 31 декабря 1944 г. КРН приняла декрет о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польской Республики.

Сталин назначил в Польше то правительство, которое изначально готово было не на словах, а на деле совместно с русскими армиями сражаться с общим врагом, оказывать всяческое содействие наступающим советским войскам, обеспечивать их необходимыми ресурсами с польской территории. А не как управляемая «лондонскими» поляками армия Андерса – сформироваться, одеться, обуться, вооружиться, все это время жрать русскую тушенку в три горла, а потом – сбежать из страны, лишь только откроется к тому возможность.

***

Тем временем с приближением Красной Армии к восточной границе Польши зашевелилось эмигрантское правительство. Зашевелилось – и тут же выдвинуло тезис о «двух врагах», согласно которому борьбу надлежало вести не только против Германии, но и против СССР. Все же оторванность от реальной жизни дала себя знать – «лондонские» поляки снова сладострастно окунулись в «беспощадную борьбу с Советами». Как будто не Советы, а шотландская королевская гвардия освободила восточную Польшу. И как будто не Советы, а американские десантники будут освобождать Польшу Западную.

«Был разработан план операции «Буря», военные и политические цели которой излагались в «Правительственной инструкции для страны» от 27 октября 1943 г. Перед Армией Крайовой ставилась задача по мере отступления немецких войск овладевать освобожденными районами, чтобы советские войска заставали там уже сформированные аппараты власти, подчиненные эмигрантскому правительству.

В операции предполагалось задействовать 70–80 тыс. солдат и офицеров АК, находившихся, главным образом, в восточной и юго-восточной Польше, а также на территориях Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии».

Однако вскоре выяснилось, что самостоятельно освобождать территории от немцев Армия Крайова не способна. Попытки же примазаться к успехам Красной Армии незамедлительно пресекались советскими военными властями.

***

Так, накануне взятия нашими войсками города Вильно туда нелегально прибыл из Варшавы «командующий Виленским и Новогрудским военным округом» генерал «Вилк» (Волк). Под этим псевдонимом скрывался подполковник Александр Кжижановский. Имея приказ лондонского правительства захватить Вильно до вступления советских войск, он разработал операцию «Остра брама» (по названию ворот в старой части города, в которых находится почитаемая как православными, так и католиками икона Остробрамской Божьей Матери). Однако авантюра АК потерпела полное фиаско. Как сказано на этот счет в докладной записке Берии от 16 июля 1944 г., адресованной Сталину, Молотову и 1-му заместителю начальника Генерального Штаба Антонову: *«Туда, действительно, сунулась одна бригада, немцы ее поголовно разбили, и на этом «занятие» Вильно поляками прекратилось».*

Однако после того, как советские войска очистили город от немцев, пользуясь попустительством командования 3-го Белорусского фронта, «поляки стали проявлять нахальство». Так, когда на городской ратуше был водружен советский флаг, то через некоторое время ниже него появился и флаг Польши, который, правда, сразу же был снят. Вступившие в город «аковцы» попытались навести там свои «порядки». Как говорилось в той же докладной записке:

«Поляки безобразничают, отбирают насильно продукты, рогатый скот и лошадей у местных жителей, заявляя, что это идет для польской армии. Имеют место угрозы, что если местные жители Литвы будут сдавать продовольствие Красной Армии, то поляки их за это накажут». (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия… С. 35–38).

Чтобы пресечь эти бесчинства, 17 июля «Вилк» и его начальник штаба были арестованы советскими властями. На следующий день были разоружены и их подчиненные.

***

Примерно так же развивались события несколько дней спустя при освобождении Красной Армией Львова. Разница была лишь в том, что если в Вильно польский флаг вывесили ниже советского, то во Львове в ходе операции «Гроза» поляки достигли гораздо большего «успеха»:

«На шпиле ратуши был поднят бело-красный флаг Польши, рядом с ним развевались американский и британский флаги. Советы подняли свой в окне второго этажа, выше идти не решились…». Флаги вывешивать – на это они мастера, слов нет. Вот врага с родной земли изгнать у АК кишка оказалась тонка, они это дело «доверили» Красной Армии. Впрочем, представили этот процесс как некое добровольное действо немецких оккупантов: «враг сам ушел с Люблинской земли. Берем руль возрождающегося государства в собственные руки, ибо никто не может нас заменить в исполнении власти на нашей родине…».

Органам советской военной администрации было в эти дни не до «аковцев» – нужно было организовывать снабжение войск, ремонтировать дороги, обеспечивать население, осуществлять призыв – дел было миллион. Посему АК иногда удавалось самозванно провозглашать себя «властью» на отвоеванных территориях, «назначать» своих бургомистров и комендантов населенных пунктов; они умудрялись даже издавать приказы от имени эмигрантского правительства и верховного командования АК!

***

Когда в 1938 г. польское руководство всеми силами стремилось принять участие в разделе Чехословакии, Черчилль сравнил Польшу с гиеной. В августе 1944 г. в западных областях Белоруссии и Украины наследники «санационной» Польши проявили ту же повадку достойного обитателя африканских саванн: урвать исподтишка кусок от чужой добычи.

Но Армия Крайова не только пыталась исподволь стащить власть на уже освобожденной Красной Армией территории. В польской столице АК устроила восстание, ставшее позднее «символом ее героизма». А также, благодаря разнузданной либеральной пропаганде, всеми силами старающейся привить России комплекс вины перед всем миром – символом «предательства» Сталиным «героев Варшавского восстания».

Для подавляющего большинства современных поляков (да и для значительной части «россиянской» либеральной интеллигенции) картинка этого восстания стала практически канонической: на окраину Варшавы въезжают русские танки – и вдруг резко останавливаются. Танкисты размещаются по квартирам, играют в карты, пьют водку и обильно закусывают, наяривают на гармошках – и равнодушно взирают на противоположный берег Вислы, где льются реки польской крови и гибнут лучшие сыновья Польши. На все призывы гибнущих польских повстанцев русские, дьявольски хохоча, упорно отказываются двигаться дальше.

Картинка сильная, слов нет. Вот только лживая от начала до конца. Об этом – ниже.

«Предательство Варшавского восстания» действительно имело место. Это – святая правда. Вот только с датами у апологетов АК немножко не сходится. Подлинное предательство произошло в 1943 г. Небольшая коррекция – в роли предателей выступали отнюдь не Сталин с советским командованием.

Когда 19 апреля 1943 г. в ответ на попытку вывезти часть обитателей варшавского гетто в Освенцим там началось восстание, бойцы Армии Крайовой палец о палец не ударили, чтобы хоть как-то помочь обреченным евреям. Они разрешили евреям гетто героически умереть. Вот как об этом пишет официальная история АК:

> *«Отдельный вклад в борьбу с оккупантами, прежде всего, в форме героического и отчаянного восстания в варшавском гетто (19 апреля – 16 мая 1943 г.), имели Еврейская Военная Организация (Жидовска Организация Бойова – Żydowska Organizacja Bojowa – ŻOB), а также поощряемый АК Еврейский Военный Союз* (Жидовски Звензек Войсковы – Żydowski Związek Wojskowy – ŻZW)».

«Героическое и отчаянное восстание» было – это исторический факт. Но вот где были тридцать тысяч «героев АК» в эти дни? Почему они не пришли на помощь своим гибнущим товарищам? Не потому ли, что эти «товарищи», как бы это помягче выразиться, были евреями?

***

Рассмотрим, если так можно выразиться, «каноническую» западную (а теперь она – официальная польская) версию мифа о Варшавском восстании. Например, в изложении знаменитого ведущего Би-Би-Си Севы Новгородцева, специалиста по футболу, вдруг ставшего историком:

> *«Польская освободительная Армия Крайова, героически боровшаяся с гитлеровскими оккупантами, подняла восстание в Варшаве. С востока к городу приближались советские войска, им оставалось только форсировать Вислу, и партизаны Армии Крайовой не хотели дать врагу отступить без потерь. Но день шел за днем, немцы, оправившись от первого испуга, стали громить повстанцев, а краснозвездные танки переправляться через реку не торопились. Ведь всего на неделю раньше Советский Союз сформировал в городе Люблине*

марионеточное правительство Польши – так называемый Польский комитет национального освобождения – и не намерен был поддерживать Армию Крайову, связанную с законным польским правительством, находившимся в изгнании в Лондоне. Лишь после разгрома восстания советские войска снова двинулись вперед, вошли в город и привезли туда будущего премьер-министра Болеслава Берута, – как я докладывал на прошлой неделе, он до того был следователем НКВД».

На первый взгляд, приведенный текст выглядит достаточно логичным и убедительным. Однако стоит лишь слегка порыться в источниках, как выясняется, что здесь что ни фраза – то либо передержка, либо прямое вранье.

***

О том, насколько «героически» боролась с немцами Армия Крайова, мы уже знаем. И, учитывая разворачивающуюся в это время операцию «Буря», нетрудно догадаться, какова была главная цель варшавского восстания. Да тут, в общем, и гадать не надо – подлинной задачей «варшавского гарнизона» АК было отнюдь не желание нанести максимально возможный урон отступающим немцам и облегчить русской армии возможность форсировать Вислу в районе Варшавы с наименьшими потерями. То, что подобные благородные цели преследовали «лондонские» поляки – послевоенные фантазии этих самых эмигрантов, и не более того.

Главный смысл варшавского восстания был том, чтобы вошедшие в город части Красной Армии застали в нем уже сформированные органы «законного правительства», засевших в Ратуше представителей пана Миколайчика, которые и стали бы руководителями послевоенной Польши.

Принципиальное решение о восстании было принято 25 июля 1944 г. на совещании эмигрантских кругов в Лондоне. Главным было вовремя начать, подгадав к приходу советских войск – но не опоздать со взятием власти, как это произошло

в Вильно и Львове. Тогда, с одной стороны, и с немцами особо драться не придется, а с другой – можно будет претендовать на участие в победе. И тут-то командование АК во главе с генералом Тадеушем Коморовским (псевдоним Бур), неоднократно переносившее дату выступления, совершило роковой просчет. 1 августа поступило ложное сообщение, что советские войска уже вошли в правобережное предместье Варшавы. Поверив этой информации, Коморовский отдал приказ, имевший трагические последствия.

***

А что же делали, и, что более важно, где в действительности находились в это время части Красной Армии?

Для тех, кто посещал Польшу на легковой машине или поезде через город Брест – наши армии шли не по автостраде Брест–Варшава (ее тогда вообще еще не было), а совсем по другим операционным направлениям.

Во-первых, главный удар Красная Армия наносила значительно южнее нынешнего шоссе Брест–Варшава. 22 июля ее передовые части освободили город Хелм, первый крупный город в Польше. В этот же день в прорыв была введена 2-я танковая армия генерала Богданова, 24 июля совместно с 8-й гвардейской армией освободившая Люблин. Затем были очищены Лукув, Седлец, Минск Мазовецкий. Это все – юго-восточнее Варшавы.

Во-вторых, 27 июля части 8-й гвардейской и 69-й общевойсковой армий вслед за 2-й танковой армией вышли к Висле в 100 км южнее Варшавы и на следующий день захватили плацдармы в районе Магнушева и Пулав. 2-я танковая армия вышла на Вислу у Демблина, после чего повернула направо, на север, и начала движение на Варшаву.

И в-третьих, северо-восточнее Варшавы наши части лишь 27 июля заняли Белосток – город более чем в ста километрах

от польской столицы (Брест, кстати, был освобожден вообще только 28 июля – а от Бреста до Варшавы двести верст с гаком…). И, продвигаясь к нижнему течению реки Нарев, начали встречать все более и более крепнущее сопротивление немцев.

Как известно, Варшава находится на западном берегу Вислы, на восточном же берегу расположено ее предместье – Прага, которое не раз приходилось штурмовать русским войскам. Так вот, 31 июля 2-я танковая армия завязала бои на подступах к Праге, и в ее предместья вошла советская разведка. Именно несколько бронемашин и мотоциклов разведбата одной из танковых бригад Красной Армии, прорвавшихся в Рембертов, информаторы командования АК и приняли за победоносные русские войска – откуда полякам было знать, что броневики и мотоциклы – уже давно не главное оснащение всерьез сражающихся войск!

***

Получив эти недостоверные данные, не связавшись с советским командованием, не сочтя нужным хотя бы выслать к наступающим русским своих представителей – к восстанию в Варшаве под командованием коменданта варшавской области полковника Антонина Хрустеля (псевдоним «Монтер») приступили приблизительно 23 тыс. солдат АК, из которых только часть была вооружена.

Хотя в течение первых дней боев повстанцы взяли много стратегически важных объектов, и со временем число повстанцев увеличивалось (всего сражались около 34 тыс. солдат) – им не удалось полностью вытеснить немцев из центра города, а также овладеть главными коммуникациями и мостами. 16-тысячный немецкий гарнизон был сильно подкреплен (между прочим, частями, предназначенными для борьбы против партизан, из белорусских и украинских полицаев).

5 августа немцы начали контратаку с помощью танков, тяжелой артиллерии и ударной авиации. В первом из взятых районов (Воля) было совершено массовое убийство жителей, оно повторилось еще несколько раз. Атакующие немецкие колонны разделили Варшаву на «повстанческие острова», между которыми удерживалась связь через переходы в подвалах и через подземные коммуникации. На этой территории власть захватила польская администрация, издавались газеты, действовало радио («Блыскавица» – «Błyskawica») и городские службы.

***

Далее официальная польская история восстания гласит:

«Предусматривалось, что бои будут продолжаться несколько дней, то есть до прихода Красной Армии, но накануне 8 августа Сталин – несмотря на призывы, между прочим, премьера правительства РП, который с 31 июля находился с визитом в Москве – дал приказ о прекращении наступательных действий в районе Варшавы».

Ну, просто зла не хватает! «Сталин приказал!» Как будто 2 августа от Воломина не последовал немецкий контрудар танкового корпуса СС «Герман Геринг» с приданными ему частями (всего пять танковых и две пехотных дивизии), и наши войска не были отброшены от окраин Праги! Если польские историки не верят советской версии – никаких проблем, почитайте историю в изложении немецких генералов! Четко и ясно и Типпельскирх, и Гудериан описывают тяжелые бои в Восточной Польше и гордо сообщают о своих успехах начала августа.

К немцам непрерывно подходили подкрепления, в то время как советские части были измотаны длительным наступлением. Был тяжело ранен командующий танковой армией Богданов, в некоторых бригадах оставалось по 5–6 танков

Варшавские повстанцы

(при штатной численности в 80 машин). Советские войска отошли на 15–20 км и закрепились у Минска Мазовецкого и юго-восточнее Гуры Кальварии.

Тем временем в самой Варшаве повстанцам (помимо «аковцев», в восстании участвовали и сторонники коммунистов, и просто примкнувшее население) поначалу удалось добиться некоторых успехов. Однако немцы быстро перехватили инициативу и без труда удерживали все важные военные объекты. Поделив город на несколько секторов, они приступили к методичному подавлению восстания.

И дальше поляки продолжают демонизировать Сталина. *«Он не согласился даже на посадку союзнических транспортных самолетов на советских аэродромах, что практически сделало невозможным поставлять помощь воздушным путем, так как ближайшие военные базы находились на юге Италии и в Великобритании».* Ну и что бы было, если бы Сталин разрешил посадку союзнических транспортных самолетов? Что от этого бы изменилось? Англичане бы перебросили по воздуху на помощь Варшаве две-три дивизии индийских сипаев? Что за бред?!

Варшава, август 1944 г.

Англичане в ночь на 4, 8 и 12 августа доставили повстанцам 86 т грузов. 18 сентября, когда восстание приближалось к концу, американцы со 104 бомбардировщиков «либерейтор» осуществили массовый сброс с большой высоты амуниции, вооружения и продовольствия, из которых повстанцы перехватили только 47 т.

Толку в подобной «помощи» было лишь чуть. Большинство парашютов с грузами приземлилось на территории, контролируемой немцами, часть – за Вислой, в расположении советских войск. Отказ оказывать надлежащую поддержку с воздуха союзники мотивировали оперативными и техническими причинами.

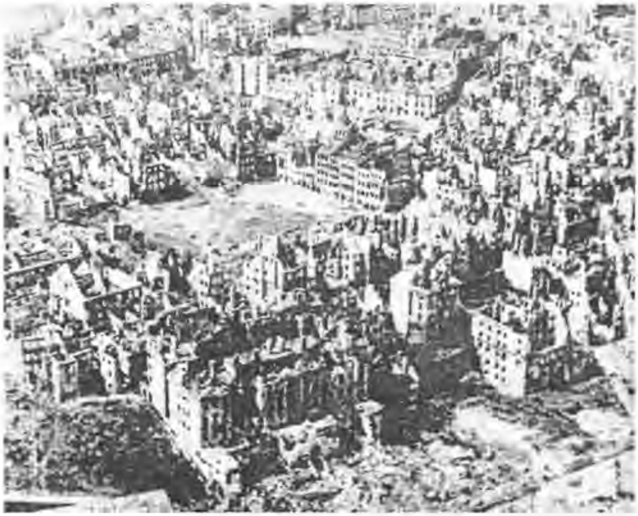
Всего повстанцы получили от своих западных союзников 430 карабинов и пистолет-пулеметов, 150 пулеметов, 230 противотанковых ружей, 13 минометов, 13 тыс. мин и гранат, 2,7 млн патронов и 22 т продовольствия. Это – данные штаба Варшавского округа Армии Крайовой.

В то же время советское командование оказало существенную помощь восставшим. Наши летчики совершили 2243 вылета, доставив повстанцам 156 минометов, 505 противотанковых

ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, 3 млн патронов, 113 т продовольствия, 500 кг медикаментов. Сброс грузов осуществлялся с самолетов По-2 с малой высоты, и посему подавляющее количество грузов попало по назначению.

Бои продолжались, росло число жертв среди гражданского населения, не хватало продовольствия, медикаментов и воды. Эту ситуацию не изменило ни взятие Красной Армией Праги, ни – неудачные – попытки Войска Польского под командованием генерала Берлинга взять плацдармы в Варшаве.

Прагу советским войскам удалось взять только через полтора месяца после начала восстания, 14 сентября, и уже через два дня после этого, в ночь на 16 сентября, 3-я польская пехотная дивизия им. Траугутта, усиленная рядом советских частей и подразделений, начала форсирование Вислы. Героический порыв польской пехоты удивил даже видавших виды офицеров 1-го Белорусского фронта – под шквальным огнем с западного берега поляки на тихоходных лодках и понтонах двинулись через довольно широкую в этом месте Вислу – и, потеряв на переправах до половины личного состава, высадились-таки на правом берегу! Два польских полка с легкой артиллерией даже заняли несколько кварталов за набережными на западном берегу Вислы, напротив Саской Кемпы. Но районы Уяздов и Повисле были заняты немцами, повстанцы были далеко, на Мокотуве и Охоте. Пробиться к ним польские десантники не смогли – главным образом, ввиду ограниченности сил и нехватки боеприпасов. Немцы яростно атаковали закрепившихся у самого уреза воды «наших» поляков, и, к сожалению, удержать захваченные плацдармы не удалось. Немцы расчленили переправившиеся подразделения и начали прижимать их к реке. На шестой день кровопролитных боев на плацдарме, 22 сентября, был отдан приказ об отходе. Только помощь авиации и огонь артиллерии с нашего берега спасли участвовавшие в форсировании войска от полного истребления – на наш берег вернулось чуть более пятисот донельзя изможденных бойцов, на 80 % – раненых и контуженных. Всего потери 3-й пехотной дивизии им. Траугутта во

Варшава после восстания

время этой десантной операции превысили пять с половиной тысяч человек убитыми и попавшими в плен (из шести с небольшим тысяч списочного состава десантных партий накануне форсирования Вислы).

К сожалению, это восставшим не помогло, и 2 октября командующий Армией Крайовой генерал Коморовский подписал акт о капитуляции. Погибло около 150 тыс. гражданского населения, большая часть города была разрушена (позже специальные немецкие бригады уничтожали уцелевшие здания), около 520 тыс. жителей были выгнаны из города. 17 тыс. повстанцев попали в плен.

***

Авантюра лондонского эмигрантского правительства стоила 200 тыс. жизней, в основном мирных жителей Варшавы. Что же касается самого пана Тадеуша, то, попав в немецкий плен, он благополучно дожил до конца войны, после чего остался жить в эмиграции.

Легенды утверждают, что на восстание поднялась вся Варшава, как один человек. И это тоже – очевидная неправда. А вот то, что губернатор Варшавского округа Л. Фишер писал о поляках в своем отчете в Берлин, является сущей правдой (по одной простой причине – ему было выгоднее представить дело так, что немцам пришлось сражаться в неимоверно трудных условиях, когда из каждого окна по ним стреляли даже женщины и дети):

«...При анализе восстания в Варшаве напрашивается еще один вывод огромного политического значения. Речь идет о поведении всего населения. Когда польская Армия Крайова начала борьбу, ее вожди твердо рассчитывали на то, что они увлекут за собой широкие массы варшавского населения, и что тогда восстание в Варшаве явится сигналом для присоединения к нему всех поляков.

В этом предположении вожди Армии Крайовой полностью ошибались.

Прежде всего, следует констатировать, что в самой Варшаве широкие массы населения с первых же дней отнеслись к восстанию отрицательно и, по крайней мере, не поддерживали его...

Еще яснее было поведение сельского населения. Оно не поддерживало восстание с первого и до последнего дня. Это доказывается тем, что оно отклоняло практическую помощь и даже строило вблизи Варшавы оборонительные укрепления, направленные в большей своей части против повстанцев.

Кроме того, сельское население доказало свое отрицательное отношение к восстанию тем, что, когда часть аковцев бежала из Варшавы во время специальных мероприятий и пробилась в Пущу Кампинску на юг, то оно не оказало никакой поддержки этим 1600 солдатам, вследствие чего эти повстанцы могли быть установлены и уничтожены в течение 24 часов...

Эта общая позиция польского населения подтверждена, кроме того, показаниями пленных из польской дивизии Берлинга. Дивизия Берлинга представляет собою воинское соединение большевистской армии, укомплектованное поляками. Военнопленные из этой дивизии на допросе неизменно показывали, что польское население при вступлении их в Варшавский округ не только не приветствовало их, как освободителей, наоборот, встречало чрезвычайно холодно и сдержанно и даже враждебно. По свидетельству этих военнопленных, польское население на их удивленные вопросы

всегда отвечало: хотя немцы с ними обходились строго, но они все же постоянно заботились о работе и хлебе для населения, и поэтому поляки не скучали по большевикам».

***

Варшава же была освобождена частями Красной Армии и 1-й армии Войска Польского лишь 17 января 1945 года.

Утверждение дегенерата Севы Новгородцева, что Болеслав Берут был следователем НКВД, также является ложью. Впрочем, это не выдумка «русского голоса Би-Би-Си» – такие слухи ходили, однако никакого отношения к действительности они не имеют.

В 1933–1938 гг., в разгар пресловутых «сталинских репрессий», Берут сидел в польской тюрьме. Оказавшись же осенью 1939 г. в СССР, он получил должность в Коминтерне. Кстати, в 1943 г. будущий лидер польских коммунистов некоторое время находился на подпольной работе в Варшаве.

«Восстание не достигло ни военных, ни политических целей, но для очередных поколений поляков стало символом мужества и решительности в борьбе за независимость.

Болеслав Берут среди офицеров Войска Польского

Варшавское восстание было крупнейшим сражением польского войска в течение Второй мировой войны: погибли 10 тыс. повстанцев, 7 тыс. пропали без вести; значительные потери понесли немцы – погибли около 10 тыс. солдат, около 6 тыс. пропали без вести, немецкие войска потеряли 300 танков, пушек и бронеавтомобилей».

Так гласит официальная польская история.

Так вот. Ключевой момент трагической истории Варшавского восстания состоит в том, что Армия Крайова – детище «лондонских» поляков. «Лондонцы» уже однажды проиграли свою войну – еще в сентябре 1939-го, и после этого эмигрантское правительство Польши превратилось в безнадежного политического банкрота.

В последней надежде «отыграться» они бросили под жерла немецких пушек более двухсот тысяч варшавян – следствием этой авантюры явилась гибель поверивших им людей, разрушение Варшавы и окончательный крах «санационной» Польши.

ГЛАВА XI
Пару слов об «алых маках Монте-Кассино»

***

Как мы помним, через две с небольшим недели после начала войны с Германией руководство Польши, бросив на произвол судьбы остатки армии и все еще сопротивляющуюся немцам Варшаву, трусливо удрало из страны. 30 сентября 1939 г. в Париже было сформировано польское правительство в изгнании во главе с генералом Владиславом Сикорским. Там оно начало формировать польские части и даже к маю 1940 г. успело выдать штандарты нескольким полкам новонабранного войска.

> *«Польские подразделения создавались за счет солдат и офицеров, которые добирались до Франции через Румынию, Венгрию, Литву и Латвию. Таким образом, удалось эвакуировать 43 тыс. человек, тысячи бежали на свою ответственность. В армию являлись также польские эмигранты, проживающие во Франции. В течение нескольких месяцев польское войско достигло 84 тыс. человек, сформированных в четыре дивизии и две бригады пехоты, четыре авиационные эскадрильи, а также части зенитной артиллерии – около 7 тыс. человек. Кроме того, часть эвакуирующихся попала в управляемую французами Сирию, где была сформирована Бригада Карпатских Стрелков* (Brygada Strzelców Karpackich)».

Во время немецкого блицкрига во Франции в мае 1940 г. оборона французов рухнула уже после двух недель боев, что вызвало спешную эвакуацию британских войск и капитуляцию Франции. Польские подразделения сражались на южном

участке фронта: Дивизия Гренадеров (Dywizja Grenadierów) после семидневных боев была расформирована в связи с французско-немецкими переговорами о перемирии.

Солдаты бронекавалерийской бригады (Brygady Kawalerii Pancerno-Motorowej) после боев в районе Шампобер и Монтбард по приказу командующего – генерала Мачека, уничтожив военную технику, начали пробираться на юг.

2-я Дивизия Стрелков (II Dywizja Strzelców) остановила немецкую атаку на холмах Кло-де-Ду, но когда 19 июня стало очевидно, что бои подходят к концу, перешла границу и была интернирована в Швейцарии. Бригада подгальских стрелков (Brygada Podhalańska) в мае 1940 г. была включена в союзнические силы, направленные в Норвегию, где приняла участие в битве под Нарвиком.

Вообще в защите Франции приняли участие около 50 тыс. польских солдат, из числа которых погибли около 1,4 тыс., а свыше 4,5 тыс. получили ранения. Поражение Франции обозначало поражение и польских подразделений, сражавшихся вместе с французской армией. Лишь только около 20 тыс. человек удалось эвакуироваться в Великобританию; таким образом, был загублен огромный организационный труд, начатый осенью1939 г.

В июне 1940 г., после разгрома Франции, польское правительство переместилось в Лондон, забрав с собой те польские части, что успели удрать с европейского континента.

После начала Великой Отечественной войны Англия стала союзником СССР. 30 июля 1941 г. при ее посредничестве было заключено соглашение между СССР и обретающимся в Лондоне польским эмигрантским правительством Владислава Сикорского. Который при этом заявил, что лично он был в прошлом противником антирусской политики Пилсудского, никогда не хотел раздробления и ослабления России, а, наоборот, стремился к установлению добрых отношений между Россией и Польшей. Пункт 4 этого соглашения гласил:

«Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии».

То есть руководство СССР надеялось, что созданная на его территории польская армия примет деятельное участие в борьбе с немцами. Как известно, эти надежды, мягко говоря, не оправдались.

***

6 августа командующим польской армией в СССР был назначен генерал Владислав Андерс. 12 августа Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР». 14 августа в Москве было подписано военное соглашение, предусматривавшее формирование на территории СССР польской армии для последующего участия в войне против Германии на советско-германском фронте.

Формирование польской армии шло очень высокими темпами. Уже к 31 августа 1941 г. ее численность превысила 20 тыс., а к 25 октября – 40 тыс. человек. Несмотря на труднейшее положение, в котором находился в то время СССР, ее щедро снабжали всем необходимым. Как сообщал в своих отчетах в Лондон польский посол в Москве С. Кот:

«Военные признают, что советские власти засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставляемое, по чрезвычайно низким ценам. Советские военные власти весьма облегчают организацию Войска Польского, на практике они полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая Войску солдат, уже мобилизованных в Красную Армию на землях восточной Польши».

(Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 1. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С.134–135).

Питание, обмундирование, а также вооружение армии Андерса осуществлялось за счет предоставленного эмигрантскому правительству кредита в 65 млн рублей, который оно должно было погасить в течение 10 лет после окончания войны. Каждому бывшему польскому военнопленному при освобождении из лагеря было выдано единовременное пособие. Рядовые получили по 500 руб. (килограмм хлеба на рынке тогда стоил 10 руб., килограмм сала – 80–100 руб., серебряный портсигар или суконный мужской костюм можно было купить за 300 рублей), офицеры же существенно больше: подполковники и майоры – по 3 тыс. руб., полковники – по 5 тыс. руб., генералы – по 10 тыс. руб., а персонально генерал Андерс – 25 тыс. рублей. Всего было выдано пособий на сумму 15 млн руб. В следующем году правительству Сикорского был предоставлен еще один беспроцентный кредит на сумму 300 млн рублей.

Но какие счеты могут быть между союзниками! Для оснащения дружественной армии, вскоре вступающей в бой с общим врагом, не жалко никаких денег. И поэтому расходы СССР на создание армии Андерса практически не ограничивались.

***

Однако поляки отнюдь не рвались в бой. 3 декабря приехавший в Москву Сикорский вместе с Андерсом и Котом был принят Сталиным. Немцы стояли под Москвой, а Андерс и Сикорский доказывали, что польские части следует отправить в Иран. Возмущенный Сталин ответил: *«Обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут».*

Генерал Владислав Андерс

Однако взывать к совести польских руководителей было напрасным делом.

В результате летом 1942 г., в разгар Сталинградской битвы (еще раз – в разгар Сталинградской битвы! Когда будущее Советского Союза было на волоске! Когда нам нужен был каждый солдат!), армия Андерса была выведена в Иран. Всего из СССР выехало около 80 тыс. военнослужащих и более 37 тыс. членов их семей.

Создание армии Андерса обошлось нам в кругленькую сумму – как выяснилось, мы потратили эти деньги абсолютно зря!

Сегодня, когда наши бывшие «друзья» из Восточной Европы скрупулезно подсчитывают ущерб, якобы нанесенный им за годы «советской оккупации», российскому руководству стоило бы выдвинуть встречные претензии. И в частности, потребовать от нынешних польских властей, официально объявивших себя правопреемниками лондонского эмигрантского правительства, возврата этих долгов.

***

Однако, как справедливо заметил Уинстон Черчилль: *«Героические черты польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания».*

Летом 1942 г., в самый разгар немецкого наступления, когда танковые дивизии вермахта рвались к Волге и Кавказу, польское руководство добилось вывода вооруженной и оснащенной за наш счет армии Андерса в Иран в распоряжение английского командования. На прощание польский главком, понимая, что бегство его подопечных выглядит весьма неприглядно, высказал уверенность, что «стратегический центр тяжести войны передвигается в настоящее время на Ближний и Средний Восток», предвосхитив тем самым изыскания нынешних «птенцов Сороса», согласно которым перелом в ходе Второй мировой войны был достигнут благодаря доблести британских солдат в историческом сражении под Эль-Аламейном и американских моряков – при Мидуэе, в то время как русские отсиживались себе в окопах Сталинграда.

Армия Андерса предала нас в самый трудный момент нашей истории.

Мы этого никогда не забудем – такие вещи целесообразно помнить и опасно забывать!

***

Впрочем, отпустив «андерсовцев» в Иран, искушенный и прагматичный Сталин немного потерял. Это была все та же армия предвоенной Польши, насквозь пронизанная русофобией и антисоветскими настроениями – та самая армия, что однажды уже ПРОИГРАЛА СВОЮ ВОЙНУ.

Желания сражаться с немцами у этих беглецов не было, а вот относительно желания напакостить русским – сколько угодно! По имевшимся агентурным данным, среди командного состава армии Андерса господствовала уверенность, что «после разгрома Германии неизбежна война Польши с СССР». Например, некий поручик Корабельский заявлял: *«Мы, поляки, направим оружие на Советы... Мы вместе с Америкой используем слабость Красной Армии и будем господствовать на советской территории».* Примечательно, что эти взгляды высказывались фактически в открытую. Так, в польской армейской газете «Ожел бялы» была опубликована статья капитана Рудковского, в которой говорилось: *«Большевики на краю гибели, мы, поляки, только и ждем, когда нам дадут оружие, тогда мы их и прикончим».*

Поэтому, может, оно и к лучшему, что всю эту публику спровадили к англичанам, а то они бы нам тут навоевали! Армия Андерса, удравшая в Иран, была далеко не единственной польской воинской частью за пределами Польши. Их там уже набралось изрядно.

***

После поражения Франции Бригада Карпатских Стрелков вышла из Сирии и присоединилась к британским войскам в Египте. Это было *«отборное подразделение, насчитывающее 5 тыс. человек, преимущественно опытных солдат – ветеранов сентябрьской кампании и добровольцев. В августе 1941 г. его перебросили в Ливию, где оно отличилось мужеством в тяжелых боях, защищая осажденный Тобрук, а весной 1942 г. – на Ливийской пустыне».*

Из Франции, как уже было сказано выше, удалось эвакуировать в Великобританию около 20 тыс. человек, из которых сформировался 1-й корпус, задачей которого была защита от десанта восточного побережья Шотландии. Кроме него,

формировалась 1-я отдельная парашютно-десантная бригада (I Samodzielna Brygada Spadochronowa), которая должна была быть переброшена в Польшу в момент начала планируемого всеобщего восстания. В 1941 г. в составе корпуса была создана 1-я Танковая Дивизия (I Dywizja Pancerna). Однако, эта армия не получила дальнейшего развития, так как польская эмиграция на Британских островах была немногочисленной, а из оккупированной Германией и Италией Европы не прибывали поляки. Призыв добровольцев в Соединенных Штатах, Канаде и Латинской Америке составил лишь несколько тысяч человек.

Ситуация изменилась, когда после нападения Третьего Рейха на Советский Союз правительство РП 30 июля подписало с СССР договор, предусматривающий, между прочим, освобождение польских граждан из тюрем и лагерей, а также создание Польской Армии. И «лондонские» поляки получили возможность сформировать польскую армию из поляков, брошенных своим правительством на произвол судьбы на территории Западной Белоруссии и Западной Украины.

Известно куда навострившую лыжи, когда запахло жареным.

***

Тем не менее не все польские офицеры готовы были вместе с Андерсом безоглядно удрать подальше от фронта. Одним из тех, кто не утратил совесть, был полковник Зигмунд Берлинг, занимавший в 1941–1942 гг. в армии Андерса должность начальника штаба 5-й пехотной дивизии. 22 июня 1942 г. он и еще 13 офицеров обратились с письмом к советскому правительству, в котором просили предоставить им возможность сражаться против Германии. В августе 1942 г. 5-я дивизия ушла в Иран, однако Берлинг со своими единомышленниками остался в СССР. В апреле 1943 г. он вновь обратился к советскому руководству с предложением о создании польских воинских

частей и стал одним из организаторов, а затем и командиром 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, формирование которой началось 6 мая того же года.

12 октября 1943 г. польская дивизия вступила в бой с немцами в составе 33-й армии Западного фронта у села Ленино юго-восточнее Орши. Вскоре на ее основе был развернут 1-й польский корпус им. Костюшко, а 16 марта 1944 г. – 1-я польская армия. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сформированные на советской территории польские и чехословацкие соединения примерно на 60 % были укомплектованы гражданами СССР, иногда даже не «титульной» национальности – для надежности и боевой устойчивости, главным образом.

***

Официальная польская история сквозь зубы, но все же отдает должное «нашему» Войску Польскому:

«Сталин принял решение организовать польское войско, которое будет сражаться вместе с Красной Армией. Оно было сформировано без согласия легальных властей Речи Посполитой. В его командном составе преобладали советские офицеры, а корпус политических офицеров составляли польские коммунисты. Однако его основным стержнем стали поляки, сосланные в 1939–1941 гг. в глубь Советского Союза, а с весны 1944 г. – также жители польских восточных территорий. Несмотря на свое «внебрачное» происхождение и роль, какую оно сыграло позже, навязывая Польше коммунистический строй, Войско Польское, сражавшееся на восточном фронте внесло значительный вклад в польское вооруженное выступление. Формирование Войска Польского началось в мае 1943 г. и продолжалось по июль 1944 г. За этот период из одной дивизии (1-я дивизия им. Тадеуша Кос-тюшко под командованием полковника Зигмунда Берлинга), насчитывающей 11 тыс. солдат, оно увеличилось до около 100 тыс. А в момент завершения войны оно насчитывало уже 330 тыс. солдат, объединенных в двух армиях, располагающих всеми видами

сухопутных войск (пехотой, артиллерией, бронетанковыми войсками, саперами и различными отрядами резерва).

Это войско прошло боевое крещение в битве под Ленино (в Белоруссии) в октябре 1943 г. В июле и августе 1944 г. польские подразделения сражались на плацдармах на западном берегу Вислы, а в битве под Студзянками польская танковая бригада провела свое первое боевое сражение с немцами. В сентябре 1944 г. Войско Польское предприняло – завершившуюся большими потерями – неудачную попытку оказать помощь варшавским повстанцам. С января 1945 г. оно принимало участие в крупномасштабном наступлении советских войск: в феврале и марте оно сражалось в драматической битве за прорыв Поморского вала – сильно укрепленной линии обороны немцев – а также во взятии Колобжега, превращенного в крепость. Оно участвовало также в боях за Гданьск, Гдыню и на Щецинском заливе. Завершением боевого пути было участие во взятии Берлина. Во всей берлинской операции приняли участие 180 тыс. польских солдат из 1-й и 2-й армий, а в штурме центра Берлина принимала участие 1-я дивизия («костюшковская»). Кроме Красной Армии, она была единственной дивизией союзных войск, сражавшейся в столице Германии и водрузившей польский флаг на руинах Рейхстага.

Польские подразделения дошли до Эльбы, где установили контакт с американскими подразделениями. В апреле 1945 г. 2-я армия форсировала Нысу Лужицку, а затем сражалась в районе Дрездена и Будишина, неся большие жертвы. Свой боевой путь она завершила в мае в Чехословакии. В боях с немцами на восточном фронте принимали участие также польские авиационные части (состоящие, главным образом, из советских летчиков польского происхождения).

В период между битвой под Ленино и боями на Эльбе и в Саксонии погибли 17,5 тыс. солдат, почти 10 тыс. были признаны пропавшими без вести. Наиболее кровавыми были бои в Варшаве (около пяти с половиной тысяч убитыми и пропавшими без вести), на Поморье (5,4 тыс. убитыми и 2,8 тыс. пропавшими без вести) и в ходе берлинской операции (7,2 тыс. погибшими и 3,8 тыс. пропавшими без вести). Учитывая общий

характер действий польских и советских воинских частей, трудно оценить, какие потери нанесли неприятелю поляки. Неполные данные касаются только нескольких акций: под Ленино погибли, были ранены или взяты в плен около 1,8 тыс. немцев, в танковой битве под Студзянками немцы потеряли 20 танков и штурмовых орудий, а также 1,5 тыс. солдат, при штурме Колобжега потери немцев составили 2,3 тыс. убитыми и около 6,3 тыс. пленными. В Берлине «костюшковцы» захватили, между прочим, четыре станции метрополитена и здания Политехнического института, а также взяли в плен 2,5 тыс. немецких солдат.

Польская армия на востоке была крупнейшей регулярной воинской силой, сражавшейся вместе с Красной Армией. Ее почти двухлетний боевой путь насчитывал свыше тысячи километров. Она принимала участие в различных и важных фронтовых действиях: форсировала реки, города, атаковала укрепления, вела преследования врага. Участие в победе над гитлеровской Германией она окупила большими потерями».

***

История «нашего» Войска Польского доказывает: если бы Андерс и его хозяева захотели воевать с немцами – нет ничего проще, от Бузулука до Сталинграда всего пятьсот километров, и проехать их можно поездом за один день. Все удобства в наличии – сражайтесь!

Поляки Андерса посчитали более разумным сберечь свои драгоценные жизни и удрать из истекающей кровью России. Что ж, видно, такими они на свет народились. И нельзя считать, будто в этом повинно их буржуазное воспитание. Потому что плечом к плечу с русскими на Восточном фронте сражалась еще одна иностранная воинская часть, чьи офицеры посчитали необходимым для себя вступить в бой с врагом своей Родины вне зависимости от географии и от общественно-политического строя.

Я говорю об истребительном авиационном полке «Нормандия». Его летчики совершили 5 240 боевых вылетов, сбили 268 немецких самолетов. В русской, белорусской и польской земле навечно осталось лежать 42 французских пилота.

Французские летчики добровольно приехали в СССР, добровольно встали в строй бойцов, добровольно сражались и погибали. Мы будем помнить их вечно – их подвиг не подвержен девальвации, его нельзя рассматривать с разных точек зрения в зависимости от сегодняшней политической ситуации. Павшие в России французские пилоты заплатили за право на нашу вечную признательность самую дорогую цену. Цену своей жизни – и каждый из них навсегда останется в наших сердцах.

Андерс и его люди бегством в Иран спасали свои шкуры. Но кого из его офицеров сегодня вспомнит любой поляк – кроме самого Андерса?

НИКОГО.

Вот это и есть цена предательства.

***

Войско генерала Андерса долго скиталось по пустыне в обозах английской 8-й армии, иногда спорадически участвуя в англо-немецких сражениях в Северной Африке. И лишь однажды союзники доверили польскому корпусу почти самостоятельную операцию – взятие монастыря Монте-Кассино в Кампанье, Италия, каковой был в позднейшей прессе объявлен ключевой позицией немецкой «линии Густава».

Несмотря на послевоенные старания польских историков возвеличить этот бой, его значение так и не переросло тактических рамок. Правда истории состоит в том, что немецких десантников из монастыря поляки не выбили – немцы ушли сами, после того как монастырь тщанием союзной авиации

был превращен в груду щебня. Потери немцев – 1100 убитыми и ранеными, потери 2-го польского корпуса – менее тысячи убитых и чуть более двух тысяч раненых. Что-то негусто для сорока тысяч штыков «ожесточенно сражающихся войск», вы не находите?

Никакого прорыва фронта, на самом деле, не было – впрочем, не по вине поляков; такова была стратегия англо-американского командования в Италии. Как, кстати, не было в этом «сражении» и беззаветного героизма поляков, за который, по словам польской эмигрантской прессы, бойцы второго корпуса обрели неимоверное уважение своих английских коллег – на самом деле, индийские части англичанами ценились куда выше. А все эти песенки об «алых маках Монте-Кассино» – извечная наша славянская слезливость и попытка поляков придать себе весу в истории Второй мировой войны. Которую, на самом деле, вели «взрослые дяди» – США, Великобритания, Германия, СССР, Япония и Китай. Все остальные мелкие страны и народы были лишь подносчиками патронов или разносчиками пиццы на этом колоссальном действе. И говорить о каком-то значении действий польских войск в Италии – по меньшей мере, смешно.

Всего во время боев в Италии погибли около 2,6 тыс. польских солдат – и этим все сказано.

***

И остальные польские части на западе не особо утруждали себя сражениями с немцами. Вернее, особо их не утруждали их хозяева. Или все было иначе?

Слово официальной польской истории.

«Польское войско, дислоцирующееся на Британских островах, пополненное солдатами, разными путями прибывшими из Польши, готовилось к вторжению в июне 1944 г.

В операции в Нормандии приняли участие польская авиация и флот, затем на континент была переброшена 1-я Польская бронетанковая дивизия (командующий ген. Мачек), которая насчитывала 16 тыс. человек, 380 танков и 470 орудий. Она вошла в состав 1-й канадской армии и прославилась в боях под Фалез и Шамбуа (18 – 22 августа), преграждая путь отступавшим немецким дивизиям (так называемый «фалезский мешок»). Позже она освободила города Абвиль, Сент-Омер и Кассель во Франции, Ипр и Гент в Бельгии, а также Бреду (28–30 октября) в Голландии, завершила войну взятием немецкого порта Вильгельмсхафен. Боевой путь 1-й Польской бронетанковой дивизии насчитывал 1800 км, она уничтожила 260 танков и вражеских самоходных орудий, потеряв свыше 4,6 тыс. солдат, в том числе свыше тысячи убитыми.

В сентябре 1944 г. под Арнемом, в Голландии, в рамках провалившейся операции «Маркет Гарден», была сброшена 1-я Парашютная Бригада (командующий ген. Сосабовски), которая понесла значительные потери.

Когда военные действия в Европе приближались к концу, польские сухопутные войска, сражающиеся вместе с западными союзниками, насчитывали 210 тыс. солдат, имели на вооружении 1335 танков, около 4000 бронетранспортеров и бронемашин, 2050 пушек и минометов, 32 тыс. различных автотранспортных средств».

Итак, на Западном фронте поляки не шибко блеснули боевым мастерством и самоотверженностью – можно здесь вспомнить лишь высадку польской воздушно-десантной бригады в рамках бездарно проваленной Монтгомери операции «Маркет Гарден», спорадические действия польской танковой дивизии – да, пожалуй, и все. За все время боев польская танковая дивизия потеряла тысячу человек убитыми. Да любой танковый корпус Советской Армии (примерно равноценный британской танковой дивизии, по штатам которой была сформирована и польская I Dywizja Pancerna) столько людей терял за три месяца боев! Любая немецкая танковая дивизия за время войны два-три раза сменила свой личный состав!

***

Поляки на Западе, несмотря на дифирамбы польской официальной истории, были всего лишь «на подхвате» у своих англо-американских хозяев – язык не поворачивается назвать их «союзниками». На 210 тыс. солдат у польских войск на Западе – менее десяти тысяч павших. Даже пяти процентов нет!

Да и «наши» поляки (Войско Польское) на Восточном фронте особо громких побед не одерживали. Немцы умудрились нанести поражение 2-й армии Войска Польского в конце апреля 1945 г., за две недели до своего окончательного военного краха!

Тем не менее, 1-я и 2-я армии Войска Польского советским командованием принимались всерьез, ставились пусть и на тихие, но все же участки фронта, участвовали во многих операциях, сто восемьдесят тысяч поляков участвовали в берлинской операции, 1-я дивизия – непосредственно во взятии Берлина. Нет ничего удивительного в том, что Войско Польское получило право вместе со сводными полками советских фронтов пройти своей «коробкой» на Параде Победы. Мы «наших» поляков особо не жалели – все же двадцать четыре тысячи убитых.

***

А вот англичане «своих» поляков берегли и жалели – для чего?

Когда армия Андерса ушла в Иран – англичане не нашли для нее лучшего применения, чем оставить сторожить нефтепроводы в пустыне. А ведь они в это время вели кровопролитные бои с Роммелем, и 80 000 штыков им бы ну никак не помешали!

В том, что английское командование берегло корпус Андерса, равно как и все остальные польские части на Западе, есть глубокий политический смысл.

Однажды, в сентябре 1939-го, «санационная» Польша уже сыграла главную роль в представлении, поставленном

английскими «хозяевами мира». Не важно, что ее армия с треском провалила роль защитницы Родины – ей эту роль англичане, на самом деле, и не отводили.

«Санационной» Польше летом 1939 г. Англия отвела гораздо более низкую и подлую роль – роль провокатора. И вот с ней все эти рыдз-смиглые, мостицкие, миколайчики и андерсы справились блестяще!

Не сам Андерс решил удрать из СССР в разгар Сталинградского сражения, не в его личной трусости дело. И даже не в решении эмигрантского правительства – оно сидело в Лондоне и понятно, с чьего голоса подпевало. Армия Андерса нужна была англичанам. И не как военная сила – таковой она, положа руку на сердце, вряд ли являлась – а исключительно как инструмент послевоенной политической игры.

Потому и шел 2-й польский корпус в английских обозах аж до самого монастыря Монте-Кассино. Шел бы и дальше, но умные люди в английском руководстве решили, что «западные» поляки должны иметь за спиной какой-нибудь военный подвиг. Вот и доверили польским войскам атаковать «ключевую точку линии Густава», и вокруг этой малоудачной атаки вот уже шестьдесят с лишним лет плетут все новые и новые легенды, где маленькая толика правды намешана с гигантским количеством вымысла – а как же? Теперь уже не битва 1-й пехотной дивизии имени Костюшко под Ленино или кошмарная под многослойным немецким огнем переправа 3-й пехотной дивизии имени Траугутта через Вислу в сентябре 1944 г. изучается польскими школьниками – теперь они бойко рассказывают учителю подробности сражения польских жолнежей генерала Андерса в итальянских горах.

Корпус Андерса и прочие польские войска на Западе – наследники «санационной» Польши – были той закваской, которую англичане надеялись со временем забросить в бурлящий «котел» послевоенной Польши, чтобы затем по своему

усмотрению формировать это государство. Сразу после войны этого у них не получилось – но ядовитые семена живучи. И сегодня история Польши, что изучается в школах и университетах – это опять не подлинная история польского народа, а история антирусской шляхетской Польши, «санационной» Польши, Польши провокаторов, предателей и клятвопреступников.

ГЛАВА XII
Польша – виновник или жертва Второй мировой?

***

Итак, мы подошли к ответу на вынесенный в заголовок этой главы вопрос. На главный вопрос этой книги.

На самом деле – очень сложный вопрос. Ответить на него однозначно невозможно, если рассматривать Польшу как единое целое, как государство польского народа. Если принять за аксиому, что Польша в предвоенные годы была самостоятельным, независимым, суверенным государством, отстаивающим на мировой арене свои собственные национальные интересы.

Ведь, в самом деле, немыслимо для ответственных людей, руководителей государства, на ком лежит ответственность за судьбы страны и за ее будущее ,столь безответственно бросать вверенный им народ в водоворот военного конфликта, причем с весьма предсказуемым результатом. Ну не мог маршал Рыдз-Смиглы, будь он хоть трижды идиот, не понимать, что Германия уничтожит польские вооруженные силы и оккупирует ее территорию за считанные недели!

И либо польский народ возглавляли абсолютные кретины, либо эти руководители имели какой-то свой, особенный взгляд на будущее своей страны, и их образ действий ложился именно в канву этого самого особенного взгляда.

Одно ясно абсолютно достоверно – планы ЭТОЙ войны разрабатывались не в Варшаве. И не в Варшаве надо искать ответ на вопрос – кто же на самом деле Польша в начавшейся войне.

Потому что очевидно, что ответить на этот вопрос, допустив, что польское руководство самостоятельно решило уничтожить свою страну, совершив самоубийственный отказ в претензиях Германии – невозможно.

И на этот вопрос удивительно легко ответить, если знать, что из себя «санационная» Польша представляла на самом деле.

Для чего нам будет необходимо вернуться немного назад, век эдак в восемнадцатый.

***

Самый главный вывод из польской истории периода заката ее первого существования: шляхта Речи Посполитой самостоятельно угробила собственное государство в 1795 г. – все оправдания типа «это не мы, это Россия и Пруссия вкупе с Австрией нас разделили» не принимаются.

Если бы правящий класс Польской державы понимал, что это значит – нести ответственность за судьбу своего государства и своего народа – никакие разделы бы первой Речи Посполитой не грозили бы и в страшном сне.

Если бы шляхта знала, как нужно беречь и хранить свою страну – не было бы ста двадцати трех лет отсутствия Польши на европейских картах.

ОНИ этого не знали, не понимали, а самое главное – и не хотели знать и понимать.

Они хотели сыто и пьяно жить, не платить налоги, не содержать армию, не иметь государственного аппарата, выбирать на разгульных и разудалых сеймах короля, каждый раз худшего из возможных. Они не хотели над собой власти своего государства – они получили над собой власть государств чужих.

Они крепко держались за архаичное право «либерум вето» и за (немыслимую для цивилизованного государства) «законную»

возможность устраивать гражданские войны и мятежи в собственной стране. Они не хотели понимать, что за все в этой жизни рано или поздно надо платить.

Множество раз умные люди и внутри Польши, и из-за границы им пытались объяснить, что подобное государственное устройство нежизнеспособно – они не внимали предупреждениям, пьяно хохоча в лицо своим доброжелателям. «Польша сильна раздорами!» – где и когда, какой негодяй подсунул им этот идиотский лозунг?

Они бездарно прогуляли свою страну.

***

Государство – система, создаваемая нацией в целях самозащиты от врага внешнего и внутреннего. Сопредельные Польше нации – русские, пруссаки и австрийцы – это поняли, и к XVIII в. имели сильные централизованные государства (с наследственными монархиями, постоянными армиями, бюрократическим аппаратом, регулярным налогообложением и собственными национальными интересами), которые могли обеспечивать интересы этих наций на внешнеполитической арене и проводить устойчивую внутреннюю политику.

Шляхта Речи Посполитой ни на дюйм не желала поступаться своими «вольностями» – и, наконец, наступил момент, когда сопредельные государства перестали видеть в этой «дворянской республике» равноценного партнера, суверенную державу.

«Соседи» начали рассматривать Польшу лишь как «территорию», на которой можно разыгрывать собственную «партию», на которой всегда можно найти лакеев, за ломаный грош готовых поддержать интересы нужного кандидата или нужное политическое решение. И которую в определенный момент можно будет просто прибрать к рукам.

Что-то не так?

***

Польша перестала быть самостоятельным государством уже к началу Северной войны – сопредельные государства (Россия, Австрия, Швеция) решали (опираясь на «своих» поляков в сейме, при королевском дворе или во главе костела), кому из претендентов следует занять польский престол. Царь Петр вторично назначил курфюрста Саксонского Августа польским королем уже после того, как тот предал своего русского союзника после битвы при Калише, заключил сепаратный мир со Швецией и сложил с себя корону Пястов в пользу Станислава Лещинского. Но он был управляем и подотчетен России – и посему император Петр Великий повторно выдал ему ярлык на княжение в Польше.

А дальше Польша все больше и больше превращалась в вассала России. Дошло до того, что Екатерина Великая «сплавила» на должность польского короля надоевшего ей любовника – Станислава-Августа Понятовского! Немудрено, что сей «монарх» не удостоился чести после свой смерти лежать рядом с настоящими польскими королями в Катедре на Вавеле – разве можно себе представить прах неистового Стефана Батория или легендарного Казимежа Великого рядом с бренными останками разжалованного любовника русской императрицы!

***

В качестве иллюстрации тезиса о полной нежизнеспособности Первой Речи Посполитой – события 1733 г.

1 февраля 1733 г. умер польский король Август II. Предстояли выборы нового короля. Россию по-прежнему терзали набегами крымские татары – вассалы Турции. Органическим врагом Турции была Австрия. Враг моего врага – мой друг. Так надолго Австрия стала пусть и неверным, но союзником России. Но соперником Австрии на континенте была Франция, по тем же причинам для нее любой враг Австрии и России

был другом. В Швеции нарастали силы, жаждавшие реванша за поражения, нанесенные Россией в Тридцатилетней войне. Пруссия спокойно выжидала в нейтралитете, чтобы отхватить в этой драке куски пожирнее.

Европа разделилась на два лагеря – в одном Россия с Австрией и лишь потенциально Англия – традиционная противница Франции. В другом – Франция, Турция, Швеция. Оба лагеря бросились в Польшу с тем, чтобы обеспечить там короля, лояльного к своему союзу. Об интересах собственно польского народа никто из них не то, что не думал – но даже и не понимал самой сути постановки этого вопроса. Польша была «территорией», на которой нужно поставить свою фигуру, вот и все! Франция боролась за Станислава Лещинского, Россия – за курфюрста саксонского Августа.

22 февраля 1733 г. российская императрица собрала министров и генералитет, которые постановили:

«1) По русским интересам Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя.
2) Для того отправляемые в Польшу министры должны усиленно стараться, денежные и другие пристойные способы употреблять сообща с министрами союзников, чтобы поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвратить, для того этих министров надобно снабдить денежными суммами.
3) А так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных русскому государству предприятий окажутся недостаточными... без упущения времени на самих границах поставить 18 полков пехоты и 10 полков конницы... донских казаков – 2000, гусар украинских – сколько есть, из слободских полков – 1000, из Малороссии – 10000, Чугуевских калмыков – 1500 да волжских тысячи 3».

Как в воду глядели: «пристойных способов» в отношении свободолюбивых поляков оказалось недостаточно. Пока из Вены в Варшаву шло 100 000 червонных, а посланник саксонский давал ежедневные обеды полякам всего на 40 «кувертов»,

пока русские везли туда ассигнованные на подкуп должностных лиц «денежные суммы», ушлые французы сунули польским «демократам» миллион ливров, и те проголосовали за Станислава Лещинского.

Но вскоре подоспели деньги австрийские и русские. Ничего, деньги никогда лишними не бывают! В крайнем случае – можно двух королей избрать, Польша и не такое вытерпит. Польские «демократы» взяли русскую и австрийскую взятки – и еще раз проголосовали. Теперь за курфюрста саксонского. В Польше оказалось два «законно избранных» короля – один профранцузский, другой – прорусский.

***

Но если два короля – не беда для Польши, то для России желателен все же один – причем Россией на эту должность назначенный, Россией на эту должность «проплаченный»; а иных прочих нам не надобно. Посему Россия двинула в Польшу войска, для такого крайнего случая уже подтянутые к ее границам.

Лещинский стал собирать вокруг себя верных шляхтичей. Казалось, в патриотическом подъеме гордые поляки должны были дать мощный отпор интервентам. Куда там! Польша ведь стала демократической и цивилизованной. Историк Соловьев эти события описывает так:

«... русские беспрепятственно били приверженцев Станислава в Польше и Литве. Мы видели, что этих приверженцев было много, но вместо того, чтобы вести войну с русскими, они занимались усобицею, опустошением земель своих противников, приверженцев Августа. Они вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами. Иногда большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слух, что хотят дать сражение: но не успеют русские дать два пушечных выстрела, как уже поляки бегут; никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при встречах».

Король Польши Станислав Лещинский

Лещинский сбежал в Данциг – сильную крепость, к тому же усиленную двумя тысячами присланных Францией солдат. К Данцигу подошла русская пехота. Однако король Пруссии не давал провезти через свою территорию осадную артиллерию – но отнюдь не потому, что у него душа болела за польские вольности. Он предполагал, что раз Россия уже потратила изрядную сумму на польские дела – то сможет выдать еще сколько-нибудь на бедность прусского двора. Пока российский фельдмаршал Миних с ним по этому поводу торговался, пехота взяла укрепленное предместье Данцига, разумеется, с польскими (точнее, с французскими) пушками и боеприпасами. С помощью этих пушек русская армия блокировала Данциг и повела его бомбардировку. Наконец, фельдмаршал Миних утряс финансовые вопросы с королем Пруссии, русские подтянули осадную артиллерию, и Данциг сдался вместе с французами. Лещинский снова бежал.

***

Польша деградировала как государство исключительно по вине своего правящего класса – шляхты Речи Посполитой. И именно «благодаря» шляхте в 1795 г. три Империи разделили

между собой некогда суверенную Польшу – шляхетская республика более не имела права на существование!

Вторая Речь Посполитая, родившаяся в кровавую осень 1918 г., унаследовала все родовые признаки своей предшественницы – в числе коих национальная рознь, конфессиональная вражда, социальное неравенство, враждебность ко всему непольскому, а кроме того – возродившиеся с новой силой шляхетские гонор и спесь. Этого добра, правда, в Польше и при русском правлении хватало, но тут – такое событие! Гонористая шляхта с бухты-барахты обрела собственное государство! В котором можно уже вдоволь, безбоязненно покуражиться над православными, сто лет до того бывшими хозяевами польских земель. Хотя надо отметить, что в то время на территории «новой» Польши русские интересы отстаивать стало некому – СССР в начале двадцатых был беден, как церковная мышь, посему новорожденная вторая Речь Посполита целиком и полностью перешла на «содержание» Антанты – управляясь, впрочем, как и ее предшественница, безнадежно продажной шляхтой.

Все эти родовые недостатки польской державы, к тому же перемноженные на реальные и мнимые обиды, нанесенные шляхте русским царем, и породили этого отвратительного монстра – «санационную» Польшу.

***

Вот небольшая статистика хозяйничанья поляков на Украине в 1920 г. *«В оккупированных районах Украины захватчики грабили население, сжигали целые деревни, расстреливали и вешали ни в чем не повинных граждан. Пленных красноармейцев подвергали пыткам и издевательствам. В городе Ровно оккупанты расстреляли более 3 тыс. мирных жителей».* Грабеж Украины, прикрывавшийся ссылками на договор с Петлюрой о снабжении польских войск, сопровождался террором

и насилием: телесные наказания крестьян при реквизициях, аресты и расстрелы советских служащих в городах, конфискации имущества и еврейские погромы. За отказ населения дать оккупантам продовольствия были полностью сожжены деревни Ивановцы, Куча, Собачи, Яблуновка, Новая Гребля, Мельничи, Кирилловка и др. Жителей этих деревень расстреляли из пулеметов. В местечке Тетиево во время еврейского погрома были вырезаны 4 тыс. человек. Из-за оперативной важности путей сообщения особенно пострадали местные железнодорожники. Многие из них были арестованы и расстреляны по обвинению в саботаже, а другие – уволены, лишены жилья и имущества.

Украинские газеты писали о жертвах среди гражданского населения. *«В Черкассы 4 мая доставлено 290 раненых из городов и местечек, занятых поляками, – говорилось в одном из сообщений, – женщины и дети. Есть дети в возрасте от года до двух лет... Раны нанесены холодным оружием».* Правительства РСФСР и Советской Украины 29 мая 1920 г. обратились к правительствам Англии, Франции, США и Италии со специальной нотой, в которой выражали протест против бесчинств польских захватчиков.

Вот так. Стоило только польской шляхте вновь обрести свою государственность – как немедля она возродила к жизни средневековые обычаи ведения войны, жестокие, кровавые и бесчеловечные.

***

Поляки ничему не научились! Польша Пилсудского и в двадцатом веке попробовала жить по лекалам, приведшим к банкротству Польшу века восемнадцатого – что из этого получилось, мы знаем по сентябрю 1939 года.

Армия «санационной» Польши создавалась как инструмент господства польской шляхты и над польским народом,

и над национальными меньшинствами. Сумело это «шляхетное» войско выполнить ту ключевую функцию, ради которой польский, украинский, белорусский, немецкий и еврейский гражданин Польши платил налоги?

Никак нет.

Красная Армия тоже, между прочим, не идеал насчет выполнения своего долга перед народом – в Великую Отечественную войну на каждых двух погибших солдат погибло три мирных жителя СССР.

Но Польша и здесь – выдающийся пример. На каждого убитого солдата в Польше пришлось более двадцати убитых гражданских лиц!

Это произошло потому, что армия «санационной» Польши всерьез сражаться за свою страну и не собиралась. Ее вожди собирались спровоцировать Большую Войну, да так, чтобы всю ее тяжесть вынесли на себе западные союзники.

Роковая ошибка! Западные союзники считали, что Польша выступит застрельщиком войны – но западные союзники отнюдь не включали в непременное условие всех своих планов войны сохранение Польши. Им этого не требовалось – им требовалось разжечь пожар войны на Востоке Европы. А как там дальше будет – на самом деле, особого значения не имело. Уцелеет Польша – хорошо. Не уцелеет – значит, такая у нее трагическая судьба. Аминь.

Польшу использовали западные союзники – использовали в малопочтенном качестве провокатора; впрочем, ни на что другое «санационная» Польша и не годилась. Англичане в своих расчетах четко учитывали тот факт, что вся верхушка второй Речи Посполитой состояла из откровенно бездарных и ничтожных личностей, неспособных не то, что отстаивать интересы собственного народа – а даже просто понять, что же это такое. Эти «деятели» принесли в жертву английскому вероломству интересы своей нации, подвергли риску само его будущее.

И если бы не победоносная Красная Армия, сломившая хребет нацистской Германии – неизвестно, существовал ли бы вообще сегодня польский народ как этническая единица.

***

Поляки в наши дни старательно извращают свою собственную историю – в угоду сиюминутным политическим интересам; они всячески принижают роль Советского Союза в освобождении Польши и всеми цветами радуги расцвечивают роль в этом событии западных союзников. Дошло уже до того, что на торжествах по случаю пятидесятилетия высадки американцев и англичан в Нормандии юная полька, захлебываясь от восторга и брызгая слюной, поблагодарила Билла Клинтона за то, что «американцы освободили Польшу».

Но этого полякам мало – организация «ветеранов» Армии Крайовой добилась того, чтобы по Польскому телевидению ни в коем случае, никогда и ни за что, ни при каких условиях не демонстрировались фильмы «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь»! Идиотизм в квадрате – или в кубе? Чем жизнерадостный Шарик или мужественный капитан Клосс так насолили старым маразматикам, что они с пеной у рта требуют их забвения? Тем, что сражались на нашей стороне? Или тем, что эти, так называемые «ветераны», не могут припомнить ничего, что доказало бы их участие в битве с нацизмом – и оттого бессильно злобствуют? Неизвестно. Но известно одно – этот факт с очевидностью доказывает, что Армия Крайова создавалась именно как антирусское вооруженное формирование; и ее ветераны и сегодня, спустя шестьдесят лет после войны, продолжают сражаться с Россией...

Они плюют на наших павших, на наши понесенные ради них материальные потери, на нашу бескорыстную помощь в послевоенном восстановлении Польши. Что ж, это их право.

Мы же осмелимся еще раз процитировать императрицу Екатерину Великую: *«Но если другие не хотят знать Россию, то следует ли из этого, что Россия также должна забыть собственные интересы?»*

Интересы России были, есть и будут в том, чтобы Польша была самостоятельным, независимым, суверенным государством, чья политика определяется интересами польского народа.

***

К сожалению, ни первая, ни вторая Речи Посполитые такими государствами не были – в результате исчезли с политической карты мира. Нынешняя Польша – совсем другое государство? Похоже, что нет. Похоже, что интересы своих западных союзников (теперь они – «партнеры по Евросоюзу» и «американские друзья») руководство Польши опять ставит на первое место.

Они так ничему и не научились!

Так кем же на самом деле была Польша в 1939 г.? Виновником начала Второй мировой войны? Или ее безвинной жертвой?

На самом деле, Польша не была ни виновником, ни жертвой этой всемирной катастрофы, начавшейся 1 сентября 1939 г. Она была провокатором – «шестеркой» на посылках у мирового капитала, обретающегося в то время на Британских островах. Выступив застрельщиком великого противостояния, Польша всего-навсего выполнила поручение своих подлинных хозяев!

Посему на Польше – лишь малая толика вины за развязывание той мировой бойни. Главный преступник остался безнаказанным – это, к сожалению, и есть главный итог Второй мировой войны.

***

Сегодня у власти в Польше президент из яростно-националистической партии «Права и Справедливости» – партии с замшелой идеологией польского национализма и детской верой в «европейские» (впрочем, все же больше «американские») либеральные ценности. Правительство же возглавляет лидер «Гражданской платформы», либерал и «еврооптимист» Дональд Туск, чей дедушка в свою бытность рядовым вермахта стяжал лавры героя на Восточном фронте. Может быть, хоть одна из двух партий сможет дать Польше надежду на успешное развитие?

Два раза. Сегодня внешний долг Польши превышает сто миллиардов долларов, а безработица перемахнула за 14 % трудоспособного населения. И никакой Евросоюз, никакое НАТО не сделают из Польши успешное и процветающее государство с благоденствующим народом, с ломящимися от изобилия закромами, да к тому же обладающее непререкаемым авторитетом на мировой арене. По одной простой причине – ТАКАЯ Польша ни ЕС, ни США и на дух не нужна.

Евросоюзу нужна ДРУГАЯ Польша – слабая аграрная страна, резервуар дешевой рабочей силы, базар для сбыта бус и ярких тряпок, произведенных в «старой» Европе (либо на принадлежащих ей предприятиях внутри самой Польши). И ни в каком ином качестве Польша никому на Западе не требуется!

Но, быть может, подобное будущее поляков более чем устраивает? Может быть, они именно к тому и стремятся – стать людской и прихожей «свободного мира»? В конце концов, не всем же европейцам сидеть в офисах в белых сорочках и при галстуках, торговать на биржах золотом и нефтью – кому-то же надо и канализацию чистить в старых европейских городах? Тем более – если за хорошие деньги?

Может и так. Беда в том, что уже очень скоро – в исторической перспективе почти что «завтра» – Европа исчезнет с лица Земли!

***

Это, увы, не гипербола – это печальная действительность.

Необходимый для сохранения численности населения уровень рождаемости составляет 2,1 ребенка на одну женщину. В Ирландии он сегодня составляет 1,87, в Австрии – 1,2, так же, как в Италии. В Испании этот показатель вообще сегодня составляет 1,1. К 2050 г. на 100 миллионов сократится численность европейского населения – а большинство остальных будет пенсионерами. Европейских стран в нынешнем понимании через пятьдесят лет УЖЕ НЕ БУДЕТ...

Причем эта ситуация приобретает характер снежного кома. Еще в 1970 г. доля промышленно развитых стран в населении планеты была в два раза больше, чем у мусульман: 30 к 15. В 2000 г. их доля сравнялась – примерно 20 к 20. За истекшие пять лет мусульман стало больше на 20 млн человек, и этот рост становится геометрическим – в Сомали на каждую женщину рождается 6,91 ребенка, в Нигерии – 6,83, в Афганистане – 6,78, в Йемене – 6,75.

Мы живем в необыкновенную эпоху – в эпоху самоисчезновения тех народов, которые формировали современный мир. Уходят в прошлое англичане, немцы, французы – становой хребет европейской цивилизации; очень скоро на их месте будут жить выходцы с мусульманского Востока, и именно им и придется угождать «великому польскому народу». И проблема даже не в религии или этническом составе большинства населения будущей Европы. Проблема в том, какие базовые ценности будут исповедовать эти «новые европейские нации»? И как эти ценности будут совпадать с традиционными этнокультурными, этно-социальными и этно-конфессиональными ценностями сегодняшней Польши?

Так вот – ни в чем и никогда они совпадать не будут! Законы шариата весьма отличаются от Конституции 1793 г. –

причем по всем пунктам и в каждом абзаце. Посему новая, исламская Европа принудит поляков жить по своим законам и обычаям – и тогда полякам придется выбирать: научиться жить по мусульманским канонам или сражаться и умереть во славу «орла Пястов».

И эта перспектива – не угрозы бесноватых футурологов; это – печальная реальность будущей «единой Европы», присягу на верность которой принесла в свое время Польша...

***

А теперь рассмотрим «польскую проблему» с другой точки зрения.

«Под сенью двуглавого орла» Польша прожила изрядный кусок своей жизни – сто двадцать три года. Если исключить разные эксцессы типа восстаний польской шляхты 1830 и 1863 гг. и робких попыток 1904–1912 гг. русификации Привислянского края – время нахождения Царства Польского в составе Российской Империи характеризовалось постоянным экономическим ростом, этническим расцветом, конфессиональной неприкосновенностью и ростом национального самосознания.

Итак, немного об истории «Русской Польши», то бишь – Царства Польского.

После Венского конгресса, как известно, к России отошли коренные польские земли Привислянского края – в те годы безнадежная нищая глухомань; немудрено, что русские цари, получив в управление эту территорию, тотчас же озаботились ее экономическим развитием – даже несмотря на политические риски, связанные с вложениями средств в нерусские территории. И самым ярким образцом русского правления Польшей в XIX веке может служить город Лодзь и его окрестности.

В сентябре 1820 г. от имени Государя Императора Александра I на заседании Административного Совета Царства было принято решение причислить ряд маленьких городков, в том числе и захолустную Лодзь, к разряду фабричных и всячески способствовать в них развитию текстильной промышленности. В то время в Лодзи насчитывалось всего только 112 домов и 799 жителей. Доходы города не превышали 2577 злотых, что на русские деньги составляло смехотворную сумму в 387 руб.

В Лодзь начали зазывать иностранных специалистов, которым немедленно предоставляли ссуды, участки для строительства, стройматериалы из казенных лесов и другие льготы. Этому решению Административного Совета суждено было навсегда изменить жизнь городка: из небольшого селения в 799 душ в 1820 г. Лодзь превратилась в полумиллионный город в 1913 г.

Царское правительство отменило таможенную границу между Царством Польским и остальной Империей, увеличивая таким образом рынок сбыта текстильных товаров, и ввело высокие таможенные ставки на товары из Австрии и Пруссии для воспрепятствования наплыву дешевого текстиля оттуда. Любопытно, что в начале 1820-х два подлодзинских городка были переименованы в Aleksandrow Lodzki и Konstantinow Lodzki в честь Императора Александра I и Великого Князя Константина. Городки эти сохранили свое название и по сей день, хотя лишь единицы знают о том, кому эти местности обязаны своим именем.

Император Александр I, посетивший Лодзь летом 1825 г., с любопытством осмотрел развивающиеся владения, остался весьма доволен происходящим и приказал расширить город. После смерти Александра I на трон вступил его брат Николай, который либеральничать не любил и сразу же повел довольно жесткую политику по отношению к Царству Польскому. Во-первых, пожелал короноваться в бывшем Королевском Замке

в Варшаве; во-вторых, после антирусского Ноябрьского восстания 1830 г. наказал Царство Польское лишением автономии, ликвидацией польской армии и восстановлением таможенной границы. Последняя мера больно ударила по развивающейся текстильной промышленности, сделав польский текстиль неконкурентоспособным на российском рынке – но через четыре год эта мера была отменена.

Политика Императора Николая была направлена на минимально возможную в то время русификацию Царства Польского: в 1830–1840-х гг. в столице появляются первые высокого ранга чиновники из Петербурга, поляков начинают обязывать вывешивать на своих торговых заведениях двуязычные вывески и вводить в оборот двуязычные купюры. Впрочем, русификация эта была исключительно декоративной – так, немного потешить русское самолюбие. Гораздо важнее для всего Привислянского края были не экзерсисы русской администрации с магазинными вывесками, а то, что в 1840 г. население Лодзи достигло 20 150 душ, а производство определилось в сумме 941 228 руб. Это был, разумеется, весьма незначительный результат – в масштабах Империи. Для Царства же Польского Лодзь становилась основным промышленным центром. Немудрено, что в 1847 г. пророссийский президент Лодзи совместно с членами Магистрата и почетными гражданами обратился к Николаю I с просьбой разрешить переименовать город в Николаев. Просьбу обосновали следующим образом: *«Горожанам неизвестна этимология названия города... они не придают значения имени, которое не вызывает никаких ассоциаций. Их сердца помнят лишь благодеяния со стороны Всемогущего Монарха... Горожане челом бьют, дабы переименовать город в честь его Достойнейшего Реформатора, ибо всеми благодеяниями город обязан исключительно Безграничной Милости Светлейшего Императора. Переименование города позволит показать чувство нерушимой верности и безграничной привязанности к Трону и Царствующей Семье».*

Николай I сие действо не разрешил. Но сам факт!!!

***

Накануне «январского» восстания 1863 г., в 1860 г., *«в Лодзи насчитывалось уже 29 450 постоянного и 3189 человек пришлого населения, в том числе 12 179 немцев; фабричное производство занимало 7107 рабочих рук, и общий оборот его достигал 2 612 095 руб. В то время самым обширным производством славилась фабрика Людвига Гайера (перерабатывающая 541 тыс. фунтов бумажной пряжи при 547 работниках); ей составляла конкуренцию фабрика Карла Шейблера (давшая 1 455 804 руб. чистого дохода, т.е. 16 % на основной капитал в 9 млн рублей), перерабатывающая в год 458 тысяч фунтов пряжи при 115 рабочих».*

Вот что значит – «бескрайний рынок сбыта»! Промышленность Лодзи росла как на дрожжах – и, дабы не прогневить Господа, господа фабриканты время от времени скидывались на строительство общественных зданий; а поскольку в этом смысле тогда наилучшим вложением капиталов считались православные храмы – то строили именно их. И не имело, на самом деле, никакого значения, что подавляющее большинство населения было католиками! Важно было грамотно прогнуться перед русской властью.

Появлению первой православной церкви Лодзь обязана спасению жизни Императора Александра Второго после неудавшегося покушения в 1879 г. Наиболее влиятельные лица города обратились к губернским властям (Лодзь входила в состав Петроковской губернии) с просьбой разрешить строительство церкви в знак благодарности за чудесное спасение Государя. Разрешение было получено, фабриканты организовали комитет по строительству церкви и пожертвовали для этой цели немалые суммы, например, председатель Комитета внес 10 000 рублей.

Постройка Тереспольской железной дороги, соединившей Привислянский край с внутренними губерниями России, а затем Лодзинской фабричной ветви, а также сперва франко-прусская, затем русско-турецкая войны – все это были прямые и косвенные причины изумительного роста фабричной промышленности города. В 1878 г. имелось 80 фабрик (это не описка; это официальные данные из энциклопедии Брокгауза и Ефрона) хлопчатобумажного производства с общим оборотом свыше 18 754 000 руб., и 80 фабрик шерстяных изделий с оборотом свыше 81 500 000 руб. Рост Лодзи и ее промышленности продолжался на всем протяжении 1877–1914 гг. с беспримерной для европейских городов быстротой. К началу 1896 г. в Лодзи насчитывалось свыше 100 врачей, 10 аптек с оборотом до 200 000 руб., 4 аптекарских магазина с оборотом в 480 000 руб., 375 пекарен, производящих товаров на 3 млн руб., 5 пивоваренных заводов, вырабатывающих пива на 595 000 руб. ежегодно, 244 мясные лавки с годовым оборотом в 1 320 000 руб., 274 табачные лавки с оборотом в 800 000 руб., 620 оптовых складов и магазинов для продажи спиртных напитков и вин на сумму 31 500 000 руб. Это – что касается промышленности и торговли.

Но и банковское дело Лодзи было поставлено на соответствующую высоту.

В городе насчитывалось 11 мелких банкирских домов, делающих операций на 41 500 000 руб. Из крупных банковых и акционерных учреждений в Лодзи наиболее обширна, после отделения государственного банка, была деятельность местного коммерческого банка, обороты которого в 1894 г. достигли 258 750 498 руб.; учет векселей составил 26 383 242 руб., текущие счета – 7 157 270 руб. Дивиденд по акциям был назначен в 12 % их номинальной стоимости. Лодзинское городское кредитное общество с 1872 по 1894 г. выпустило 5 % закладных листов на 12 608 200 руб.; лодзинское отделение варшавского акционерного ссудного общества с 1891 г. по 1895 г. выдало 64 тыс. ссуд, на сумму 5 млн руб.

Основой лодзинской промышленности была выделка хлопчатобумажной ткани, находившаяся в руках крупных и средней руки фабрикантов; более мелкие занимались производством мануфактурных товаров остальных категорий – шерстяных, полушерстяных и др.

Позволю себе спросить – где бы была вся лодзинская промышленность, не будь у нее российского рынка сбыта? Вопрос остается чисто риторическим.

***

Но это – сфера, так сказать, материальная, скажет вдумчивый читатель. А ведь еще духовные моменты в жизни каждой нации! А проклятый царизм, как известно, злостно угнетал свободолюбивых поляков, не давал им самовыражаться, и вообще всячески гнобил и принижал поляков, пресекал все пути к их развитию и поставил большой жирный крест на любой маломальски серьезной карьере для любого человека из-за Буга.

Бред. Карьеру в Петербурге поляки делали даже во времена национальных поражений. Об этом свидетельствует, например, судьба Станислава Моравского (1802–1853), известного мемуариста, получившего медицинское образование. «Из-за сложных отношений с отцом он около 1829 г. переехал в Петербург и занялся врачебной практикой в высшем свете столицы. Петербургские медики, желая избавиться от опасного конкурента, в сентябре следующего года употребили все свои усилия на то, чтобы Моравский был включен в состав комиссии, созданной для борьбы с холерой. Таким образом, ему пришлось-таки покинуть Петербург, однако он приобрел себе могущественного покровителя в лице министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского. Через год Моравский вернулся живым и здоровым в Петербург и стал чиновником по особым поручениям при директоре медицинского департамента. С января 1833 г. он был врачом в статс-секретариате по делам Царства Польского, а затем стал чиновником законодательной комиссии.

В Петербурге он находился до 1838 г., сумев наладить связи с интеллектуальной элитой и в великосветском обществе. Он описал их в своих интереснейших мемуарах («В Петербурге. 1827–1838»), где отразилось его восхищение столицей России и царившей там интеллектуальной атмосферой. Наверное, поэтому его мемуары были изданы лишь в 1927 г.».

Но эта карьера – сущая ерунда по сравнению с остальными!

После начала восстания 1830 г. в Петербурге в числе делегатов мятежной Варшавы оказался министр финансов Царства Польского князь Ксаверий Любецкий; он все еще надеялся на полюбовное разрешение конфликта. Но это оказалось невозможным, а самому Любецкому по приказу царя, пришлось остаться в Петербурге. И по царскому же распоряжению в начале января 1831 г. Любецкий отправил письмо Хлопицкому, в котором пытался убедить того в необходимости прекратить восстание. Благодаря этому Любецкий не лишился милости Николая I; в феврале 1832 г. царь назначил его членом Государственного совета (ИМПЕРСКОГО Государственного совета!) и включил в состав комитета по выработке «органического устава» для Царства Польского, который должен был заменить польскую конституцию. Любецкий также оказывал заметное влияние на финансовую политику империи. Он, между прочим, находился в постоянном конфликте с министром финансов Канкриным, причем настолько глубоком, что его даже подозревали в желании занять этот пост. Любецкий скончался в Петербурге (1861). Последние годы жизни Любецкого лишили его всяких шансов на то, что когда-нибудь в независимой Польше ему поставят памятник.

В 1834 г. Николай I проявил особую заботу о семьях генералов, погибших в «ноябрьскую ночь» (ночь на 29 ноября 1830 г., когда началось восстание) от рук повстанцев, за то, что не пожелали к ним присоединиться и сохранили верность России. Так в столице империи оказалась дочь Мауриция Хауке Юлия,

которую произвели во фрейлины двора. В 1851 г. она вышла замуж за принца Александра Гессенского. Их потомки породнились с представителями многих европейских династий, так что и наследник британского трона принц Чарльз, и король Испании Хуан Карлос – потомки Юлии Хауке.

Если бы не восстание 1863 г., иначе могла бы сложиться судьба потомка обедневшей шляхты Иосафата Огрызко (1827–1890); окончив в 1844 г. минскую гимназию, он работал сначала в Петербурге смотрителем при транспортировке товаров. В 1849 г. ему, однако, удалось окончить юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1857 г. Огрызко был принят на службу в Министерство финансов и быстро поднимался по ступеням карьеры. Когда началось восстание, он формально занимал должность вице-директора; а фактически был уже одним из руководителей этого ведомства. В то время он получал 3000 рублей годового жалования. Но он пожелал поучаствовать в мятеже 1863 г. – и был сослан в Сибирь. Иосафат Огрызко умер в Иркутске в 1890 г.

Однако ничто не воспрепятствовало карьере многих других поляков, начинавших делать ее в Петербурге. Среди живописцев, добившихся наибольшей после вышеупомянутого Орловского славы, был Генрих Семирадский (1845–1902), который в 1864 г. поступил в петербургскую Академию художеств. «Участвуя во всех конкурсах, он собрал все награды, какие только было можно», а в 1870 г. за огромное полотно «Александр Македонский и его врач Филипп» получил золотую медаль и заграничную стипендию на шесть лет. С 1871 г. Семирадский в основном жил за границей, но по-прежнему часто приезжал в Петербург, где пользовался покровительством царского двора. По сей день, впрочем, Семирадский фигурирует во многих российских учебниках как выдающийся художник польского происхождения.

На рубеже XIX–XX вв. завоевывали европейскую славу такие профессора-поляки, преподававшие в Санкт-Петербургском университете, как выдающийся языковед и

славист Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртене (1845–1929), правовед Леон (Лев Иосифович) Петражицкий (1867–1931), превосходный знаток античности Тадеуш (Фаддей Францевич) Зелинский (1859–1949). После революции 1905 г. возникла возможность легальной политической деятельности; в I Государственной Думе блестяще проявил себя тогда один из лидеров партии кадетов (конституционных демократов) вышеупомянутый Александр Ледницкий (1866–1934) (членом Государственной Думы был также Петражицкий).

Еще ранее в среде адвокатуры прославился Владимир Спасович (1829–1906), выпускник Санкт-Петербургского университета, а потом профессор этого же университета. На архитектурный облик Петербурга большое влияние оказали Мариан Лялевич (1876–1944) и Мариан Перетяткович, по проектам которых в Петербурге были возведены многие по сей день сохранившиеся здания, построенные в неоклассическом стиле.

Имена и примеры успешных карьер поляков в Российской Империи можно было бы, конечно, приводить без конца. Например, история жизни Генрика Мерчинга (1860–1916), профессора электротехники и механики, а также заслуженного историка польской и литовской реформации, дает нам пример суперуспешного строительства карьеры поляка в России. Выпускник института инженеров связи, Г. Мерчинг начал работать в этом институте в 1887 г. сверхштатным преподавателем, а в конце жизни достиг чина действительного тайного советника (между прочим, ТРЕТИЙ по «Табели о рангах» чин в Российской Империи, выше – только вице-канцлер и канцлер!) После смерти Мерчинга осталась не только богатая библиотека, но и огромное состояние: около 110 тыс. руб. в ценных бумагах; половину этого состояния Мерчинг отписал на общественные цели. Его труды о польском протестантстве по-прежнему входят в научный оборот: одна из его работ («Протестантские общины и сенаторы в старой Польше», 1904) недавно была выпущена репринтным изданием. Стоит при этом подчеркнуть, что научную (а раньше

и чиновничью) карьеру можно было сделать в Петербурге, не переходя в православие, что в Царстве Польском после 1863 г., как правило, было невозможно.

Наряду с интеллектуальной элитой, поляки появлялись и в глубине России – как инженеры, врачи, адвокаты, управляющие имениями. *«Эти пришлые превосходят туземцев своей сообразительностью, опытом и смекалкой, так что зачастую выбиваются на руководящие должности»* (В. Дзвонковский. «Россия и Польша»). Поляки в российской глубинке совсем неплохо жили, трудясь в промышленности или торговле.

Что характерно – поляки, сделавшие карьеру в столице империи, не могли рассчитывать на одобрение соотечественников. Об этом не раз писал Людвик Базылев, признавая, что поляки, добившиеся успеха, почти всегда отличались лояльностью к правительству. Обязанности свои они выполняли честно и добросовестно, «работали производительно, заслуживая похвалу, получали ордена, поднимались по т.н. табели о рангах. Говорили, писали и действовали по-русски с утра до ночи».

Польскому графу и русскому генералу Любецкому завистливые соотечественники не забыли его пребывания в пажеском корпусе, куда его отдали на шестом году жизни (такое было принято среди русских дворян). За это и за участие в итальянской кампании Суворова (1799) ему приписывали «русскую душу», «солдатское воспитание» и «петербургскую муштру». О Спасовиче «польские» поляки ядовито писали, что он был одновременно поляком и русским. Подобное же мнение высказывали и о Зелинском. Почему-то это считалось особенным грехом. Спасовича осуждали за те взгляды, которые он высказывал на страницах крайне лояльного еженедельника «Край», издававшегося в Петербурге в 1882–1914 гг. В выходившем в Галиции журнале «Тека» в 1898 г. ядовито писали, что, устраивая вечер памяти Мицкевича, под лозунгом польско-русского примирения «он хотел еще раз дать волю своей любимой идее о прочной связи будущности польского народа с судьбой его господина и палача».

В мемуарах польских офицеров и генералов русской службы, после событий 1917–1920 гг. перебравшихся в Польшу, мемуарах, которые издавались уже во Второй Речи Посполитой, явно ощутима ностальгия по годам службы в рядах русской армии (хотя бы в «Моих воспоминаниях» Юзефа Довбора-Мусницкого). Да и Виткацкий без особого сожаления вспоминал свою службу офицером в петербургском гвардейском полку.

Многих из названных выше представителей петербургской Полонии мы встречаем впоследствии в политической жизни Второй Речи Посполитой, прежде всего в университетах, где кафедры возглавляли Бодуэн де Куртенэ, которого в 1922 г. выдвигали кандидатом на пост президента Речи Посполитой, Петражицкий и Зелинский. Последний, хотя и был весьма уважаем, не раз вызывал смех аудитории своей весьма своеобразной польской речью, полной русицизмов. Один из анекдотов гласил, что из его рассказа о страданиях Прометея получалось, что каждый день орел расклевывал ему «жаркое» (жаркое – по-польски «печень», а печень – «вонтроба»). Видимо и сами изгнанники из прежней столицы России вспоминали ее с ностальгией – подобно многим представителям русской эмиграции.

И в этом нет ничего удивительного – вопреки позднейшей официальной лжи властей Второй Речи Посполитой, поляки в Российской империи были «равными среди равных» – одних генералов Польша дала России более сорока душ! Интересно, сейчас хотя бы один польский генерал занимает хоть какую-нибудь серьезную должность в аппарате НАТО или в командовании ее объединенных вооруженных сил?

***

«Народная Польша», если исключить, опять же, разные незначительные мелочи, под главенством СССР демонстрировала колоссальное экономическое развитие, рост ВВП, увеличение численности населения и рост его благосостояния.

О чем это говорит?

Русские для поляков – постоянный конкурент в славянском мире. Времена, когда русские могли осуществлять политическую власть в Польше (напрямую – с 1792-го по 1916-й, и косвенно – с 1945-го по 1989 гг.), характеризовались непрерывным ростом национального самосознания поляков – иными словами, господство русских требовало от поляков теснее сплотиться вокруг своих национальных святынь и, тем самым, значительно лучше самоидентифицировать себя как единую нацию, весьма отличную от «кузенов с Востока».

Таким образом, мы можем констатировать простой факт – русское политическое господство спасло польский народ как этническую единицу! И, кроме того, русское политическое господство всегда способствовало подъему экономики Польши – опять же, из соображений политической целесообразности.

Польше нет места на Западе – очень скоро ее сантехники, водители и санитарки будут заменены в развитых европейских странах эмигрантами из мусульманского мира; а чуть позже исламисты, которые захватят власть в «старой Европе», придут к выводу, что Польше более не стоит быть католической и славянской. Ей весьма пойдет ислам, а над Мариацким костелом и над куполами Катедры на Вавеле взамен крестов пришло время водрузить полумесяц. И это будет конец Польши!

И поэтому напрасно нынешний президент Польши Лех Качиньский изо всех сил надувает щеки и грубит в сторону России. Совершенно зря он ездит на «пикники» с Саакашвили – очень скоро придет время ему (или его преемнику) сменить и тон выступлений, и выражение лица, и тексты речей. И заговорить с российским руководством совсем по-другому – как с родственниками и друзьями, без которых дальнейшая жизнь Польши будет просто немыслима.

***

Сегодня Польша – в ЕС и НАТО, сегодня Польша – часть «Западного мира» и потенциальный военный и политический противник России. Хм...

Польская экономика демонстрировала до кризиса неплохие темпы: за 2006 г., например, – 5,4 % рост. Безработица с кошмарных 18 % сократилась до не столь уж и ужасных 14,6 %. Выросли средние зарплаты – на сегодня они составляют приблизительно 1000 долларов, что, положа руку на сердце, – очень и очень приличный результат для государств с переходной экономикой (у соседней Белоруссии этот показатель едва превышает 300 долларов; правда, и долгов у Белоруссии всего 14 % от ВВП, в отличие от западной соседки – но об этом ниже).

Одна беда – сегодня в Польше полякам практически НИЧЕГО НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ!

Общий объем иностранных инвестиций с 1990 по 2006 гг. составил астрономическую сумму – 450 млрд долларов. Но под иезуитским термином «иностранные инвестиции» в странах бывшего социалистического лагеря понимается распродажа национального достояния – и 80 % польских банков сегодня принадлежат иностранцам, равно как и почти вся металлургия, переработка сельскохозяйственных продуктов, грузоперевозки, гостиницы (за исключением деревенских усадеб столь модного сегодня в Европе «экологического туризма» – ну, тут уж ничего не поделаешь...). Одним словом – поляки за эти шестнадцать лет дотла распродали свое национальное достояние – и оказались, помимо всего прочего, в долгах как в шелках!

В 1989 г. долг Польши составлял 48 млрд долларов. 15 лет спустя, в 2004-м, он превысил 104 млрд долларов. Внутреннего долга «народная» Польша вообще не имела, а в 2004 г. он превысил 400 млрд злотых. Национальное достояние в 1989 г. было в руках Польши, к 2004-му оно – на 70 % в руках иностранцев.

Но дальше ситуация покатилась под уклон вообще с невообразимой скоростью! По состоянию на сентябрь 2006 г. государственный долг Польши составил 479,1 млрд злотых (160 млрд долларов). Внешний долг – это 133,75 млрд злотых, внутренний долг – 345,34 млрд злотых. За 9 месяцев 2006 г. государственный долг увеличился на 39 млрд злотых.

В период с 2001 по 2005 гг. государственный долг рос в два раза быстрее, чем ВВП, а государственный долг Польши по отношению к ВВП в 2005 г. составил 55 %.

Польские долги – это нечто невообразимое. А ведь после того как Польша перестала быть социалистической, Запад ей, в отличие от России, списал в 1992 г. 50 % внешней задолженности (по политическим мотивам). В итоге внешний долг Польши сократился с 30 до 15 млрд долларов. Из Польши хотели сделать пример для России, Украины и Белоруссии. А в результате? За годы либеральных реформ внешний долг Польши увеличился в СЕМЬ РАЗ!

После вступления в ЕС Польше западные страны отвели определенный процент участия в сельскохозяйственной и сталелитейной промышленности для сотрудничества с Востоком. Но это уровень, который имела Польша лет 50 назад, и не больше этого!

Сегодня у Польши нет шансов использовать всю свою имеющуюся инфраструктуру в экономике и промышленности, а если нет шансов, то нет шансов вырваться очень многим людям из бедности.

Что это значит? Польша находится в зоне гораздо более мягкого климата, чем Россия – посему ее сельское хозяйство возделывает культуры, которые в России традиционно дефицитны (яблоки, груши, лук, морковь, некоторые сорта капусты), и которые во времена СЭВа (да и до последних дней экономически независимого существования Польши!) имели устойчивый сбыт на российском рынке.

Но с вступлением Польши в ЕС евробюрократы (лоббирующие интересы «старых» сельскохозяйственных государств Евросоюза) задавили независимых польских «продуцентов» тех же яблок и того же лука немыслимо жесткими требованиями по качеству и размерам. В итоге – польские крестьяне засевают свои поля сосновым подлеском – на это деньги у ЕС есть. Шикарные привислянские сады, каждой осенью радующие глаз всякого, кто путешествует от Люблина до Кракова, – сегодня вырубаются, ибо на эти яблоки нет сбыта.

А ведь Польша и по сей день – крестьянская страна...

Европейская Уния уничтожит рано или поздно сам крестьянский дух Польши – в этом нет никаких сомнений. Останутся лишь крупные производители, до минимума снизившие расходы – и масса наемных батраков; крестьянство как класс – в Польше умрет.

А ведь именно с исчезновения свободного италийского крестьянства и превращения всего Апеннинского полуострова в скопище гигантских латифундий с рабами в качестве сельскохозяйственных рабочих – начался крах Римской империи!

Европе не нужна Польша как самобытная славянская и крестьянская страна. Просто не нужна, в принципе. Источник дешевой рабочей силы и рынок сбыта – и все!

Сегодня Польша все еще представляет из себя относительно высокотехнологическое государство – во многом благодаря тому, что место польских инженеров и специалистов, выехавших на Запад, сегодня занимают выпускники галицийских вузов. А что будет завтра? Когда, как в Латвии, страну покинут все квалифицированные строители, ремонтники – в конце концов, те же самые пресловутые сантехники? При том, что Галиция – не решение проблемы, это сугубый паллиатив?

И вот тогда произойдет окончательный крах Польши как государства польского народа. Здоровая крестьянская основа общественной нравственности будет разрушена – она разрушается

уже сегодня – и место столь привычных нам поляков – задир, хвастунов и выпивох, умеющих беззаветно дружить и истово ненавидеть, верующих в Бога и хранящих в красном углу портрет Пилсудского – займут «новые кочевники» без флага и Родины.

И тогда Польша умрет. Вместе со всем остальным Западным Миром – разделив его заблуждения (но отнюдь не доходы) и поплатившись за это своим будущим.

Потому что у Европы будущего НЕТ.

Но значит ли это, что нет его и у Польши?

Никак нет. Потому что у Польши есть Россия.

***

Россия – мать славянства, несмотря на то, как она исторически сложилась (а может, именно поэтому) – без различия конфессиональной принадлежности. Может быть, иногда чрезмерно строгая – но все же мать. А мать всегда своя, и если иногда неприветлива и холодна – то всегда, в конце концов, отходчива и дружелюбна.

А Европа для Польши всегда была, есть и будет мачехой; обычно – жестокой и безжалостной, иногда, когда есть в том необходимость – лицемерно приветливой и холодно вежливой – но всегда чужой.

Место Польши – у нашего огня. И рано или поздно, но поляки поймут, что их политические лидеры – всего-навсего купленные марионетки, поющие с чужой партитуры. Поймут – и сделают соответствующие выводы.

И когда поляки поймут, с кем им на самом деле по пути в этом недружелюбном и суровом мире – мы их встретим и обнимем; обнимем, как заблудшего сына, в конце пути, после бесчисленных мытарств и невзгод, все же нашедшего истинную дорогу к родному порогу…

10 Зак. 3028

Эпилог

Краков, апрель 2004-го

Как же мало здесь все изменилось! Прошло почти шестнадцать лет, а такое чувство, что никуда отсюда и не уезжал. Впрочем, чему здесь меняться? Слава Богу, и Барбакан, и Флорианская улица, и Мариацкий костел, и силуэт Вавеля, возвышающийся впереди, и Сукеницы, и площадь перед ними, полная голубей – остаются неизменными уже лет триста, не меньше. Ну, может быть, за исключением голубей. Хотя не факт.

Шумная Звежинецкая, знакомый до боли бар, куда в пору студенческой беззаботной юности забегали выпить пива – цел и невредим. Замечательно! Зайдем? Зайдем!

Пиво стало лучше – хотя, наверное, и дороже; вот черт, даже и не вспомню, сколько оно стоило тогда на те, старые злотувки. Впрочем, какая разница? Главное – что холодное, а галенка с фритками и суровками – горячая, огненная прямо. А это что? Малиновое пиво? Это как? Ну-ка, неси попробовать!

Нет, не из Украины. И не из России. Из Белоруссии. Да, нравится. Хочешь по-русски поговорить? Хорошо, попробуй, если что – я поправлю. Нормально! Не забыл! Садись, четверка с плюсом. Где жил? Да далековато, интернат студенцки «Меркурий». Знаешь? Очень хорошо! Когда жил? Да было такое время в Польше, когда еще была коммуна. Помнишь? И я помню. Ладно, спасибо, пойдем помаленьку.

За все про все на двоих – сорок злотых. Недорого, наверное. Почти как у нас – только что-то щемит сердце. Сразу и не поймешь, отчего. Надо присесть на скамеечку на плантах, подумать, вспомнить былое. И попытаться понять, отчего ж так болит сердце? И начинаешь понимать.

Это как встреча с девушкой, которую беззаветно любил в далекой юности. Писал ей стихи, гулял с ней по ночам, назначал свидания, думал о ней ежеминутно, мечтал о предстоящей встрече и, не успев еще толком распрощаться – тут же начинал тосковать по ее глазам, по запаху ее волос, по мягкой нежности ее кожи.

А потом ты ее потерял – она вышла замуж за военного моряка и уехала в далекий приморский город. Потому что капитан третьего ранга, командир какой-то там БЧ на крейсере – это серьезно, солидно; это – квартира, положение, оклад. А у тебя? Ты нищий поэт, студент, босяк. У тебя ничего нет – кроме стопки стихов, посвященных ей.

И твой мир рушится. Потом, как в детском калейдоскопе – мелькают годы, женщины, города и страны, заботы, хлопоты, житейская круговерть. И вдруг – встречаешь ее через пятнадцать лет. У тебя – семья, жена, дети, дом, работа. У тебя – все в порядке, ты устроен в жизни, и все тебе кажется хорошо. Пока случайно в переходе метро ты не встречаешь ее.

Сначала ты не веришь своим глазам – она почти не изменилась! Такая же стройная, красивая, потрясающе эффектная – как пятнадцать лет назад. Ты отступаешь в изумлении – и она не сразу, но все же узнает тебя. Ласково, но немного устало улыбается, протягивает руку... И ты понимаешь, что эти пятнадцать лет и для нее не прошли даром. Сеточка морщинок у когда-то безумно любимых глаз. И затаившееся в их глубине едва уловимое горе.

Да, узнала. Нет, не забыла. Живу потихоньку. Нет, не замужем. Нет, не развелась. Погиб при аварии на крейсере. Давно. Осталась дочка и квартира в теперь уже чужой стране.

И ты молчишь. Потому что тебе нечего сказать.

Она – не твоя. И не будет твоей никогда. У нее свой мир, в который она тебя не пустит. Потому что и ее горе, и ее

радости принадлежат только ей и никому больше. И ты растерянно прощаешься, зачем-то записываешь номер телефона – по которому никогда не станешь звонить...

Моя Польша умерла. В этот славный апрельский день понимаешь это вдруг резко и отчетливо. Ее больше не будет никогда – она ушла вместе с моей юностью, ушла в небытие, и никогда мне в нее не вернуться – как невозможно вернуть молодость.

Я встаю, отряхиваю несуществующую пыль с брюк, не торопясь, иду вдоль кирпичной стены Старего Мяста. Родные места! Вот здесь мы гуляли с Элей, вот под этими часами безостановочно, по полчаса, целовались. С этой трамвайной остановки она уезжала к себе, на Клепарж. А по этой торговой улице – кажется, Кармелитской? – не помню, как она называлась тогда – я шел к своей общаге.

По магазинам? Да ну их в баню! Нет, свернем-ка направо, к Барбакану. Полюбуемся на памятник Владиславу Ягайле, на героев Грюнвальда. У нас осталось слишком много общего, чтобы вдруг так, с лету, забыть об этом.

Вечереет. Апрель, но все еще холодно. Народ в куртках, плащах – хотя трава уже ярко-зеленая, живая. Вот и Барбакан. Когда уже закончат его ремонт? В мою студенческую юность его уже, кажется, ремонтировали – неужто до сих пор ковыряются? Или по новой начали?

Стоп.

Этого не может быть.

Таня, ты видишь? Или у меня галлюцинации?

На сером бетонном начинающем зарастать мхом постаменте – четыре красные гвоздики.

Что это было? Это был памятник, Таня. Памятник маршалу Коневу. Человеку, спасшему Краков.

Кто его убрал? Не знаю, не помню. Поляки?

Нет. Его убрали не поляки – это я точно знаю. Поляки на это не способны – они ведь наши братья, хотя и двоюродные; они помнят, что этот человек сделал для Польши, и никогда бы не учинили такую подлость.

А что значат эти цветы?

А это значит, что моя Польша – настоящая Польша, Польша порядочных людей, честных и мужественных, благородных мужчин и прекрасных женщин, Польша, которую я любил когда-то – эта Польша жива! Просто очень трудно сегодня ее разглядеть сквозь толстый слой европейского грима, что старательно кладут на ее прекрасное лицо люди, именующие себя «польской элитой».

Моя Польша жива! Четыре красных гвоздики на постаменте снесенного в смутные времена памятника маршалу Коневу говорят об этом лучше всяких слов.

Пусть она живет вечно!

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР	За Правительство Германии
В. Молотов	*И. Риббентроп*

АВПРФ, ф. 3а, д. 246 – Германия. Подлинник.

Молотов В. М.

Доклад о внешней политике Правительства
(на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР)
31 октября 1939 года

Товарищи депутаты! За последние два месяца в международной обстановке произошли важные изменения. Это относится, прежде всего, к положению в Европе, но также и к странам, находящимся далеко за пределами Европы. В связи с этим надо указать на три основных обстоятельства, имеющих решающее значение.

Во-первых, надо указать на изменения, происшедшие в отношениях между Советским Союзом и Германией. Со времени заключения 23 августа советско-германского договора о ненападении был положен конец ненормальным отношениям, существовавшим в течение ряда лет между Советским Союзом и Германией. На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве. Происшедший крутой поворот в отношениях между Советским Союзом и Германией, между двумя самыми крупными государствами Европы, не мог не сказаться на всем международном положении. При этом события целиком подтвердили ту оценку политического значения советско-германского сближения, которая была дана на прошлой Сессии Верховного Совета.

Во-вторых, надо указать на такой факт как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши не мало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако, оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. «Традиционная политика» беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась.

В-третьих, следует признать, что вспыхнувшая в Европе большая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. Эта война началась между Германией и Польшей и превратилась в

войну между Германией – с одной стороны, Англией и Францией – с другой. Война между Германией и Польшей закончилась быстро, ввиду полного банкротства польских руководителей. Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и неизвестно, что это были за «гарантии». (Общий смех). Начавшаяся между Германией и англо-французским блоком война находится лишь в своей первой стадии и по-настоящему еще не развернулась. Тем не менее понятно, что такая война должна была внести коренные изменения в положение Европы, да и не только Европы.

В связи с этими важными изменениями международной обстановки некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно и к которым многие так привыкли – явно устарели и теперь неприменимы. Надо отдать себе в этом отчет, чтобы избежать грубых ошибок в оценке сложившегося нового политического положения в Европе.

Известно, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор» получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Не трудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3–4 месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются.

Попытки английского и французского правительств оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, явно несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства. Понимая это, правительства Англии и Франции, однако, не хотят прекращения войны и восстановления мира, а ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии.

В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило,

что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские, сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и к культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции? Во всяком случае под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию». В самом деле, никак нельзя назвать борьбой за демократию такие действия, как закрытие коммунистической партии во Франции, аресты коммунистических депутатов французского парламента или урезывание политических свобод в Англии, неослабевающий национальный гнет в Индии и т.п.

Не ясно ли, что цель теперешней войны в Европе не в том, о чем говорят в официальных выступлениях для широкого круга слушателей во Франции и Англии, то есть не в борьбе за демократию, а в чем-то другом, о чем не говорят эти господа открыто.

Действительная причина англо-французской войны против Германии не в том, что Англия и Франция поклялись будто бы восстановить прежнюю Польшу и, конечно, не в том, что они решили будто бы взять на себя задачу борьбы за демократию. У правящих кругов Англии и Франции есть, разумеется, другие более действительные мотивы для войны против Германии. Эти мотивы относятся не к области какой-либо идеологии, а к сфере их сугубо материальных интересов как могущественных колониальных держав.

Британская империя, население которой достигает 47 миллионов, владеет колониями с населением в 480 миллионов человек. Колониальная империя Франции, население которой не превышает 42 миллионов, охватывает 70 миллионов жителей во французских колониях. Владение этими колониями, дающее возможность эксплуатировать сотни миллионов людей, является основой мирового господства Англии и Франции. Страх перед германскими притязаниями на эти колониальные владения – вот в чем подоплека теперешней войны Англии и Франции против Германии, которая серьезно усилилась за последнее время в результате развала Версальского договора. Опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии.

Таким образом, империалистический характер этой войны очевиден для каждого, кто хочет видеть действительное положение дел, кто не закрывает глаз на факты.

Из всего этого видно, кому нужна эта война, ведущаяся из-за мирового господства. Конечно, не рабочему классу. Такая война не сулит рабочему классу ничего, кроме кровавых жертв и бедствий.

После этого, судите сами: изменилось или не изменилось за последний период содержание таких понятий, как «агрессия», «агрессор»? Нетрудно видеть, что употребление этих слов в старом смысле, – то есть, как это было до последнего решительного поворота в политических отношениях между Советским Союзом и Германией и до начала большой империалистической войны в Европе, – может порождать только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам. Чтобы этого не случилось, мы не должны допускать некритического отношения к тем старым понятиям, которые неприменимы в новой международной обстановке.

Так сложилась международная обстановка в последний период. Перейдем к изменениям, происшедшим во внешнем положении самого Советского Союза. Изменения здесь произошли не маленькие, но, если говорить о главном, то нельзя не признать следующего: благодаря последовательному проведению своей мирной внешней политики, нам удалось значительно усилить свои позиции и международный вес Советского Союза. (Продолжительные аплодисменты).

Наши отношения с Германией, как я уже сказал, улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления

дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру. Заключенный между Советским Союзом и Германией договор о ненападении обязывал нас к нейтралитету в случае участия Германии в войне. Мы последовательно проводили эту линию, чему отнюдь не противоречит вступление наших войск на территорию бывшей Польши, начавшееся 17 сентября. Достаточно напомнить, что тогда же, 17 сентября, Советское Правительство разослало всем государствам, с которыми оно имеет дипломатические отношения, специальную ноту с заявлением о том, что СССР и впредь будет проводить политику нейтралитета в отношениях с ними. Как известно, наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось и фактически перестало существовать. Оставаться нейтральными к таким фактам мы, разумеется, не могли, так как в результате этих событий перед нами встали острые вопросы безопасности нашего государства. К тому же Советское Правительство не могло не считаться с исключительным положением, создавшимся для братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, которое в развалившейся Польше оказалось брошенным на произвол судьбы.

Последующие события полностью подтвердили, что новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов. После вступления частей Красной Армии на территорию бывшего Польского государства возникли серьезные вопросы разграничения государственных интересов СССР и Германии. Эти вопросы были быстро урегулированы по взаимному согласию. Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в конце сентября, закрепил каши отношения с Германским государством.

Отношения Германии с другими западноевропейскими буржуазными государствами за последние два десятилетия определялись, прежде всего, стремлением Германии разбить путы Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки. Это в конечном счете и привело к теперешней войне в Европе.

Отношения Советского Союза с Германией строились на другой основе, не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы. Мы всегда были того мнения, что

сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе. Было бы смешно думать, что Германию можно «просто вывести из строя» и скинуть со счетов. Державы, лелеющие эту глупую и опасную мечту, не учитывают печального опыта Версаля, не отдают себе отчета в возросшей мощи Германии и не понимают того, что попытка повторить Версаль при нынешней международной обстановке, в корне отличающейся от обстановки 1914 года, – может кончиться для них крахом.

Мы неуклонно стремились к улучшению отношений с Германией и всемерно приветствовали такого рода стремления в самой Германии. Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремления Германии к миру и, вместе с тем, на желании всемерно содействовать развитию советско-германских хозяйственных отношений ко взаимной выгоде обоих государств. Надо специально отметить, что происшедшие в советско-германских отношениях изменения в политической области создали благоприятные предпосылки для развития советско-германских хозяйственных отношений. Последние хозяйственные переговоры Германской делегации в Москве и происходящие в данный момент переговоры Советской хозяйственной делегации в Германии подготовляют широкую базу для развития товарооборота между Советским Союзом и Германией.

Теперь разрешите остановиться на событиях, непосредственно связанных с вступлением наших войск на территорию бывшего Польского государства. Мне нет необходимости описывать ход этих событий. Обо всем этом подробно говорилось в нашей печати и вы, товарищи депутаты, хорошо знакомы с фактической стороной. Скажу лишь о самом существенном.

Нечего доказывать, что в момент полного распада Польского государства наше правительство обязано было протянуть руку помощи проживающим на территории Западной Украины и Западной Белоруссии братьям-украинцам и братьям-белорусам. Оно так и поступило. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Депутаты встают и устраивают овацию). Красная Армия вступила в эти районы при всеобщем сочувствии украинского и белорусского населения, встречавшего наши войска как своих освободителей от панского гнета, от гнета польских помещиков и капиталистов.

При боевом продвижении Красной Армии по этим районам у наших воинских частей были местами серьезные стычки с польскими

частями, а стало быть, были и жертвы. Каковы были эти жертвы, видно из следующего. На белорусском фронте в частях Красной Армии, считая начальствующий и рядовой состав, мы имели убитых – 246 и раненых – 503, а всего – 749. На украинском фронте мы имели убитых из начальствующего и рядового состава – 491 и раненых – 1359, а всего – 1850. Следовательно, общее количество жертв, понесенных Красной Армией на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, составляет: убитых – 737, раненых – 1862, то есть в целом – 2599 человек. Что касается наших боевых трофеев в Польше, то они составляют 900 с лишним орудий, свыше 10 000 пулеметов, свыше 300 тысяч винтовок, более 150 миллионов винтовочных патронов, около 1 миллиона артиллерийских снарядов, до 300 самолетов и т.д.

Перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства. Так, территория Западной Белоруссии достигает 108 тысяч квадратных километров с населением в 4 миллиона 800 тысяч человек. Территория Западной Украины составляет 88 тысяч квадратных километров с населением в 8 миллионов человек. Таким образом, перешедшая к Нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население – около 13 миллионов человек, из которых украинцев – более 7 миллионов, белорусов – более 3 миллионов, поляков – свыше 1 миллиона, евреев – свыше 1 миллиона.

Политическое значение этих событий трудно переоценить. Все сообщения с Западной Украины и Западной Белоруссии свидетельствуют о том, что население с неописуемым восторгом встретило свое освобождение от панского гнета и горячо приветствовало новую великую победу Советской власти. (Взрыв долгих аплодисментов). Прошедшие в последние дни выборы в Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, которые здесь были впервые организованы на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, с тайной подачей голосов, показали, что, по крайней мере, 9/10 населения этих областей были уже давно подготовлены для воссоединения с Советским Союзом. Известные уже теперь всем нам решения Народных Собраний во Львове и Белостоке свидетельствуют о полном единодушии народных избранников во всех политических вопросах.

Перейдем к нашим отношениям с прибалтийскими странами. Как известно, и здесь произошли существенные изменения.

В основе отношений Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой лежат соответствующие мирные договора, заключенные в 1920 г. По этим договорам Эстония, Латвия и Литва получили самостоятельное государственное существование, причем за весь истекший период Советский Союз неизменно проводил дружественную политику в отношении этих, вновь созданных, малых государств. В этом нашло свое выражение коренное отличие политики Советской власти от политики царской России, зверски угнетавшей малые народы, не дававшей им какой-либо возможности самостоятельного национально-государственного развития и оставившей у них не мало тягостных воспоминаний. Следует признать, что опыт истекших двух десятилетий развития дружественных советско-эстонских, советско-латвийских и советско-литовских отношений создал благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления политических и всяких других отношений СССР с прибалтийскими соседями. Это показали и последние дипломатические переговоры с представителями Эстонии, Латвии и Литвы, и те договоры, которые были подписаны в Москве, в результате этих переговоров.

Вы знаете, что Советский Союз заключил такие пакты взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, которые имеют крупнейшее политическое значение. Принципиальная основа этих пактов одинаковая. Они основаны на взаимопомощи между Советским Союзом, – с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой, – с другой стороны, включая и военную помощь друг другу в случае нападения на когολибо из них. Ввиду особого географического положения этих стран, являющихся своего рода подступами к СССР, особенно со стороны Балтийского моря, эти пакты предоставляют Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в определенных пунктах Эстонии и Латвии, а в отношении Литвы устанавливают совместную с Советским Союзом защиту литовской границы. Создание этих советских военно-морских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств и, тем самым, служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши народы.

Имевшие место в последнее время дипломатические переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой показали, что между нами существует достаточное доверие и нужное понимание необходимости осуществления этих военно-оборонительных мер в интересах как Советского Союза, так и самих этих государств. В переговорах полностью выявилось стремление их участников к сохранению мира и обеспечению безопасности для наших народов, занятых мирным трудом. Все это и обеспечило успешное окончание переговоров и заключение пактов взаимопомощи, имеющих важное историческое значение.

Особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати. Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают неприкосновенность суверенитета подписавших их государств и принцип невмешательства в дела другого государства. Эти пакты исходят из взаимного уважения государственной, социальной и экономической структуры другой стороны и должны укрепить основу мирного добрососедского сотрудничества между нашими народами. Мы стоим за честное и пунктуальное Проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о советизации прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам.

На основе достигнутого улучшения политических отношений с Эстонией, Латвией и Литвой, Советский Союз пошел широко навстречу хозяйственным нуждам этих государств, заключив соответствующие торговые соглашения. В связи с этими хозяйственными соглашениями, товарооборот с прибалтийскими странами увеличивается в несколько раз и имеет благоприятную перспективу для дальнейшего роста. В условиях, когда торговля всех европейских стран, в том числе и нейтральных государств, переживает громадные затруднения, эти экономические соглашения СССР с Эстонией, Латвией и Литвой имеют для них весьма крупное положительное значение.

Таким образом, сближение, происшедшее между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой, будет содействовать более быстрому подъему сельского хозяйства, промышленности, транспорта и вообще народному благосостоянию наших прибалтийских соседей.

Принципы советской политики в отношении малых стран с особой силой продемонстрированы на примере договора о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области. При этом Литовское государство с его населением в два с половиной миллиона человек значительно расширяет свою территорию, увеличивает на 550 тысяч человек свое население и получает город Вильно, число жителей которого почти в два раза превышает население теперешней Литовской столицы. Советский Союз пошел на передачу города Вильно Литовской Республике не потому, что в нем преобладает литовское население. Нет, в Вильно большинство составляет нелитовское население. Но Советское Правительство считалось с тем, что город Вильно, который Польшей был насильственно отторгнут от Литвы, должен принадлежать Литве, как такой город, с которым связано, с одной стороны, историческое прошлое Литовского государства, а с другой – национальные чаяния литовского народа. В заграничной печати указывалось, что в мировой истории не было еще такого случая, чтобы большое государство по собственной воле отдавало малому государству такой большой город. Тем ярче этот акт Советского государства демонстрирует его добрую волю.

В особом положении находятся наши отношения с Финляндией. Это объясняется, главным образом, тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав. Беспристрастные люди должны, однако, признать, что те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза и, особенно, Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, – стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный, после Москвы, город советского государства – Ленинград – находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий. С другой стороны, морские подступы к Ленинграду также в значительной мере зависят от того – враждебную или дружественную позицию в отношении Советского Союза занимает Финляндия, которой принадлежит вся северная часть побережья Финского залива и все острова вдоль центральной части Финского залива.

Считаясь с таким положением, а также с создавшейся в Европе обстановкой, можно рассчитывать, что со стороны Финляндии будет проявлено должное понимание.

На чем основывались отношения Советского Союза с Финляндией за все эти годы? Известно, что основой этих отношений является мирный договор 1920 г. по типу наших договоров с другими нашими балтийскими соседями. Советский Союз своим свободным волеизъявлением обеспечил самостоятельное и независимое существование Финляндии. Не может быть сомнения, что только Советское Правительство, признающее принцип свободного развития национальностей, могло пойти на этот шаг. Нужно сказать, что никакое правительство в России, кроме советского, не может допустить существование независимой Финляндии у самых ворот Ленинграда. Об этом красноречиво говорит опыт с «демократическим» правительством Керенского–Церетели, не говоря уже о правительстве князя Львова–Милюкова и тем более о царском правительстве. Нет сомнения, это важное обстоятельство могло бы служить хорошей предпосылкой для улучшения советско-финских отношений, в которых, как видно, Финляндия не меньше заинтересована, чем Советский Союз.

Советско-финские переговоры начались недавно, по нашей инициативе. Что является предметом этих переговоров? Не трудно понять, что в современной международной обстановке, когда в центре Европы развертывается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, – Советский Союз не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей безопасности. При этом естественно, что Советское Правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-нибудь 30 километрах нависла над Ленинградом. Я напомню, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей. (Веселое оживление в зале).

Едва ли есть основания останавливаться на тех небылицах, которые распространяются заграничной прессой о предложениях Советского Союза в переговорах с Финляндией. Одни утверждают, что СССР «требует» себе г. Випури (Выборг) и северную часть Ладожского озера. Скажем от себя, что это – чистый вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР «требует» передачи ему Аландских

островов. Это – такой же вымысел и ложь. Болтают еще о каких-то претензиях, якобы существующих у Советского Союза в отношении Швеции и Норвегии. Но это беспардонное вранье просто не заслуживает опровержения. (Общий смех). На самом деле, наши предложения в переговорах с Финляндией являются максимально скромными и ограничиваются тем минимумом, без которого невозможно обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией.

Мы начали переговоры с представителями Финляндии, для чего Финляндское правительство командировало в Москву господ Паасикиви и Таннера с предложения заключить советско-финский пакт взаимопомощи примерно по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами. Поскольку, однако, Финляндское правительство заявило нам, что заключение такого пакта противоречило бы занятой им позиции абсолютного нейтралитета, мы не стали настаивать на нашем предложении. Мы предложили тогда перейти к конкретным вопросам, в которых мы заинтересованы с точки зрения обеспечения безопасности СССР и, в особенности, безопасности Ленинграда как со стороны моря – в Финском заливе, так и со стороны суши, ввиду чрезмерной близости пограничной линии к Ленинграду. Мы предложили договориться о том, чтобы отодвинуть на север от Ленинграда на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке. Взамен этого мы предложили передать Финляндии часть территории Советской Карелии, превышающую в два раза территорию, передаваемую Финляндией Советскому Союзу. Мы предложили также договориться о том, чтобы Финляндия сдала нам в аренду на определенный срок небольшой участок своей территории в районе входа в Финский залив, дабы мы могли там организовать военно-морскую базу. При наличии советской военно-морской базы у южного входа в Финский залив, а именно в Балтийском порту, как это обусловлено советско-эстонским пактом взаимопомощи, создание военно-морской базы у северного входа в Финский залив могло бы полностью обеспечить безопасность Финского залива против враждебных покушений со стороны других государств. Мы не сомневаемся в том, что создание такой базы соответствует интересам не только Советского Союза, но и безопасности самой Финляндии. Другие наши предложения и, в частности, наше предложение об обмене территории некоторых

островов в Финском заливе, а также части полуостровов Рыбачий и Средний на двойную по размерам территорию в Советской Карелии, по-видимому, не встречают возражений со стороны Финляндского правительства. Разногласия в отношении некоторых наших предложений еще не преодолены, а сделанные в этом отношении Финляндией уступки, например, частичная уступка территории на Карельском перешейке, явно не достигают цели.

Мы сделали далее ряд новых шагов навстречу Финляндии. Мы сказали, что, если будут приняты наши основные предложения, мы готовы снять наши возражения против вооружения Аландских островов, на чем уже давно настаивает Финляндское правительство. Мы оговорили только, что мы снимаем свои возражения против вооружения Аландских островов при условии, что указанные вооружения будут проводиться национальными силами самой Финляндии и что в этих вооружениях третьи страны не будут принимать никакого участия, поскольку и СССР не участвует в них. Мы предложили также Финляндии провести на всей советско-финской границе на Карельском перешейке разоружение укрепленных районов, что должно целиком соответствовать интересам Финляндии. Мы выразили далее желание усилить советско-финский пакт ненападения дополнительными взаимными гарантиями. Наконец, упрочение политических советско-финских отношений несомненно явилось бы прекрасной базой и для быстрого подъема хозяйственных отношений между нашими странами.

Таким образом, мы готовы идти навстречу Финляндии в тех вопросах, в которых она особенно заинтересована.

После всего этого мы не думаем, чтобы со стороны Финляндии стали искать повода к срыву предполагаемого соглашения. Это не соответствовало бы политике дружественных советско-финских отношений и, конечно, нанесло бы серьезный ущерб Финляндии.

Мы уверены, что руководящими финляндскими кругами будет правильно понято значение укрепления советско-финских дружественных отношений, и финляндские деятели не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны кого бы то ни было.

Я должен, однако, сообщить, что даже президент Соединенных Штатов Америки нашел уместным вмешаться в эти вопросы, что трудно согласовать с политикой американского нейтралитета. В сво-

ем послании 12 октября на имя товарища Калинина, Председателя Президиума Верховного Совета, господин Рузвельт выразил надежду на сохранение и развитие дружелюбных и мирных отношений между СССР и Финляндией. Можно подумать, что у Соединенных Штатов Америки лучше обстоят дела, скажем, с Филиппинами или с Кубой, которые давно требуют от США свободы и независимости и не могут их получить, чем у Советского Союза с Финляндией, которая давно уже получила от Советского Союза и свободу и государственную независимость.

На послание господина Рузвельта товарищ Калинин ответил следующим образом: «Считаю уместным напомнить Вам, господин президент, что государственная независимость Финляндской республики была признана свободным волеизъявлением Советского Правительства 31 декабря 1917 года, и что суверенитет Финляндии обеспечен за нею мирным договором между РСФСР и Финляндией от 14 октября 1920 года. Указанными актами Советского Правительства определены были основные принципы взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией. В соответствии с этими принципами ведутся и нынешние переговоры между Советским Правительством и Правительством Финляндии. Вопреки тенденциозным версиям, распространяемым кругами, очевидно, не заинтересованными в европейском мире, единственной целью указанных переговоров является упрочение взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией и укрепление Дружественного сотрудничества обеих стран в деле обеспечения безопасности Советского Союза и Финляндии».

После такого ясного ответа Председателя Президиума Верховного Совета СССР должно быть совершенно понятно, что при наличии доброй воли Финляндское правительство пойдет навстречу нашим минимальным предложениям, которые не только не противоречат национальным и государственным интересам Финляндии, но укрепляют ее внешнюю безопасность и создают широкую базу для дальнейшего широкого развития политических и хозяйственных отношений между нашими странами.

Несколько слов о переговорах с Турцией.

О существе этих переговоров пишут за границей всякую небылицу. Одни утверждают, что СССР будто бы требовал передачи районов Ардагана и Карса. Скажем от себя, что это – сплошной вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР требовал будто

бы изменения международной конвенции, заключенной в Монтре, и преимущественных прав для СССР в вопросе о проливах. Это – тоже вымысел и ложь. На самом деле, речь шла о заключении двустороннего пакта взаимопомощи, ограниченного районами Черного моря и проливов. СССР считал, что заключение такого пакта не может побудить его к действиям, которые могли бы втянуть его в вооруженный конфликт с Германией, это – во-первых, и что СССР должен иметь гарантию, что ввиду угрозы войны Турция не пропустит военных кораблей нечерноморских держав через Босфор в Черное море, это – во-вторых. Турция отклонила обе эти оговорки СССР и тем сделала невозможным заключение пакта.

Советско-турецкие переговоры не привели к заключению пакта, но они помогли выяснить или, по крайней мере, прощупать ряд интересующих нас политических вопросов. В современной международной обстановке особенно важно знать истинное лицо и политику государств, отношения с которыми имеют серьезное значение. В политике Турции нам многое стало теперь гораздо яснее как в результате московских переговоров, так и в результате последних внешнеполитических актов Турецкого правительства.

Как известно, правительство Турции предпочло связать свою судьбу с определенной группировкой европейских держав, участвующих в войне. Оно заключило пакт взаимопомощи с Англией и Францией, уже два месяца ведущими войну против Германии. Тем самым Турция окончательно отбросила осторожную политику нейтралитета и вступила в орбиту развертывающейся европейской войны. Этим весьма довольны как в Англии, так и во Франции, которые хотят побольше нейтральных стран вовлечь в свою сферу войны. Не пожалеет ли об этом Турция – гадать не будем. (Оживление в зале). Нам приходится лишь отметить эти новые моменты во внешней политике нашего соседа и внимательно следить за развитием событий.

Если Турция до известной степени теперь связала себе руки и склонилась к рискованной для нее поддержке одной из воюющих сторон, то, очевидно, Турецкое правительство сознает ответственность, которую оно этим взяло на себя. Но это не та внешняя политика, которой следует Советский Союз и благодаря которой Советский Союз уже обеспечил немало внешнеполитических успехов. Советский Союз предпочитает и впредь оставить себе руки свободными, последовательно проводить свою политику нейтралитета и

не только не содействовать разжиганию войны, а содействовать укреплению имеющихся стремлений к восстановлению мира. Мы уверены в том, что политика мира, которую неуклонно проводит СССР, имеет и в дальнейшем лучшие перспективы. Эту политику мы будем проводить и в районе Черного моря с уверенностью, что полностью обеспечим должное ее проведение, как этого требуют интересы Советского Союза и дружественных ему государств. (Аплодисменты).

Теперь об отношениях с Японией.

За последнее время в советско-японских отношениях имеется известное улучшение. Это улучшение наметилось со времени недавнего московского соглашения, в результате которого был ликвидирован известный конфликт на монголо-манчжурской границе.

В течение ряда месяцев, точнее говоря в течение мая, июня, июля, августа и до середины сентября, в Номанханском районе, примыкающем к монголо-манчжурской границе, происходили военные действия с участием японо-манчжурских и советско-монгольских войск. В боевых действиях за этот период участвовали все роды оружия, включая авиацию и тяжелую артиллерию, а бои иногда принимали весьма кровопролитный характер. Никому не нужный конфликт вызвал немалые жертвы на нашей стороне, но эти жертвы были в несколько раз больше на японо-манчжурской стороне. Наконец, Япония обратилась к нам с предложением ликвидировать конфликт, и мы охотно пошли навстречу японскому правительству.

Как известно, конфликт был вызван стремлением Японии присвоить часть территории Монгольской Народной Республики и этим путем насильственно изменить в свою пользу монголо-манчжурскую границу. Такой односторонний метод должен был встретить решительный отпор и показал еще раз свою полную несостоятельность, когда дело касается Советского Союза или его союзников. Если на злополучном примере Польши было недавно продемонстрировано, как дешево иной раз стоят пакты взаимопомощи, подписанные некоторыми великими державами Европы (смех), то на монголо-манчжурской границе было продемонстрировано совсем другое. Здесь было продемонстрировано значение пактов взаимопомощи, под которыми стоит подпись Советского Союза. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Что касается указанного конфликта, то в результате советско-японского соглашения, заключенного 15 сентября в Москве, он был

ликвидирован, и мир был полностью восстановлен на монголо-манчжурской границе. Тем самым был сделан первый шаг к улучшению советско-японских отношений.

На очереди стоит образование смешанной пограничной комиссии из представителей советско-монгольской и японо-манчжурской сторон. Этой комиссии предстоит рассмотреть некоторые спорные пограничные вопросы. Можно не сомневаться, что если добрая воля будет проявлена не только с нашей стороны, то метод делового рассмотрения пограничных вопросов даст положительные результаты.

Кроме того, выяснилась возможность приступить к переговорам по вопросам советско-японской торговли. Нельзя не признать, что и развитие советско-японского товарооборота соответствует интересам обоих государств.

Таким образом, мы имеем основания говорить о наметившемся улучшении наших отношений с Японией. Сейчас трудно судить, в какой мере можно рассчитывать на быстрое развитие этой тенденции. Нам еще не удалось выяснить, насколько серьезно подготовлена почва для этого в японских кругах. Со своей стороны должен сказать, что мы положительно относимся к этого рода японским предложениям, подходя к ним с точки зрения основной нашей политической позиции и заботы об интересах мира.

Наконец, несколько слов о военной контрабанде и о вывозе оружия из нейтральных стран в воюющие страны.

На днях была опубликована нота Советского Правительства в ответ на ноты Англии от 6 и 11 сентября. В нашей ноте изложена точка зрения СССР на вопросы военной контрабанды и указано, что Советское Правительство не может причислить к военной контрабанде продукты питания, топливо для мирного населения и предметы одежды, что запретить ввоз предметов массового потребления – значит обречь детей, женщин, стариков, больных на бедствия и голодную смерть. Советское Правительство указывает в ноте, что такие вопросы не могут быть предметом одностороннего решения, как сделала это Англия, а должны быть решены с общего согласия держав. Мы рассчитываем, что нейтральные страны, а также общественное мнение Англии и Франции признают правильность нашей позиции и примут меры к тому, чтобы война между армиями воюющих стран не была превращена в войну против детей, женщин, стариков, больных. Во всяком случае наша страна как страна нейтральная, не

заинтересованная в разжигании войны, примет все меры к тому, чтобы сделать войну менее разрушительной, ослабить ее и ускорить ее окончание в интересах мира.

С точки зрения такой перспективы решение американского правительства об отмене запрета (эмбарго) на вывоз оружия в воюющие страны вызывает законные сомнения. Едва ли может быть сомнение, что это решение будет иметь своим результатом не ослабление войны и не приближение конца войны, а наоборот – усиление, обострение и затяжку войны. Конечно, такое решение может обеспечить высокие барыши для американской военной промышленности. Но вот вопрос: может ли это обстоятельство служить оправданием отмены эмбарго на вывоз оружия из Америки? Ясно, что не может.

Такова международная обстановка в настоящее время. Таковы основы внешней политики Советского Союза. (Бурные, долго н essмолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают).

ДИРЕКТИВА №1 О ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Верховный главнокомандующий вооруженными силами
Верховное командование вооруженных сил
Штаб оперативного руководства вооруженными силами
№ 170/39
Отдел обороны страны
Берлин, 31.8.1939
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности разрешения мирным путем положения на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого решения силой.

2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по «белому плану», учитывая изменения обстановки, которые могут возникнуть в ходе стратегического развертывания сухопутных сил. Задачи и оперативные цели остаются без изменений. День наступления – 1 сентября 1939 г. Начало наступления – 4 часа 45 мин.

Это же время распространяется на операции против Гдыня – бухта Гданьска и для захвата моста Диршау (Тчев).

3. На западе ответственность за открытие враждебных действий следует недвусмысленно возложить на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ следует вначале ликвидировать чисто местным порядком.

Строго соблюдать нейтралитет, обещанный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии.

Германская сухопутная граница на западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится ко всем военно-морским операциям, а также к другим действиям на море, которые могут расцениваться как военные операции.

Действия военно-воздушных сил должны, прежде всего, ограничиваться противовоздушной обороной государственных границ от налетов авиации противника и стремиться по мере возможности не нарушать границ нейтральных стран при отражении как отдельных самолетов, так и небольших авиационных подразделений. Лишь в случае налетов на территорию Германии крупных сил французской

и английской авиации через нейтральные государства и когда становится невозможным обеспечить противовоздушную оборону на западе, последнюю разрешается осуществлять также и над территорией нейтральных стран.

Особую важность приобретает немедленное извещение верховного командования вооруженных сил о каждом нарушении границ нейтральных стран со стороны западных противников.

4. Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задачей действующих на западе вооруженных сил будет являться путем максимального сохранения сил сохранить предпосылки для победоносного завершения операций против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо насколько возможно уничтожать вооруженные силы противника и его экономический потенциал. Начинать наступление только по моему приказу.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае, если западные державы нарушат нейтралитет Бельгии и Голландии и начнут продвигаться через их территории. В случае если французская армия вступит на территорию Люксембурга, то разрешаю взрывать пограничные мосты.

Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом, с английским. Возможно, что в целях увеличения эффективности действий нашего флота придется прибегнуть к объявлению опасных зон. Главному командованию военно-морских сил установить, в каких морях и в каких размерах целесообразно создать опасные зоны. Текст публичного заявления должен быть подготовлен совместно с Министерством иностранных дел и представлен мне через верховное командование вооруженных, сил для утверждения.

Должны быть приняты меры по предотвращению вторжения противника в Балтийское море. Принятие решения о целесообразности заминирования входов в Балтийское море возлагается на главнокомандующего военно-морскими силами.

Военно-воздушные силы имеют своей задачей, в первую очередь, воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных сил и жизненного пространства Германии.

В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские пути, ведущие в Англию, уничтожения транспортов с войсками, отправленными во Францию, и для нанесения ударов по военно-промышленным объектам противника.

Необходимо использовать благоприятные обстоятельства для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских военно-морских сил, в особенности линейных кораблей и авианосцев. Право принятия решения на бомбардировку Лондона оставляю за собой.

Наступление на английскую метрополию должно готовиться в таком направлении, чтобы при любых условиях избежать безуспешных результатов ввиду нанесения удара ограниченными силами.

Подпись: А. Гитлер

Список использованной литературы

1. Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnetrznych, R-16/1.
2. Захаров, В. В преддверии катастрофы. Германия 1933–1939 годы. – М.: Фонд «Ковчег». Коллекция «Совершенно секретно», 2003.
3. Исраэлян, В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). – М.: «Международные отношения», 1985.
4. Финкер, К. Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга. – М.: «Прогресс», 1976.
5. Конев, И. С. Записки командующего фронтом 1943–1945. – М.: «Наука» 1985.
6. Шунков, В. Н. Оружие вермахта. – Минск: «Харвест» 1999.
7. Лавренов, С. Я., Попов, И. М. Крах III Рейха. – М.: АСТ, 2000.
8. Миддельдорф, Э. Русская кампания: тактика и вооружение. – М.: АСТ, 2000.
9. Глинка, Ф. Н. Письма русского офицера. – М.: 1970.
10. Сталин, И. В. Сочинения. – М.: 1951.
11. Филимошин, М. В. Десятками стрелял людей только за то, что выглядели как большевики. – Военно-исторический журнал. 2001, № 2.
12. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: 2001.
13. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T.III. Warszawa, 1968.
14. Годы кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. – М.: 1990.
15. Черчилль, У. Вторая мировая война. Т. 1: Надвигающаяся буря. – М.: Воениздат, 1991.
16. Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937–1939. Т. 1. – М., 2001.
17. Курт фон Типпельскирх. История второй мировой войны». Т 1. – М.: АСТ, 2001.

18. Булгаков, М.В. Белая гвардия. – Кишинев: «Лумина», 1987.
19. Правда. – № 259 (7944). – 18 сентября 1939.
20. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина. – М.: 2002.
21. Из Варшавы. Москва, товарищу Берия… Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. – М.: 2001.
22. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Книга 1. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М.: 2000.
23. Горьков, Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002.
24. Гальдер, Ф. Военный дневник. Т. 1. – М., 1969.
25. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. – М.: 1973.
26. Ширер, У. Взлет и падение Третьего Рейха… Т. 1. – М.: Воениздат, 1991.
27. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. – М.: АПН, 1978.
28. Самолеты Второй мировой. – М.: АСТ, 2000.
29. Артиллерия и минометы XX века. – Смоленск: Русич, 2001.
30. Танки мира. – Смоленск, Русич, 2001.

Содержание

Литературно-художественное издание

Усовский Александр

ПРОДАННАЯ ПОЛЬША
ИСТОКИ СЕНТЯБРЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Ответственный за выпуск *В.В. Ивлева*
Редактор *О.Ю. Соловей*
Технический редактор *О.В. Федькова*

Подписано в печать 27.11.2009. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 12,38.
Тираж 3050 экз. Заказ 3028.

ООО «Современная школа».
ЛИ № 02330/0494010 от 08.01.2009.
Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу – это утверждение от миллионов повторов стало канонической истиной, аксиомой, не нуждающейся в доказательствах. Последние шестьдесят лет этой фразой начинаются почти все книги о Той войне – и подавляющее большинство читателей воспринимает это, как должное.

А так ли было на самом деле?

И самое главное – была ли неизбежной Та война?

Могло ли ее не случиться, и кто на самом деле хотел, чтобы она обязательно случилась?

Могла ли Польша избежать войны, уступив Германии в ее требованиях? Такими уж немыслимыми и несправедливыми были требования Германии к ней? Что заставило поляков наотрез отказаться от предложений Гитлера мирно урегулировать польско-германские противоречия и избрать войну в качестве единственно возможного выхода?

И почему, начав войну, – уже через несколько дней после первых выстрелов польское высшее руководство бежало из страны, устранившись от принятия решений и бросив свой народ и армию, предоставив другим странам решать судьбу не только своей страны, но и всей Европы (как оказалось, и не только)? Что это было? Только ли трусость и неспособность нести ответственность? Измена? Заранее спланированный политический ход?

Если так, то кем он заказан и оплачен? Кто на самом деле стоял за спиной Польши в предвоенные годы, кто натолкнул эту страну на путь конфронтации с Германией и, следовательно, стал истинным зачинщиком Второй мировой войны – об этом книга.

А еще она – о героизме и предательстве, о героизме простых солдат и подлости бросивших их генералов, о жадности и глупости, а также о том, как это используют те, кто привык зарабатывать на человеческих страданиях.

Когда читатель прочтет книгу, он сможет сам сформировать свое мнение об этом. Возможно, возникнут вопросы, и вопросы неприятные и неудобные. Плохо, когда нет смелости узнать правду до конца, но тот, кто ее ищет – всегда прав.

История далека от завершения. В сегодняшней Польше продолжается многовековая борьба, идущая между Польшей славянской и Польшей европейской – и она далека от завершения…

ISBN 978-985-513-729-1

9 789855 137291